

СИСТЕМНОСТЬ
ВНУТРИЯЗЫКОВЫХ
И МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ
ОТНОШЕНИЙ

1043769

ИЗДАТЕЛЬСТВО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1985

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Казанского университета

Научные редакторы — канд. филол. наук, доцент *Н. А. Маслова*,
канд. филол. наук, доцент *Э. М. Солодухо*

Рецензенты: канд. филол. наук, доцент *С. Ф. Занько*,
канд. филол. наук, доцент *Н. Г. Ковальчук*

Монография посвящена изучению актуальных вопросов взаимодействия языков, типологии словообразования и синонимии. В работе представлен оригинальный опыт статистического исследования корневых морфем в текстах немецкого научного стиля, раскрывается взаимоотношение между семантикой корневых глаголов и их способностью к префиксации, рассматривается реализация иноязычных словообразовательных формантов, а также изучаются семантико-синтаксические аспекты производных слов, предложений и текстов. Исследование вопросов типологии словообразования, фразообразования и синонимии сочетается с решением узловых проблем взаимодействия языков.

Работа рассчитана на широкий круг лингвистов, преподавателей языка, аспирантов и студентов-филологов.

С $\frac{4602010000-037}{075(02)-85}$ 36-85

ВВЕДЕНИЕ

Новый этап в развитии типологии характеризуется повышенным интересом специалистов к изучению языковой структуры и ее иерархии, к рассмотрению типологии языковых подсистем и отдельных категорий, стремлением ученых создать типологию универсалий, а также выявить сферы, в которых наиболее успешно применяются количественные критерии. Две из четырех названных тенденций связаны со структурными и системными штудиями.

Наметился сдвиг в распределении акцентов типологических поисков. Установление частного, несовпадающего уступает место выявлению универсалий. Типологические черты, первоначально устанавливаемые лишь на морфологическом уровне, в настоящее время вскрываются и на других уровнях языка, чему способствовало пристальное внимание типологов к понятию языковой системы и структуры. Основной корпус типологических работ посвящен изучению типологии микросистем и категорий отдельных уровней. На морфологическом уровне изучаются как система в целом, так и ее составляющие части. Интересны работы по микротипологии лексики, выполненные в парадигматическом и синтагматическом планах. Центр внимания синтаксической типологии — типология ядерной и эргативной конструкции предложения в языках различных типов. Семантическая типология находится на начальных этапах своего развития. Совершенно очевидно, что без изучения смысловой структуры языка типологические исследования не могут быть полноценными. Особый интерес представляют работы по типологии слова как связующего звена между фонологией, морфологией, лексикологией, синтаксисом и семантикой.

В данной книге освещается комплекс актуальных проблем, связанных с анализом единиц различных уровней языка с точки зрения общезыковой типологии. При этом значительное внимание уделяется рассмотрению системности конкретных внутри- и межъязыковых отношений.

ГЛАВА I. СИСТЕМНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИИ ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР

§ 1. О системности в типологических исследованиях текста.

Для многих современных типологических исследований характерен поворот в сторону сопоставительно-типологического изучения языков, который предполагает „вовлечение содержательной стороны в орбиту типологических изысканий”, поскольку и в области содержания „языки обнаруживают черты как сходства, так и различия”¹.

Трудности сопоставительного изучения содержательной стороны языков возникают, так сказать, с порога, т. е. с понимания самого термина „содержание”. Какое содержание должно лечь в основу типологических сопоставлений? Должна ли это быть „семантика отражения” или речь должна идти исключительно о „лингвистической семантике”²? Возможен ли учет обеих семантик?

В первом случае („семантика отражения”) обычно говорят о смысле элементов языка, во втором — о содержании лингвистических единиц. Исследовательская практика показывает, что лингвист всегда сталкивается от смысла исследуемого и стремится затем к выведению инвариантного. Например, В. В. Богданов, избрав предметом своего исследования мысль, содержащуюся в предложении, оперирует в ходе исследования понятиями агентив, объектив, перцептив, элементив и другими, т. е. такими категориями, которые в потоке самых разнообразных смыслов призваны ухватить то общее, что характеризует классы или категории этих смыслов³. Показателен в этом отношении и опыт представителей так называемой традиционной грамматики. Так, О. Есперсен, размышляя над проблемой выделения разрядов слов (частей речи), обращает внимание на общность некоторых смыслов у различных разрядов слов. Опираясь на понятие „мысль”, он констатирует: „Действительно, то, что в одном языке обозначается глаголом, в другом может обозначаться прилагательным или наречием: не нужно даже выходить за пределы английского языка, чтобы увидеть, что одна и та же мысль может быть выражена предложением „Ему случилось упасть” и предложением „Он упал слу-

чайно”⁴. Далее, О. Есперсен приводит список синонимических высказываний, „в которых существительные, прилагательные, наречия и глаголы меняются местами как будто совершенно произвольно”:

1. He moved astonishingly fast.
Он двигался удивительно быстро.
2. He moved with astonishing rapidity.
Он двигался с удивительной быстротой.
3. His movements were astonishingly rapid.
Его движения были удивительно быстрыми.
4. His rapid movements astonished us.
Его быстрые движения удивляли нас.
5. His movements astonished us by their rapidity.
Его движения удивляли нас своей быстротой.
6. The rapidity of his movements was astonishing.
Быстрота его движений была удивительна.
7. The rapidity with which he moved astonished us.
Быстрота, с которой он двигался, удивляла нас.
8. He astonished us by moving rapidly.
Он удивлял нас тем, что двигался быстро.
9. He astonished us by his rapid movements.
Он удивлял нас своими быстрыми движениями.
10. He astonished us by the rapidity of his movements.
Он удивлял нас быстротой своих движений.

Сам О. Есперсен рассматривает приведенный им список как крайний случай (случайность). Здесь же важно обратить внимание на то, что, явно не довольствуясь смысловым подходом к анализу рассматриваемых „синонимических выражений”, он связывает саму возможность такого списка с употреблением „нексусных” слов (отглагольных существительных и так называемых абстрактных существительных), специально приспособленных к тому, чтобы переводить слова из одного разряда в другой. Однако в данном случае весьма затруднительно дать ясный ответ на вопрос о том, какие именно лингвистические единицы имеет в виду О. Есперсен, так как непонятно, идет ли речь о частях речи как специфических морфологических единицах или о лексемах — единицах лексического уровня языка, рассматриваемых в рамках предложений, т. е. тех самых рамках, которые, очевидно, и наводят на мысль о наличии в языке „нексусных” слов.

В семидесятые годы в ходе интенсивной разработки

проблемы уровней языка в работах А. М. Мухина и его учеников получены новые данные в плане разграничения единиц лексического и синтаксического уровней языка⁵. Элементарные синтаксические единицы предложений, устанавливаемые с учетом их синтаксической семантики, а также с учетом семантики отражения, получили название синтаксем. Разграничение лексической и синтаксической семантики с опорой на понятие лексемы и синтаксемы обеспечивает адекватный анализ предложений и текста в их номинативном аспекте. На этих путях естественным образом учитывается связь семантики отражения и синтаксической семантики. По-видимому, наиболее выдающимся достижением синтаксемного анализа является открытие системных рядов синтаксем: коррелятивных, оппозитивных и эквивалентностных. Первое из указанных трех понятий призвано отразить системные взаимоотношения между рядами (системами) синтаксем, отличающихся категориальными синтаксико-семантическими признаками. Таковы ряды субстанциальных и процессуальных, субстанциальных и квалификативных, процессуальных и квалификативных синтаксем, наделенных различными некатегориальными признаками. Второе и третье понятия разграничивают системные отношения между оппозитивными парадигматическими рядами (членами таких рядов являются синтаксемы, объединенные общностью того или иного синтаксико-семантического признака) и эквивалентностными парадигматическими рядами (членами этих рядов являются варианты одной и той же синтаксемы)⁶. Имея под рукой такие ряды синтаксем, уже невозможно считать приведенные выше примеры из списка О. Есперсена случайным набором синонимических выражений, обозначающих одну и ту же мысль, как это склонен был делать сам О. Есперсен и как это делается иногда в современных исследованиях⁷. Неудовлетворительным является и само понятие „мысль” (смысл), которое не способствует выявлению инвариантных единиц языка⁸. Опираясь на понятие „смысл”, можно лишь весьма приблизительно говорить о том, что данные предложения выражают по существу одну и ту же мысль. Более тщательный анализ указал бы на разные „смыслы” предложений *He moved with astonishing rapidity* и *His movements were astonishingly rapid*, в которых ситуация движения отражена по-разному. Опять-таки, отталкиваясь от смысла, трудно было бы объяснить замену нареч-

ной лексемы *fast* из первого примера адъективной лексемой *rapid* в четвертом примере. О. Есперсену в первом примере была нужна позиция приглагольного адъюнкта, но наблюдательный исследователь понимал, что лексема *rapid* в данной позиции не соответствует смысловым нормам английского языка. С другой стороны, наречие *fast* ущербно в словообразовательном отношении: с наречием *fast* десять „случайных” выражений не получится.

Что же способствует тому, что примеры О. Есперсена все-таки можно рассматривать как набор „синонимических выражений”?

Рассмотрим данные примеры в аспекте их синтаксической семантики, пометив каждую синтаксему ее содержательной характеристикой в терминах синтаксико-семантических признаков:

1. He moved astonishingly fast.
SbAg. PrAct. QLfSt. QLfQLt.
2. He moved with astonishing rapidity.
SbAg PrAct QLfSt QLfQLt Cmt.
3. His movements were astonishingly rapid.
SbAgPoss SbActQLt QLfSt QLfQLt.
4. His rapid movements astonished us.
SbAgPoss QLfQLt SbActSt PrSt SbObj.
5. His movements astonished us by their rapidity.
SbAgPoss SbActSt PrSt SbObj SbPossQLt SbObjQLt.
6. The rapidity of his movements was astonishing.
SbQLtSt SbAgPoss SbActSt PrSt.
7. The rapidity with which he moved astonished us.
SbQLtSt Rlt SbAg PrAct PrSt SbObj.
8. He astonished us by moving rapidly.
SbSt PrSt SbObj PrObjAct QLfQLt.
9. He astonished us by his rapid movements.
SbSt PrSt SbObj SbAgPoss QLfQLt SbObjAct.
10. He astonished us by the rapidity of his movements.
SbSt PrSt SbObj SbObjQLt SbAgPoss SbObjAct.

В этих десяти примерах участвуют в основном 12 синтаксем, каждая многократно повторяется. Так, субстанциальная агентивная синтаксема, выраженная местоимением *he*, повторяется трижды; субстанциальная агентивная посессивная (местоимение *his*) — пять; процессуаль-

ная стативная синтаксема (astonished, was astonishing) — семь; квалификативная кваликативная в различных своих вариантах (rapid, was...rapid, rapidly)⁹ — шесть раз и т. д. Еще большую повторяемость имеют некатегориальные признаки синтаксем. Например, признак кваликативности (качества) повторяется 10 раз в синтаксемах fast, with...rapidity, were... rapid, rapid, by ...rapidity, the rapidity, the rapidity, rapidly, rapid, the rapidity, т. е. повторяется буквально во всех десяти предложениях. Десятикратно повторены также признаки состояния и активности (в рядах: astonishingly, astonishing, was astonishing, astonished, etc.; moved, movements, by moving, etc); девять раз — признак агентивности, семь раз — признак носителя состояния. Все это недвусмысленно свидетельствует о том, что в основе синонимичности рассматриваемых предложений лежит повторяемость синтаксико-семантических признаков соответствующих синтаксем.

Примеры О. Есперсена можно было характеризовать как случайное жонглирование „некусными словами” в условиях, когда они, равно как и другие многочисленные примеры, исследовались вне системы подобных им средств языка. О неслучайности же есперсеновского списка можно судить по тому, что он не уникален. Сравните: She is a beautiful dancer; She dances beautifully; Her dancing is beautiful; She surprised us by her beautiful dancing, etc; He speaks English fluently; His English speech is fluent; His fluent English speech; He astonished us by the fluency of his English speech, etc.

Синтаксемы в рассматриваемых типах предложений могут иметь различное лексическое наполнение. Многократно меняя лексическое наполнение синтаксем, мы получаем всякий раз новые смыслы и новые актуальные предложения при тождестве составляющих их синтаксем. Сравните: He astonished us by his rapid movements; Pat astonished us by his decent actions; The wolf surprised us by his rapid movements; The tutor amazed the students by her fluent speech, etc.

Рассматривая примеры О. Есперсена с системных позиций, мы должны отметить, что системные ряды синтаксем реализуются в данных примерах далеко не исчерпывающим образом. Так, например, оппозитивный парадигматический ряд кваликативных синтаксем представлен

в них всего четыремя членами: квалификативной комитативной синтаксемой *with rapidity*, субстанциальной косвенной объектной *by ... rapidity*, субстанциальной носителя состояния *the rapidity* и тремя вариантами квалификативной кваликативной синтаксемы *rapid, were...rapid, rapidly*. То же можно сказать и о реализации агентивных, активных, объектных, посессивных и других оппозитивных рядов синтаксем в данных примерах. Все это говорит о том, что в списке О. Есперсена отражен лишь очень небольшой фрагмент общей синтаксической системы английского языка. Конечно, в реальной речи подобное нагромождение предложений с общими признаками составляющих их элементов не встречается, однако, не приходится сомневаться в том, что системные средства языка организуются в текстах определенным способом. Отмечая, что „структура языка и структура сотканного из языковых элементов речевого произведения не совпадают”, С. Д. Кацнельсон подчеркивает, что „язык вливается в речь не как целостная структура, а фрагментарно, отдельными строевыми элементами, отбираемыми сообразно потребностям сообщения и получающими в речи свое особое, специфическое для данного текста построение”¹⁰.

Остановимся подробнее на первой из двух указанных С. Д. Кацнельсоном сфер функционирования средств языка, а именно: на сфере содержания текста („потребности сообщения”). Как бы ни была многопланова мысль автора текста, текст воспринимается как нечто цельное и последовательное. Первое (цельность текста) обусловлено его содержанием, второе — структурой. Современные методики изучения содержания текстов опираются обычно на отдельные элементы текста. В одних исследованиях основное внимание уделяется темам предложений, составляющих текст, в других исследованиях — ремам предложений¹¹; в третьих — предикатам и аргументам. С нашей точки зрения, для определения содержательного типа текста необходим количественный анализ всех синтаксем текста. Результаты такого анализа следует рассматривать как первый объективный шаг, имеющий диагностический характер. Следующий шаг — это анализ синтаксико-семантического содержания синтаксем, занятых в коммуникативной структуре текста. Наблюдения показывают, что синтаксемный рисунок монореферентных

и полиреферентных текстов не совпадает. Например, хорошо известная прономинальная цепочка элементов в полной мере реализуется в текстах с главным референтом и кореферентными именами. В полиреферентных текстах она фрагментарна. Рассмотрим текст из Дж. Пристли¹². Turgis (1) was by temperament (2) a lover (3). His (4) thoughts (5) never (6) left (7) the other (8) sex (9) long (10); happiness (11) had (12) for him (13) a feminine (14) shape (15); the real (16) world (17) was illuminated (18) by the bright (19) glances (20) of girls (21); and at any (22) moment (23), one (24) of them (25) might reveal (26) to him (27) an enchanted (28) life (29) they (30) could share (31) together (32). It would be easy (33) to see (34) him (35) as a lonely (36) lad (37) seeking (38) sympathy (39) in that (40) crowd (41) in which (42) he (43) was lost (44). It would be just as easy (45) to see (46) him (47) as a figure (48) of furtive (49) lusts (50) whose (51) mind (52) descended (53) and there (54) lived (55) eagerly (56) in an underworld (57) of tiny (58) mean (59) contacts (60); seemingly (61) accidental (62) pressures (63) of the arm (64) and the foot (65). Yet (66) behind both (67) these (68) figures (69) was the lover (70) and this (71), in spite of his (72) shabbiness (73) and unprepossessing (74) looks (75), the shiny (76) baggy (77) suit (78), and the frayed (79) tie (80), the open (81) mouth (82), that (83) slight (84) pastiness (85) and spottiness (86), that (87) faint (88) grey (89) film (90) which (91) seemed to cover (92) and subdue (93) his (94) physical (95) self (96). He (97) was no dapper (98) lady-killer (99). But then (100) if Turgis (101), even with (102) scanty (103) means (104), did not try ((105) very (106) hard (107) to make (108) himself (109) superficially (110) attractive (111) to the sex (112) that (113) despises (114) crumpled (115) clothes (116), matted (117), hair (118), pastry (119) cheeks (120), youth (121) that (122) has lost (123) all (124) vividness (125) and grow (126), it was because (127) he (128) believed (129) that (130) the cry (131) from within (132), urgent (133), never (134) ceasing (135), must receive (136) an answer (137). He (138) knew (139) that (140) he (141) had (142) little (143) to offer (144) on the surface (145), was

nothing (146) to look at (147); nobody (148) in particular (149), but he (150) felt (151), that (152) inside (153)) he (154) was different (155), he (156) was wonderful (157), and that (158) sooner or later (159) a girl (160), a beautiful (161) and passionate (162) girl (163), caring (164) nothing (165) for the outside (166) show (167), would recognise (168) this (169) difference (170), this (171) wonder (172), within (173), would cry (174), „Oh (175), it's (176) you (177)”, and love (178) would immediately (179) follow (180).

В приведенном тексте занято 56 синтаксем, многие употреблены один—два раза, другие повторяются многократно. Всего в тексте 180 синтаксемоупотреблений: 83 — субстанциальных, 49 — квалификативных, 25 — процессуальных и 23 синтаксемы не наделены каким-либо категориальным признаком. Этот сплошной подсчет синтаксемоупотреблений показателен в том отношении, что процессуальные синтаксемы в данном тексте оказались в меньшинстве. Они составляют 13,8% всех синтаксемоупотреблений. Кроме того, из 25 процессуальных синтаксем только 18 наделено синтаксико-семантическим признаком активности (действия), что составляет всего 10% от общего числа синтаксемоупотреблений. Общее же число характеризующих (квалификативных) и характеризуемых (субстанциальных) синтаксем — 132 (73,3%). Таким образом, диагностический анализ синтаксемоупотреблений в статике, без учета их роли в коммуникативной структуре текста позволяет судить о том, что данный текст не является акциональным, так как в нем преобладают характеризующие признаки.

Как известно, в тексте наряду с основными единицами, раскрывающими его содержание, наличествуют и различные строевые единицы, а также различные вкрапления, которые, способствуя развитию темы, авторского замысла, прямого отношения к основным референтам не имеют. Этим, в частности, и можно объяснить тот факт, что сплошной подсчет синтаксем носит прогностический характер. Более полное представление о содержательном типе текста можно получить, опираясь на синтаксико-семантическое содержание синтаксем, обслуживающих коммуникативную структуру текста. Рассматриваемый текст является преимущественно монореферентным, с ярко выраженной „прономинальной цепочкой” элементов. Особенность нашего анализа прономинальных

элементов состоит в том, что мы включаем сюда все элементы, выражающие кореферентные понятия и исследуем их не с позиций лексической семантики (семантики отражения), а в терминах синтаксем, т. е. как элементы синтаксической структуры соответствующих предложений. Это дает нам возможность учитывать как содержание синтаксем самой прономинальной цепочки, так и содержание взаимодействующих синтаксем. Таким образом, в анализ включаются все стержневые элементы текста. Рассмотрим синтаксемный состав прономинальной цепочки из Дж. Пристли: 1¹. Turgis (SbFd).— 3. was ...a lover (SbFd).— his (SbPossAg).— 13. for him (SbAttr).— 27. to him (SbObj).— 30. They (SbAg).— 32. together (QLfclc).— 35. him (ShObjFd).— 37. as...a lad (SbFdCmp).— 43. he (SbSt).— 47. him (SbObjFd).— 48. As a figure (SbFdCmp).— 51. Whose (QLfPossRlt).— 69. figures (SbFd).— 70. was the lover (SbFd).— 72. him (SbPossQLf).— his (SbPoss).— 94. his (SbPoss).— 96. self (SbObjRfl).— 97. He (SbFd).— 141. he (SbPoss).— he (SbEd).— 146. was nothing (SbFdNg).— 148. nobody (SbFdNg).— 150. he (SbSt).— 154. he (SbQLt).— 156. he (SbQLt).— 170. difference (SbObjQLt).— 172. wonder (SbObjQLt).— 176. It's (SbFd).— 177. you (SbFd).

В данной цепочке занято 13 синтаксем в 37 синтаксемоупотреблениях. При этом признак идентификации наличествует у 15 синтаксем (7 — идентифицируемых и 8 идентифицирующих синтаксем), признак качества — у двух, носителя качества — трех, стативный — четырех синтаксем. В сумме мы получаем 24 характеризующих признака, что составляет 57% от числа стержневых признаков (42) и 55,7% от общего числа некатегориальных признаков, занятых в данной цепочке. Отметим далее, что признак агентивности, косвенно указывающий на деятельность основного референта, встречается всего 3 раза (7%). Признаком объектности наделено 7 элементов (13%), в которых главный референт или его свойства рассматриваются другими. В сумме признаки агентивности и объектности (20%) значительно уступают характеризующим (57%). Признак принадлежности тяготеет к элементам окружения основного референта

¹ Номера синтаксем соответствуют их порядковым номерам в тексте.

текста и поэтому „работает” скорее на характеристику, чем на действие. В единственном числе представлен признак атрибуционный (адресатный). Учитывая количественно преобладающие признаки стержневых элементов анализируемого текста, мы можем констатировать, что перед нами — текст-характеристика. К тому же выводу ведет и сопоставление данных первого и второго анализа: в тексте в целом преобладают характеризующие и характеризуемые синтаксемы (73,2%), в цепочке — 57% характеризующих признаков. Мы подробно рассмотрели примеры О. Есперсена и убедились, что даже в намеренно собранных примерах, выражающих „одну и ту же мысль”, т. е. в тематически родственных, синтаксическая система языка реализована фрагментарно. Несравненно более сложную картину являют собой содержание и структура связного текста. Опираясь на системные синтаксические единицы, мы смогли определить тип текста, приняв во внимание количественно преобладающие признаки синтаксических единиц — синтаксем. При этом оказалось, что решающее значение для определения содержательного типа текста имеют не отдельные синтаксемы и даже не отдельные оппозитивные ряды синтаксем, реализующиеся в каждом конкретном тексте неполностью, а именно: количественно преобладающее сочетание признаков. Однако тексты одного типа могут иметь различные наборы синтаксем с характеризующими признаками. Так возникает вариативность текстов в зависимости от их синтаксемного наполнения. Сравните возможное варьирование типового текста за счет трансформации конструкций с синтаксемами, наделенными общими признаками: *his shabbiness — he was shabby, etc.*

Заметим, что, устанавливая тип текста с учетом того, как в него „влились” системные средства языка, мы оперировали в основном синтаксемами различных оппозитивных рядов, но типовой текст может иметь варианты и при одинаковом синтаксемном наполнении. В этом случае не обойтись без понятия эквивалентностного ряда синтаксем. Представление о таких вариантах текста можно получить, заменив в приведенном выше тексте из Дж. Пристли кваликативные синтаксемы, выраженные прилагательными, их вариантами, представленными сочетаниями связочного глагола с прилагательным, например: *His scanty means — his means were scanty; The shi-*

ny baggy suit — The suit was shiny and baggy; a lonely lad — the lad was lonely, etc. С другой стороны, возможны обратные замены: The lad was wonderful — the wonderful lad.

Возможность таких замен свидетельствует, между прочим, о том, что вариантность синтаксем и вариативность текста — взаимообусловленные понятия. Вместе с тем вариантность синтаксемы можно рассматривать как важную типологическую черту этой синтаксической единицы. Отметим также, что синтаксема коррелирует с лексемой — своим лексическим наполнителем. Это обеспечивает связь синтаксической семантики с семантикой отражения, о которых упоминалось выше. Конкретно эта связь проявляется в том, что изменения лексического наполнения синтаксем в тексте могут служить основой тематического варьирования текста при сохранении его содержательной (категориальной) характеристики. Это также характеризует синтаксемы как типологически удобные единицы.

В заключение обратим внимание на важность опоры на системные средства языка как в типологических исследованиях родственных и неродственных языков, так и в лингвистическом обеспечении методики обучения родному и иностранному языкам, в первую очередь, в лингво-методическом конструировании учебных текстов (точнее, метатекстов). Удовлетворительное решение проблемы учебных текстов имеет прямое отношение к проблеме оптимизации обучения языкам.

Синтаксико-семантические признаки и их обозначения

АгентивныйAg . .		
АктивныйAc . .	ОбъектныйObj
Атрибуционный		Посессивный (при-	
(адресатный)Attr	надлежн.)Poss
Идентифицируемый	.Fd . .	ПроцессуальныйPr
Идентифицирующий	.Fd . .	РелятивныйRlt
КвалитативныйQlt . .	РефлексивныйRfl
КвалификативныйQlf . .	СтативныйSt
КоллективныйClc . .	СубстанциальныйSb
КомитативныйCmt		
КомпаративныйCmp		
НегативныйNg		
Носителя качества	.Qlt		
Носителя состояния	.St		

§2. Вопросы сопоставительной типологии (на материале модификаций в погоде речи в разносистемных языках)

В основе всякого сопоставительного исследования лежит идея инвариантности, в этой связи необходимыми условиями построения являются следующие: а) установление базы сопоставления и разработка методики сравнительного анализа; б) учет функциональной роли эквивалентных конструкций в системе каждого из взятых языков. Целью сопоставительного анализа является установление изоморфных и алломорфных закономерностей, объектом исследования — закрытый языковой материал; факты языка намечаются заранее.

Язык образует систему, части которой объединены отношением общности и взаимозависимости. Системные отношения в языке для материалистического языкознания существуют не за пределами реализации этой системы, а в самом языковом процессе как выражение закономерных связей элементов языка. Системное изучение языковых явлений предполагает исследование на синхронной основе, сравнение языков независимо от их генетического родства, функциональный подход к анализу, обеспечивающий способность различных языков удовлетворять общим коммуникативным потребностям. Актуальность и общелингвистическое значение сопоставительных исследований в свете развития теории лингвистической типологии бесспорны.

Всякий язык можно рассматривать, во-первых, как особую разновидность семиотических систем (в этом отношении можно говорить об общем характере всех естественных языков, выявить их изоморфизм, т. е. совокупность свойств, присущих всякому естественному языку); во-вторых, каждый язык есть специфическая система среди множества семиотических систем, он идиоматичен.

Наличие общих свойств у всех естественных языков обусловлено интернациональным характером мышления людей. Формы языка „сопутствуют мысли уже на начальной фазе ее зарождения... Деятельность сознания необходимо сопровождается деятельностью языка, выливаясь в единый, хотя и сложный по своей внутренней структуре, речемыслительный процесс”¹.

Общий характер языков составляют так называемые (тривиальные) универсалии, которые являются основой существования всех остальных (нетривиальных) универсалий. Общее проявляется в наличии сходных единиц — фонемы, видоизменений в потоке речи, слога, морфемы, слова, предложения и в принципиальном устройстве языков — системном характере, парадигматическом и синтагматическом аспектах, иерархичности отношений единиц, уровненом характере организации, различении (плана выражения и плана содержания) и знаковом характере звуковых средств.

Специфичность языков проявляется в своеобразном устройстве единиц, их количестве, наличии или отсутствии тех или иных типов, разных видах внутрисистемных отношений, обуславливающих особенности конкретных языковых систем. Поисками общего занимается область языкознания, называемая универсологией, поисками различного — собственно типология, призванная устанавливать алломорфные свойства языков, называемых уникализмами.

Языковые универсалии, будучи упорядоченными, могут образовать систему лингвистического описания не конкретного языка, а языка вообще, как объекта лингвистики. Несмотря на то, что некоторые утверждения могут быть тривиальны по своей информативности, такая система взаимосвязанных между собой универсальных импликаций, отражающих все возможности, могущие иметь место вообще в разных языках и разнообразные следствия подобных возможностей, могла бы составить „универсальную грамматику” в современном понятии. Подобная система в идеале должна быть построена аналогично таблице химических элементов Менделеева в том смысле, что в ней должны быть предусмотрены пустые места для еще ненайденных универсальных закономерностей (потенциальных универсалий).

Что касается абсолютно уникальных явлений, то в естественных языках их не существует, так как то или иное явление, имеющее место в определенный момент в одном языке и отсутствующее в другом, в результате развития может исчезнуть в данном языке и появиться в другом.

Таким образом, все естественные языки обладают рядом общих черт, сохраняющихся за все время сущест-

вования языка и необходимых для его функционирования. Такие черты являются универсальными с точки зрения их наличия, но существуют в разных языках в конкретном воплощении. Кроме них, у языков существуют неуниверсальные с синхронной точки зрения черты (т. е. они наблюдаются не во всех языках), которые с диахронической точки зрения не могут быть абсолютно уникальными. Можно констатировать, что языки обладают актуально общими и потенциально общими чертами.

Настоятельная потребность сопоставительного изучения фонологических явлений на материале английского и русского языков предопределяется не только задачами развития теории лингвистической типологии, но и задачами, выдвигаемыми практикой преподавания языков и теорией перевода. Теория перевода в настоящее время представляет собой важную проблему, которая диктуется информационным взрывом, являющимся следствием современной научно-технической революции, а дифференциальное сопоставление в языке в разрезе их структуры — первое научное освоение проблем перевода.

Сопоставительный анализ признаков артикуляционной и ритмической базы русского и английского языков позволяет установить, что артикуляционные уклады этих языков содержат типологически сходные и индивидуальные черты. Это порождает отрицательный перенос прежнего лингвистического опыта обучающихся на изучаемый язык.

В статье проводится сравнительное исследование русского и английского языков на уровне позиционных модификаций в потоке речи (аккомодации, ассимиляции и диссимиляции). Как нам известно, данные явления в сравнительном плане не получали освещения в литературе, результаты работы могут быть полезны в разработке теории методики преподавания языков и практике перевода.

Аккомодация

а) прогрессивная аккомодация

1. В английском языке под влиянием долгого гласного или дифтонга во множественном числе слов, оканчивающихся на [θ], озвончаются две последние фонемы [θ] и [s] до [ð] и [z]:
path [pɑ:θ] — [pɑ:ðz] paths, truth [tru:θ] — [tru:ðz] truths,

bath [bɑ:θ] — [bɑ:ðz] baths, mouth [mauθ] — [mauðz] mouths.

Исключение: фонема [ə:] birth-births [bɜ:θs].

В русском языке этого явления нет, так как отсутствуют интердентальные согласные и не различается долгота гласных.

2. stay—stays в третьем лице единственного числа
go—goes у глаголов и во множественном числе
do—does у существительных, оканчивающихся на гласную в английском языке, окончание [s] озвончается до [z] под влиянием гласной.
boy—boys

В русском языке: если лабиализованный ударный гласный [o] или [y] находится в положении перед согласным, то этот согласный становится огубленным: ткань—утка, спать—оспа, трос—утро.

б) регрессивная аккомодация

1. В английском языке частица [tu:] перед инфинитивом, начинающимся с согласной, читается [tə]:
to go by bus [tə'goubai'bls], to teach [tə'ti:tʃ], to play [tə'plei].

2. Перед ударной гласной буква "х" читается [gz] (в остальных случаях — [ks]):
exam [ig'zæm], exhibit [ig'zibit], exist [i'gzist], exotic [eg'zɔ:tik],
но: exit ['eksit], exile ['eksail].

3. Если за словом, оканчивающимся на согласную букву "r", следует слово, начинающееся с гласного звука, то на стыке слов звучит согласный [r], который носит название „связующего r” (linking r):

[əi'hæv ə'fa:ðər ənd ə'mlðə], [jɔ:riŋgli'f buks ər ən ðə' buksəlf], [maɪ'brʌðər in'lə'hæzə'ka:], [tʃildrən ər ət 'sku:l], [əuər 'instɪtju:t].

4. В ряде слов, оканчивающихся на [θ], при переходе их из существительного в глагол путем прибавления немого "e" (mute "e") к основе, последний согласный [θ] озвончается до [ð]:

bath [bɑ:θ] — купание, bathe [beɪð] — купаться,
breath [breθ] — дыхание, breathe [bri:ð] — дышать.

В английском языке встречается ряд слов, где мы можем наблюдать одновременное действие регрессивной и прогрессивной аккомодации.

Если лабиализованный согласный [w] находится в непосредственном соседстве с лабиализованными гласными [ɔ, ə] или [u, u], то меняется артикуляция обеих фонем, а именно: в артикуляции [w] отсутствует рекурсия, а в артикуляции [ɔ, ə] или [u, u] — рекурсия присутствует:

warm [wɔ:m] — тепло, wood [wud] — лес, walk [wɔ:k] — гулять, wolf [wulf] — волк, wore [wɔ:] past "wear", wound [wu:nd] — рана.

В русском языке: если лабиализованные гласные [o], [y] стоят после согласных, то артикуляция этих согласных изменяется в сторону лабиализации:

брат—брату, село—селу, конь—коню, та—тот, ты—туз.

В английском языке явление лабиализации согласных нивелировано.

Ассимиляция

а) прогрессивная ассимиляция

1. В третьем лице единственного числа глаголов и во множественном числе существительных, оканчивающихся на звонкую согласную, фонема озвончается до [z]:
to depend—depends [di'pendz], to stand—stands [stændz], to tell—tells [telz], to moan—moans [mounz], bag—bags [bægz].

2. В положении после глухих согласных звонкая фонема [w] оглушается:
quite [kwait], twenty [twenti], square [skwɛə], twice [twæis], swine [swain].

3. В сокращенной форме сочетания it's [its] глагол is [iz] теряет гласный [i], и под влиянием предшествующего глухого звука [t] звук [z] оглушается [its ə'piti].

4. Английские взрывные глухие согласные [p, t, k], стоящие после [s], теряют аспирацию:
sport [spɔ:t], speed [spi:d], street [stri:t], strike [straik], ski [ski], skate [skeit].

В русском языке явления аспирации нет.

б) регрессивная ассимиляция

1. В английском языке альвеолярные согласные [t, d, n, l, s, z] становятся зубными под влиянием после-

дующих межзубных [θ, ð]. При произнесении этих согласных кончик языка находится не против альвеол, а у края верхних резцов, т. е. согласные стали дентальными:

the seventh [ðə'sevnθ], the tenth [ðə'tenθ], in this [in'ðis], in that [in'ðæt], at this [ət'ðis], and this [ænd'ðis], and that [ænd'ðæt].

Этого явления в русском языке нет, так как в русской подсистеме согласных нет интердентальных согласных фонем.

2. В английском языке согласные звуки перед [w] становятся лабиализованными под влиянием артикуляции губного [w]:

twelve [twelv], twenty ['twenti], twice [twæis], twins [twinz], quick [kwik], quarter ['kwɔ:tə], swim [swim], dwarf [dwɔ:f], dwell [dwel].

В русском языке лабиализованных согласных нет.

3. Если [r] предшествуют альвеолярные [t], [d], то они становятся заальвеолярными:

[trein] train	[trik] trick	[drai] dry
[tri:] tree		[dri:m] dream
[træm] tram		[drɔ:] draw.

4. Если сонанту [r] предшествует глухой согласный, он приглушает начало [r]. Это прогрессивная ассимиляция. Однако в последних двух примерах, где таким согласным является альвеолярный [t], [d], мы можем наблюдать как прогрессивную, так и регрессивную ассимиляцию: это приглушение начала [r] под влиянием [t, d] и превращение [t, d] в заальвеолярные согласные под влиянием [r].

В русском языке в подобных случаях артикуляция сонанта [r] и стоящих перед ним согласных меняется в меньшей степени: ты — трактор, трюм, дракон, дружба, крокодил.

В английском языке встречается одно явление, где одновременно наблюдаются регрессивная и прогрессивная ассимиляция. Это — носовой взрыв. Суть его в следующем: когда мы рассматриваем артикуляцию отдельного звука, мы обычно говорим о трех его фазах: 1) экскурсия (или приступ) — когда органы речи подготавливаются к артикуляции звука; 2) выдержка — органы речи на мгновение сохраняют определенный уклад для данного звука; 3) рекурсия (отступ) — артикулирующие органы оставляют занятое ими положение.

В речи у звуков часто выпадает либо первая, либо последняя фаза. Так, в сочетаниях [tn], [dn] оба звука имеют аналогичную артикуляцию, т. е. кончик языка образует смычку с альвеолами; поэтому после произнесения [t, d] кончик языка остается на альвеолах. Таким образом, звуки [t, d] теряют третью фазу (т. е. не происходит взрыва), а звук [n] не имеет первой фазы. Во время смычки мягкое нёбо опускается для артикуляции [n] и воздух выходит через носовую полость — происходит носовой взрыв: [mitn, ga:dn, kitn, bi:tn, tə'gɔtn].

Действие регрессивной и прогрессивной ассимиляций наблюдается и при латеральном взрыве. Сонант [l] с предшествующим взрывным альвеолярным согласным произносятся слитно, не следует отрывать кончик языка от альвеол, не должно быть гласного призвука между ними. Взрыв альвеолярного согласного происходит в процессе произнесения последующего сонанта [l]: [setl], [litl], [ketl].

В русском языке носового и латерального взрывов не существует.

Английские смычные согласные [p, b, t, d, k, g] теряют взрыв, если за ними следует другой смычный согласный или аффрикаты [tʃ], [dʒ]. Так, например, [k] теряет взрыв в сочетании с последующим [g] в словосочетании: ðə'da:k 'ga:dn — the dark garden и в сочетании с фонемой [tʃ], [t]: [piktʃə] picture, [fækt] fact.

В русском же языке оба звука сохраняют взрыв: как где, пакт, факт, такт, чепчик, пчела, вчера.

Английские взрывные глухие согласные, стоящие в начале слова, теряют аспирацию, если за ними стоит другой согласный:

tree [tri:], treasure ['trezə], please [pli:z], pleasure ['plezə], place [pleis], prevent [pri'vent], pray [prei], clock [klɒk], clerk [kla:k], cream [kri:m], cross [krɒs], crowd [krəʊd], crown.

В сочетании сонантов [l+j] произносится светлый оттенок [l], т. е. происходит некоторая палатализация [l]: 'wilju.

В русском языке регрессивная ассимиляция проявляется в оглушении звонких согласных под влиянием последующих глухих и в окончании глухих под влиянием последующих звонких: лодка [л^откь], к дому [гд^ому], с горы [згары], от дерева [ад':ёр'эвь], от дома [ад:омь], косьба [каз'ба]. Рассмотренные выше примеры относятся

к контактному типу ассимиляции и аккомодации, т. е. уподобление звуков происходит в непосредственном соседстве.

Дистантная ассимиляция — ассимиляция, действующая на расстоянии. Прогрессивная дистантная ассимиляция гласных или согласных состоит в том, что гласные или согласные суффиксов и других непервых слогов слова уподобляются гласному или согласному первого начального слога. Это явление гармонии гласных или согласных называется сингармонизмом. Сингармонизм — один из признаков, отличающих тюркские и ряд финно-угорских языков от других, в частности от индоевропейских. Сингармония отсутствует в русском и английском языках.

Диссимиляция (контактная) (от лат. *dissimilatio* — расподобление) — **расподобление, замена в слове одного из двух одинаковых или сходных звуков другим, менее сходным.**

В русском языке: **тяжко** [т'áшкь], **легко** [л'иехкó], **мягко** [м'иэхко], **прорубь** [прóруп'], **коридор**—**колидор**, **лаборатория**—**лаболатория**, **порядочный**—**порядошный**.

В английском языке диссимиляция не встречается.

В результате рассмотрения и сопоставления типологических характеристик видоизменений в потоке речи мы можем прийти к выводам о **наличии** в английском языке определенного количества явлений прогрессивной аккомодации интердентальных согласных с удлинением гласных, **отсутствии** таких типов в русском языке; **различных явлений регрессивной аккомодации** (в русском языке подобные типы представлены изменениями в сторону лабиализации согласных), **комбинаций звуков**, где наблюдается одновременное действие регрессивной и прогрессивной аккомодации; **изменении альвеолярных согласных в зубные** под влиянием последующих межзубных [θ] и [ð] в английском языке; **оглушении звонких согласных** под влиянием последующих глухих и **озвончении глухих** под влиянием последующих звонких в русском языке; **наличии носового и латерального взрыва** в английском языке и их **отсутствии** в русском; **наличии явлений диссимиляции** в русском языке и их **отсутствии** в английском.

§ 3. Разграничение элементов предложения на основе валентности предиката (complement vs. Adjunct)

В рамках теории валентности обычно различаются три группы элементов предложения: элементы, не предполагаемые валентностью предиката, „свободные распространители”, адъюнкты (нем. freie Angaben; англ. adjuncts) и элементы, предполагаемые валентностью, „дополнения”, партнеры, комплементы (нем. Ergänzungen; англ. complements), которые в свою очередь подразделяются на обязательные и факультативные¹. Для их разграничения используются разнообразные критерии. Уточнение этих критериев весьма важно, поскольку оно затрагивает другие актуальные вопросы теории валентности: определение валентности, разграничение уровней валентности, соотношение лексического значения слова и его валентности, методику описания валентности². Кроме того, решение вопроса о разграничении зависимых и независимых от валентности предиката компонентов предложения может послужить основой для дальнейшего уточнения теории членов предложения³.

В данной статье мы не ставили задачу подробного рассмотрения всех аспектов проблемы, так как это дело будущего. Попытаемся показать, в каком направлении идет изучение этой проблемы в современной теории валентности, и подчеркнуть некоторые трудности, связанные с ее решением. Анализируемые в статье работы зарубежных лингвистов не получили пока освещения в имеющейся обзорной литературе по теории валентности⁴.

В грамматике зависимостей Л. Теньера комплементы приравнивались к именным сочетаниям (noun phrases), выраженным беспредложными падежами, которые обозначали непосредственных участников глагольного процесса⁵. Адъюнкты представляли собой предложные сочетания (prepositional phrases), выражающие место, время, образ действия и другие атрибуты процесса. Такой подход приводил к противоречиям при трактовке явлений, сходных по содержанию, но различающихся по формальным признакам⁶.

Более последовательно подошел к решению этого вопроса Г. Хельбиг, разработавший ряд „операциональных критериев”, позволяющих, по его мнению, разграничить „свободные распространители”, обязательные и

факультативные комплементы, в частности: прием элиминации, прием субституции, развертывание в придаточное предложение, изменение порядка слов, вычленение из предложения, уточнение места в глубинной структуре предложения, морфологическую независимость от других конstituэнтов предложения, влияние на субкатегоризацию глагола⁷.

За последние годы появился ряд работ по этому вопросу. Так, на XII Международном лингвистическом конгрессе в Вене работала специальная секция „Валентность, семантический падеж и грамматические отношения“, где проблема разграничения комплементов и адьюнктов вызвала оживленную дискуссию, прежде всего, вопрос о возможности применения для ее решения формальных критериев⁸. Рассмотрим несколько подробнее точки зрения некоторых лингвистов. Из работ, посвященных этой проблеме, на наш взгляд, наиболее интересно исследование Х. Фатера, носящее сугубо негативный характер⁹. Х. Фатер отмечает, что критерии Л. Теньера не дополняют, а противоречат друг другу, так как базируются на разных (содержательных и формальных) признаках, и считает, что комплементы и адьюнкты могут иметь одинаковые средства выражения. Он подробно рассматривает все критерии, предложенные Г. Хельбигом и другими лингвистами, и показывает, что они способны дать лишь субклассификацию комплементов или адьюнктов, либо пересекающуюся классификацию обоих классов.

Остановимся подробнее на некоторых из названных критериев. **Элиминирование элемента.** Фатер приводит примеры, где компоненты предложения могут быть опущены, но тем не менее являются комплементами:

- (a) Der Gärtner bindet die Blumen.
- (b) * Der Gärtner bindet.
- (a) Der Bauer pflügt den Acker.
- (b) Der Bauer pflügt.

Фатер указывает, что определить, какие конstituэнты предложения являются комплементами на основе семантики, очень сложно. Прием элиминации, по его мнению, разграничивает синтаксически необходимые комплементы и факультативные комплементы и адьюнкты, но не класс комплементов и класс адьюнктов в целом¹⁰. Мнение

Фатера в данном случае совпадает с мнением многих лингвистов, отмечающих, что понятие „структурной необходимости”, предлагаемое Г. Хельбигом и В. Шенкелем, не может служить основой для разграничения зависимых и независимых от валентности элементов¹¹.

Добавляемость в предложение. Х. Й. Херингер и Хельбиг-Шенкель считают, что в отличие от компонентов адъюнкты могут свободно добавляться в любое предложение. Х. Фатер приводит ряд примеров с глаголами *schlafen*, *atmen*, *ähneln*, опровергающих это утверждение. В этих примерах обстоятельства различной семантики не могут сочетаться с глаголом-предикатом. Например:

- (a) Paul schläft.
- (b) Paul schläft acht Stunden.
- (c) * Paul schläft in den Garten.
- (d) Paul schläft im Keller.
- (e) Paul schläft mir! (* dir! / * uns!).
- (f) * Paul schläft seine Familie.

Глагол *schlafen* не может сочетаться с прямым дополнением или с обстоятельствами направления.

Фатер отмечает также, что так называемый „свободный датив” сочетается не со всеми глаголами¹², как и компоненты со значением места, времени, причины, образа действия, которые характеризуются определенной избирательностью по отношению к семантическому типу глагола¹³.

Развертывание в предложение. Р. Штайниц и Хельбиг-Шенкель считают, что адъюнкты представляют собой свернутые предложения (предикаты), которые всегда могут быть развернуты в соответствующие предложения, чаще — в придаточные, в противоположность компонентам. Для доказательства этого положения обычно приводятся примеры типа:

- (a) Paul starb in Dresden.
- (b) Paul starb, als er in Dresden war.
- (a) Paul wohnte in Dresden.
- (b) * Paul wohnte, als er in Dresden war.

Фатер приводит контрпримеры, в которых обстоя-

тельства образа действия (адъюнкты) не сводятся к предложениям:

- (a) Paul schrie laut / aus Leibeskräften / noch immer.
- (b) * Paul schrie, als er (es) laut war / daß es aus Leibeskräften war / als (daß) es noch immer war.

В то же время имеются комплементы, которые позволяют трансформацию в предложения:

- (a) Tante Frieda erlebte den Einzug der Amerikaner / die Eroberung von Berlin.
- (b) Tante Frieda erlebte, wie die Amerikaner eingezogen / wie Berlin erobert wurde¹⁴.

Аналогичным образом Х. Фатер доказывает несостоятельность других критериев, в частности положения в глубинной/поверхностной структуре, морфологической независимости от других конституэнтов предложения, характерных позиций в предложении и т. д.¹⁵ В результате анализа Х. Фатер приходит к выводу, что формальных или операциональных критериев разграничения комплементов и адъюнктов вообще не существует, как не существует и таких типов конституэнтов предложения, которые были бы по своей природе либо комплементами, либо адъюнктами. По его мнению, есть только комплементы, организованные иерархически: от комплементов, употребляющихся почти со всеми типами предикатов (субъект), до таких, которые характерны только для небольших групп глаголов, например, компоненты со значением времени или места¹⁶.

Значение работы Фатера состоит прежде всего в том, что на обширном языковом материале он показал невозможность сведения тонких семантических различий в связях между элементами предложения к нескольким типам трансформаций, невозможность полного разграничения всего материала с помощью этих трансформаций. Однако вряд ли можно полностью согласиться с его общим пессимистическим выводом. Другие лингвисты также отмечают, что операциональные критерии срабатывают далеко не всегда, но в отличие от Х. Фатера путь к решению проблемы они видят в привлечении к анализу семантики предиката и всего предложения.

Х. Блум предлагает уточнить понятие „синтаксической необходимости” с помощью понятия „коммуникативной

необходимости", учитывающего функционирование языковых единиц в речи, в том числе условия ситуации, в которой употребляется предложение¹⁷. Б. Хессе считает, что ответ на вопрос о возможности разграничения комлементов и адъюнктов, даже если он будет отрицательным, можно ожидать только от теории, которая сознательно учитывает тесную связь между семантическими и синтаксическими явлениями¹⁸.

Аналогичной точки зрения придерживается Х. Гюнтер, отмечающий, что разница между комлементами и адъюнктами интуитивно более чем очевидна и нужна вовсе не операциональная процедура, а описание конкретных языков, учитывающее интуитивное разграничение этих классов. Он также считает возможным одновременное использование нескольких разнородных критериев, подходящих для разных классов предикатов¹⁹. Завершая краткий обзор литературы, необходимо назвать работу С. Финка, который отмечает (со ссылкой на Тайгелера и Энгелькампа), что при обучении языку комлементы, особенно обязательные, запоминаются и воспроизводятся легче и быстрее, чем адъюнкты²⁰. Перечисленные исследования, разумеется, представляют собой лишь небольшую часть работ по этой тематике, однако они достаточно типичны для теории валентности, развиваемой в зарубежной лингвистике, чтобы дать основание для некоторых общих выводов.

Прежде всего необходимо отметить, что вопрос о возможности и критериях разграничения зависимых и независимых от валентности предиката элементов пока остается открытым. Большинство исследователей придерживаются мнения, что решить его можно только в результате последовательного учета семантики предиката и всего предложения.

В анализируемых работах это положение сформулировано в общем виде, их авторы ограничиваются рассмотрением отдельных примеров²¹. Данное направление теории валентности развивалось под влиянием порождающей грамматики Н. Хомского и других теорий, исключаящих семантику из поля зрения лингвиста. На наш взгляд, оно заметно отстает от семантического направления теории, представленного работами некоторых советских лингвистов и лингвистов ГДР, которое с самого начала ориентировалось на определяющую роль

плана содержания и считало валентность проявлением лексического значения слова²².

В дополнение к характеристике семантического направления теории валентности, изложенной в ряде работ²³, необходимо отметить, что предлагаемый подход не является чем-то абсолютно новым для синтаксической теории. Предпосылки для него были созданы значительно раньше — еще в языкознании XIX в., в том числе в немецком. Так, например, Фр. Бауэр считал, что в предложении нужно различать среди присоединяемых к глаголу элементов две категории элементов: дополнения (Ergänzungen), предполагаемые значением глагола-предиката, и обстоятельства — компоненты, не связанные непосредственно со значением глагола. Важно, что к дополнениям он относил и предложные сочетания с соответствующей семантикой, например, при глаголах *wohnen*, *stehen*, *führen*, *senden*, в то время как большинство лингвистов того времени проводило резкую границу между беспредложными и предложными элементами, считая последние обстоятельствами, независимо от их семантики. Средствами разграничения для Бауэра были порядок слов, ударение в предложении и некоторые трансформации²⁴.

По нашему мнению, окончательное решение этой проблемы предполагает описание семантики предикативных значений в разных языках, выделение семантических типов предикатов с различной валентностью и определение типов контекстов, в которых реализуется эта валентность.

В качестве предварительного вывода можно заметить, что с разными семантическими типами предикатов дело обстоит по-разному, что в конечном итоге восходит к обозначаемым этими предикатами явлениям действительности и особенностям их отражения в сознании человека (а также к условиям коммуникации). Так, глаголы, обозначающие конкретные действия типа *schneiden*, *hauen*, *schreiben*, открывают место для компонента — объекта действия, сложнее определить статус элемента со значением инструмента при этих глаголах. Глагол *trinken* обычно считается двухвалентным — *Wasser trinken* или одновалентным — *Er trinkt (ständig)*. Однако в некоторых специфических условиях, в частности в диалогической речи, при глаголе часто появляется указание на предмет, из которого пьют, например: *Der*

Vater trank immer aus der Flasche. При анализе употребления глагола встает вопрос — является элемент aus der Flasche компонентом или адьюнктом?

Аналогичным образом обстоит дело со значением причины. В большинстве случаев значение причины не предполагается семантикой предиката даже в качестве факультативного компонента. У некоторых глаголов, например, глаголов, обозначающих эмоциональное состояние человека, типа sich freuen, lachen, weinen и т. п., это значение связано с семантикой и при определенных условиях реализуется. Можно ли считать его компонентом и чем отличаются компоненты такого типа от компонентов с другой категориальной семантикой? Эти и многие другие вопросы ждут своего разрешения на основе последовательного семантического подхода.

§ 4. Транспозиция синтаксических форм

Транспозиция определяется в языкознании как перенесение языковой единицы в область функционирования другой единицы, сопровождающееся перенесением значения первой. При этом транспонируемая единица приобретает новое значение, а ее прежнее значение сохраняется, образуя основу стилистического эффекта транспозиции. Транспозиции в языке разнообразны, они происходят на различных уровнях языковой системы: просодическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом. Различаются они также степенью регулярности, узуальности. Явлению грамматической транспозиции посвящено немало работ. Например, детально исследованы механизм и условия, распространенность и стилистический эффект транспозиций на морфологическом уровне в работах Е. И. Шендельс о немецком глаголе.

Транспозиция имеет место и на синтаксическом уровне. Особый интерес этот вопрос приобретает в связи с применением в синтаксисе понятия парадигмы предложения и рассмотрением синтаксических категорий как систем, образуемых взаимопротивопоставленными формами. Это парадигматический план предложения. В синтагматике, т. е. при функционировании в речи, члены синтаксических категорий могут быть перенесены в область функций своего противочлена: аналогично транспозиции на морфологическом уровне может происходить

транспозиция и на синтаксическом уровне. Вопросы синтаксической синтагматики принадлежат к числу актуальных вопросов системного изучения синтаксиса.

Принимая за исходное вышеупомянутое определение парадигмы предложения, рассмотрим процессы транспозиции синтаксических форм категории цели высказывания в современном немецком языке. Какие особенности обнаруживает транспозиция на синтаксическом уровне по сравнению с морфологической транспозицией? Как конкретно она осуществляется?

Синтаксическая категория цели высказывания в современном немецком языке образуется оппозицией побудительное предложение / повествовательное предложение / вопросительное предложение.

Повествовательные предложения

а) Весьма распространенной является употребление повествовательных предложений в значении побудительных, т. е. их транспозиция в область функций побудительных предложений: „Du verlässt gleich den Laden. Allein. Ich bleibe noch einen Augenblick”. (J. Petersen).

Условия транспозиции: **интонация побуждения** (наличие интонемы побуждения обязательно); лексические переключатели; обстоятельства времени *sofort, zuerst, gleich, nun, jetzt*; модально-побудительные частицы (М. М. Соломонова): *mal, einmal, nun*; обстоятельства образа действия: *am besten, lieber*; общий контекст. В этих условиях предложение приобретает синтагматическое значение побудительности. Стилистический эффект транспозиции обуславливается тем, что значение повествовательности, выражаемое структурой предложения и глагольной формой (императива 2-го лица единственного числа), не исчезает, поэтому побуждение имеет вид констатации факта; действие, к которому побуждается адресат, представлено уже как совершенное. Отсюда и значение резкости, безапелляционности, выражаемое подобными предложениями.

Вместе с переносом значения синтаксической формы происходит перенос значения морфологической формы, закрепленной за данной синтаксической конструкцией: презенса индикатива 2-го лица единственного числа. Так, форма индикатива в приведенном выше примере

приобретает синтагматическое значение побудительности. Эта транспозиция, происходящая одновременно на двух уровнях, весьма интересное явление, характерное для предложений со сказуемым во втором и третьем лице единственного числа.

Роль глагольной формы при синтаксической транспозиции — дублирование значения, выраженного синтаксическими средствами, дополнительная характеристика исходной синтаксической формы, транспонируемой в область функций противочлена. Некоторый дополнительный стилистический эффект при транспозиции форм индикатива в область функций императива возникает вследствие различного характера временного значения форм: формы индикатива благодаря своей четкой временной соотнесенности более конкретно характеризуют временную ориентацию побудительного предложения.

б) Транспозиция повествовательных предложений в область функций вопросительных: Haidam fragte mit knarrender Stimme: „Sie sind verheiratet?“ (H. Hauser).

Условия транспозиции: **интонация и широкий контекст.** Коммуникативный эффект этой транспозиции — выражение „полувопроса, вопроса-утверждения, вопроса, предполагающего утвердительный ответ,— обусловлен тем, что синтагматическое значение вопроса накладывается на значение повествовательности, сохраняющееся в подтексте. Любопытно, что в некоторых случаях к этим двум значениям может добавляться и третье: значение побудительности, если предложение выполняет побудительную функцию: „Du bleibst doch zum Abendbrot? Nora wird bald kommen.“ (J. Petersen).

Вопросительные предложения

а) Транспозиция вопросительных предложений в область функций побудительных:

„Mutti, kommst du mal ins Bad?“ (Für Dich, 1976, 3).

Условием транспозиции здесь является только широкий контекст. Коннотативный эффект обусловлен взаимодействием сем побудительности и вопроса — побуждение приобретает характер вопроса, смягчается его категоричность, оно приобретает оттенок нерешительности, подчеркнутой вежливости.

Если транспозиция происходит с помощью интонаемы

побуждения, то стилистический эффект иной: его создает взаимодействие значения индикатива „непобудительность“, значения структуры предложения „непосредственная направленность на адресата“, „апелляция“; значение интонаемы побуждения — „побудительность“ — это категоричное, резкое распоряжение, требующее немедленного исполнения, распоряжение, имеющее иногда даже оттенок грубости: „Lässt du mir meinen Koffer.“ (K. G. Egel).

Здесь также происходит транспозиция на двух уровнях: морфологическом и синтаксическом.

б) Транспозиция вопросительных предложений в область функций повествовательных предложений. Это так называемые риторические вопросы, вопросы, не имеющие коммуникативной целеустановки вопросительного предложения, не требующие ответа от адресата. Их значение — не вопрос, а сообщение или восклицание. Средством транспозиции является здесь широкий контекст — речевая ситуация: Willinger: Sind Sie in die Hauptverwaltung gefahren, als ich Sie bat, diese ungerechte Entscheidung zu klären? Sind Sie nicht. (E. Neutsch).

Побудительные предложения

Побудительные предложения не могут транспонироваться в область значений повествовательных или вопросительных предложений. Что касается употребления императива 2-го лица единственного числа в конструкциях с условно-следственным значением (Klopf an, so wird dir aufgetan.), то эти случаи, на наш взгляд, не могут рассматриваться как транспозиция императива в область функций индикатива, поскольку, во-первых, императив не приобретает здесь значения повествовательности, его значение под влиянием контекста лишь несколько модифицируется в значение условия; во-вторых, данные предложения не являются придаточными, а сохраняют свою автономность. Это доказывает структура второй части конструкции, имеющая порядок слов самостоятельного предложения, а также средства связи: сочинительные союзы и наречия.

При функционировании синтаксических форм категории цели высказывания возможны отклонения от стандартной парадигматической формы в использовании того

или иного средства, оформляющего данную структуру. Например, отклонение по признаку порядка слов в повествовательном предложении: *Bist du aber fleissig.*

Отклонение по признаку состава может наблюдаться в предложениях любой целеустановки: *Bist doch ein intelligenter Kerl.* (E. Claudius).

Отклонение по признаку интонации: вопросительные предложения без вопросительного слова могут произноситься с нисходящей интонацией.

Эти отклонения весьма разнообразны, они затрагивают употребление различных средств, но следует подчеркнуть, что они не могут считаться синтаксической транспозицией, если не изменяется парадигматическое значение синтаксической формы. Иначе говоря, повествовательное предложение со спрягаемой частью глагола-сказуемого на первом месте остается повествовательным, несмотря на изменившийся порядок слов. Аналогично и в других примерах. Эти нетипичные структуры представляют собой синтагматические модификации парадигматических структур и заслуживают особого рассмотрения вследствие огромного богатства стилистических оттенков, возникающих в них.

Следует, однако, отметить, что эти нестандартные структуры могут транспонироваться в область функций своих противочленов. Например, односоставные индикативные предложения, имеющие значение повествовательности, могут приобретать в контексте значение побудительности: *Gibst mal das Buch her!* (H. Baierl).

Исходная структура — повествовательное предложение (опущено подлежащее, стоявшее на первом месте в предложении). Такая модификация стандартной структуры имеет место особенно часто в разговорной речи. Предложения приобретают стилистический оттенок сниженности. В результате транспозиции такой нестандартной структуры в область значений побудительных предложений возникает значение особенной резкости приказа. Стилистический эффект транспозиции здесь значительно обогащается за счет значений, обусловленных синтагматическими модификациями стандартной повествовательной структуры.

Сделанные наблюдения над транспозицией синтаксических форм категории цели высказывания в современном немецком языке можно обобщить следующим образом:

1. Процесс транспозиции на синтаксическом уровне принципиально не отличается от транспозиции на морфологическом уровне. Транспонируемая синтаксическая форма, помещенная в нетипичный контекст, приобретает под его влиянием новое значение, являющееся значением синтагматическим. Парадигматическое же значение формы сохраняется в подтексте, образуя основу стилистического эффекта транспозиции, накладываясь на приобретенное синтагматическое значение.

2. Своеобразие синтаксической транспозиции обусловливается взаимодействием разноуровневых средств, участвующих в образовании формы предложения и выполняющих при транспозиции разнообразные роли. Если в парадигматической форме предложения все они имеют приблизительно одно значение, то при транспозиции формы проявляются различия между ними, их особенности раскрываются полнее. Так, например, подтверждается, что интонация не является обязательным средством создания категориальной формы предложения: она может служить средством транспозиции, изменяя значение целеустановки предложения. Морфологические же средства выражения значения побудительности и непобудительности формы глагола-сказуемого создают при транспозиции предложений дополнительные оттенки значения.

3. Синтаксическую транспозицию следует отграничить от синтагматической модификации формы предложения, состоящей в отклонении от нормы в использовании какого-либо из средств, создающих эту форму. Синтагматическая модификация и транспозиция — явления разного порядка. Синтагматическая модификация может сопровождаться транспозицией или же происходить без нее.

§ 5. Некоторые особенности немецких событийных существительных

Поворот к изучению содержательной стороны языка, создание нового направления типологических исследований — контенсивной типологии, ориентированной на выявление универсальных элементов в языковом содержании, характерные для современной лингвистики, привели

к пересмотру многих положений традиционной грамматики, в частности, теории членов предложения и теории частей речи.

В современной лингвистике предпринимаются попытки создания классификации лексических значений, основывающейся прежде всего на семантике слов и на их функциях в процессе „сложения смыслов”. Семантический и функциональный критерии всегда участвовали в классификации слов по частям речи, но далеко не всегда признавался их приоритет¹. Теперь дело обстоит иначе. Признавая определяющую роль плана содержания, многие лингвисты обращаются к рассмотрению сложных и противоречивых отношений между формой и содержанием в языке, между различными языковыми уровнями².

Рассматривая речемыслительные и универсально-языковые основания частей речи и членов предложения, С. Д. Кацнельсон отмечает, что „уже в простейшем подчинительном сочетании из двух полнозначных слов прослеживаются... два соотносительных плана семантико-грамматических отношений: план синтаксических отношений между полнозначными словами внутри сочетания и план синтаксических потенций полнозначных слов вне сочетания. Первый план — семантико-синтаксический, он касается функций полнозначных слов в подчинительном сочетании, или „сцеплении”; второй план — лексико-грамматический, он касается категориальной принадлежности слов, обуславливающей их синтаксические возможности. Семантико-синтаксический и лексико-грамматический планы тесно связаны между собой, но не изоморфны”³. С. Д. Кацнельсон выделяет наиболее общие категории того и другого плана.

Самыми общими категориями семантико-синтаксического плана являются экспликандум и экспликант, выделяемые по роли полнозначных слов в процессе „сложения смыслов”. В простейших сочетаниях из двух лексических значений одно из слов, как правило, уточняет другое. Уточняемое слово С. Д. Кацнельсон называет экспликандумом, уточняющее — экспликантом, а функция эксплицирования, по его мнению, является базисной синтаксической функцией. Эта функция, в свою очередь, подразделяется на функции атрибуции и предикации. Соответственно общие семантико-синтаксические категории подразделяются следующим образом:

экспликант — на атрибут и предикат, экспликандум — на детерминандум и предикандум⁴. Основанием для выделения дополнительных семантико-синтаксических функций является различное отношение экспликанта к составным частям предложения.

На базе основных синтаксических функций формируются наиболее общие разряды лексических значений — субстанциональные и несубстанциональные значения. Наряду с семантико-синтаксическими категориями в классификации лексических значений участвуют категории другого порядка, которые С. Д. Кацнельсон называет логико-грамматическими или онтологическими, — предметность и призначность, качество и количество. Логико-грамматические категории представляют собой элементарные познавательные категории, фиксированные в грамматической структуре языка, и служат основой для выделения подклассов лексических значений⁵.

Сопоставляя выделенные категории с традиционной классификацией слов по частям речи, С. Д. Кацнельсон отмечает, что каждый класс имеет в своем составе базисные и производные значения: „Базисными для субстанциональных слов (имен) являются лексические значения, отображающие чувственно воспринимаемые предметы (физические тела)... Базисными для атрибутивных слов являются чувственно воспринимаемые признаки предметов, обладающие относительной устойчивостью, — качественные и количественные признаки. Для предикативных слов базисными являются простейшие, чувственно наблюдаемые изменчивые признаки, — предикаты действия и состояния. Традиционная грамматика интуитивно выделила базисные значения как семантическую основу важнейших частей речи — существительных, прилагательных, числительных, глаголов”⁶. Базисные значения совпадают в грамматических классах слов различных языков. Производные значения в отличие от них образуют „подвижной фонд”, по-разному распределяемый в разных языках⁷.

Основными классами лексических значений, которые выделяет С. Д. Кацнельсон, являются событийные и несобытийные значения. Класс несобытийных значений, в свою очередь, распадается на значения субстанциональные и несубстанциональные (атрибутивные и предикативные)⁸. В чистом виде на материале конкретного

языка эта классификация не выделяется, так как на распределение слов по классам влияют также соотношения базисных и производных значений, семантическая деривация и многозначность. Так, событийные значения могут быть оформлены как существительные (война, свадьба, происшествие) или как глаголы (случаться, дождить). В отличие от предметных и призначных значений, выделяющих в обозначаемом событии „предметные элементы и объединяющий их предикативный признак“, событийные значения отражают объективную действительность глобально, нерасчлененно и предложения с ними характеризуются определенными структурными особенностями⁹.

Большой разряд событийных существительных в немецком языке представлен отглагольными именами с суффиксом -ung. Являясь процессуальными именами, что обуславливается их словообразовательной природой, эти существительные обладают способностью представлять процесс в наиболее обобщенном, глобальном смысле — в виде события. Поскольку „реальные процессы или события не отделены непроницаемыми перегородками друг от друга“¹⁰, то развитие событийного значения из процессуального (призначного) является вполне естественным для рассматриваемых существительных. Значение кратности, лежащее в основе производящих глаголов, связано с противопоставлением аспектуальных признаков процессности и целостности действия (события). Ср. следующие примеры: Die festliche Stimmung ist Ergebnis der herzlichen Begrüßung (ND-2, 3).— Er hatte, abgesehen von der ersten Begrüßung, noch nicht Gelegenheit gehabt, mit Christian zu sprechen (TM-412). Zur Begrüßung hat sich der Minister eingefunden (ND-9,2), где Begrüßung развивает свое значение от процессуального путем наложения на процессуальную сему семы кратности (2-й пример) и семы глобальной событийности (3-й пример). Такую последовательность можно наблюдать в следующих примерах: Die DDR wird zur Unterzeichnung des bedeutsamen Dokuments ihren Willen auslegen (ND-7,3).— Ein großes internationales Ereignis war die Unterzeichnung der Verträge zwischen der UdSSR und der BRD (ND-7,1).

Und wo immer es ging, mied er die Begegnung mit ihr (PW-170).— Die sowjetische Delegation hatte herzliche

Begegnungen mit Bürgern der DRV (ND-6,1).— Die Begegnung fand ... statt (ND-7,2):

С точки зрения трансформации конструкций с производным именем в конструкции с производящим глаголом, событийные производные характеризуются полной семантической соотносительностью, которая осложняется лишь наличием формы множественного числа (или возможностью ее образования) и необходимостью опускать имеющийся при существительном глагол. В трансформации может быть введено родовое слово — „событие”, „мероприятие”: *das Ereignis, die Veranstaltung*. Однако трансформация вполне возможна и без родового слова. Эти производные образуются, как правило, от глаголов, связанных с общественной деятельностью людей, осуществляющейся с определенной целью и в определенном месте. Например, *die Versammlung* представляет собой следствие процесса *sich versammeln*. С точки зрения соотношения производного с производящим глаголом можно отметить, что кажущаяся полная семантическая соотносительность в содержательном плане встречает ряд ограничений. Если *Versammlung* — это всегда „событие” в результате процесса *sich versammeln*, то процесс (*sich*) *versammeln* в предложении *Im Cafe fand eine Versammlung statt* — не обозначает, что *Im Cafe fand eine Versammlung statt*. В „событийном” производном, в отличие от „кратного” итеративного, отображается целый комплекс содержательных признаков, которые не допускают сведения процесса к отдельному акту *des Sichversammelns* или множеству таких актов. Так, например, назвать группу людей, которая случайно собралась вместе, „собранием” можно лишь иронически.

Производные слова, обозначающие события, по своему содержанию очень близки к предложениям. Поэтому глагол в сочетании с таким именем выступает обычно в качестве „вербализатора”, способствующего включению событийного имени в предложение, например: *In Paris fand eine mitreißende Kundgebung statt*. Как обозначение отдельного события, эти производные легко образуют форму множественного числа, отображающую множественность таких событий. Ср.: *Ausstellung, Beratung, Besprechung, Bestattung, Einberufung, Enthüllung, Erschießung, Gegenüberstellung, Hinrichtung, Scheidung, Tagung, Trauung, Überschwemmung, Unter-*

haltung, Unterredung, Unterzeichnung, Verabredung, Verabschiedung, Veranstaltung, Verhandlung, Verlobung, Vermählung.

Глобальность событийных значений накладывает определенные ограничения на их сочетаемость с предикатами. Событийные имена могут систематически сочетаться с глаголами, которые являются „вербализаторами” и носят формальный характер. В формальной функции „вербализатора” событийного существительного на -ung, в отличие от процессуального, выступают глаголы *verlaufen, stattfinden, bevorstehen, sich gestalten, sein*, являющиеся своего рода служебными словами, указывающими на грамматическое время события. Ср.: *Ein großes Ereignis war die Unterzeichnung der Verträge (ND-7,3); Zu einem Höhepunkt der Kulturtage gestalteten sich die vielfältigen Veranstaltungen (ND-8,3); Am meisten ängstigte ihn die Begegnung, die ihm irgendwann bevorstand (N-238); Die Beratungen verliefen in einer Atmosphäre der völligen Übereinstimmung (ND-2,2); Im Verlaufe des Besuches fanden Veranstaltungen statt (ND-9,4).*

Событийные существительные сочетаются также с глаголами-предикатами, указывающими на временные и пространственные границы, на степень интенсивности события, способ его протекания. Это так называемые характеризующие и обстоятельственные предикаты, а также атрибуты, определяющие событие и условия его протекания, например, *beginnen (anfangen), in Umlauf gehen, vorüber sein, zu Ende sein, zu Beginn, am Schluß, am Vorabend, in der Zeit, im Laufe* и т. п., а также предлоги *vor, nach* в их временном значении. Ср.: *Sie wurden gleich zu Beginn der faschistischen Besetzung Opfer der Judenverfolgungen (ND-1,4); ...wie von Mördern, die kurz vor der Hinrichtung ausgebrochen sind... (M-323); Bei der Kundgebung am Vormittag hatten die Redner ... vom Geistigen gesprochen (K-110); Einige Stunden nach der Trauung ... glitt ein ... mausgrauer Kühler auf Rädern die Straße hinaus (M-209); Die Verhandlungen wurden auf Initiative der Sowjetunion begonnen (ND-7,3); Er selber ... wolle von Edessa aus die Verhandlungen zu Ende führen (N-185); Die Erwartungen, die sie ... am Vorabend ihrer Verlobung ... hatte (TM-375).*

Событийные существительные очень часто сочетаются с предикатами отмеченного движения, содержащими специфицированное „место” для локального компонента, без которого предложение с таким предикатом остается неполным. Событийное имя в таком предложении занимает место „отмечающего” компонента при нетипичной валентности предиката¹¹. К предикатам отмеченного движения мы относим следующие предикаты: *anwesend sein, sich einfinden, erscheinen, entgehen, kommen, zurückkehren, zusammentreffen* и т. п. Ср.: *Zur Begrüßung war Vize-Präsident Vietnams erschienen (ND-9,2); Zurückkehrend von der Bestattung Frontos, holte er ... jene Quittung (N-231); Zur Enthüllung des Monuments sind die Ehrengäste gekommen (ND-10,3); Bei der Verabschiedung war der Botschafter der SRR in der DDR anwesend (ND-5,2); Sie trafen zu weiteren Verhandlungen zusammen (ND-9,2); Nur durch Zufall entgingen die Geschwister der Erschießung (ND-1,4).*

Событийные значения хорошо сочетаются с глаголами активного участия типа *teilnehmen, sich beteiligen, fernbleiben*, а также квазипереходными типа *durchführen, eröffnen, führen, organisieren* и т. п., где событийное имя замещает позицию прямого компонента. Ср.: *An der Unterzeichnung nahmen der Minister ... und sein Stellvertreter teil (ND-6,2); Helga Dreizehn prüft die Uhr und auf die Minute eröffnet die Sitzung (PW-526); Wie er die schwierige Unterredung mit dem Minister durchführt... (F-13); Er wird eine Versammlung zum Thema Wahlen vorbereiten (ND-9,8).*

Следует отметить, что часть существительных, относимых нами к событийным, обнаруживает свойства, характеризующие их как переходные от событийности краткой к глобальной. Это, прежде всего, наличие содержательных валентностей, как субъектных, так и объектных. Их реализация зависит от коммуникативной задачи высказывания и осуществляется средствами, типичными для реализации аналогичных валентностей итеративных существительных, ср.: *Die freundschaftliche Unterredung der Vorsitzenden diente der Vorbereitung der Tagung der Kommission (ND-6,2); Verhandlungen zwischen der Sowjetunion und Marokko haben ... begonnen (ND-10,1).* Возможно и дистантное расположение формальной валентности. Ср.: *Zwischen beiden Staatsmännern fand eine freundliche Unterredung statt (ND-9,1).*

Интересен в плане реализации содержательных валентностей следующий пример: Ein großes Ereignis war die Unterzeichnung der Verträge zwischen beiden Ländern (ND-7,3). В предложении посредством родового слова Ereignis сообщается о состоявшемся событии, здесь же дается наименование этого события, развертываются связи события с субъектом и объектом, „замешанными” в осуществлении действия, лежащего в основе данного события.

Можно сделать вывод, что субъектная валентность в данном примере ситуативно обусловлена, объектная же валентность обязательна в силу прямопереходного характера значения Unterzeichnung. Таким образом, содержательные и формальные валентности событийных значений обусловлены переходной или непереходной природой этих значений. Только прямопереходные значения, лежащие в основе событийного имени, характеризуются обязательной формальной объектной валентностью. Ср.: Aufführungen von DEFA-Filmen (ND-8,5); Uraufführung des Werkes (ND-7,8); Enthüllung des Monuments (ND-10,3); Verabschiedung der Delegation (ND-5,2).

Валентности остальных значений могут быть определены как факультативные, ситуативно обусловленные.

Атрибутивная характеристика событийных значений осуществляется посредством качественных, количественных атрибутов и атрибутов качественно-относительных, причем преобладают последние. Атрибуты общей соотнесенности характеризуют событийные значения субъективно, в отличие от объективной характеристики качественных и количественных атрибутов. Ср.: lange Sitzung; anspruchsvolle, künstlerische Darbietungen (качественная характеристика); vielfältige, 750 Veranstaltungen (количественная). К атрибутивной характеристике можно причислить и следующие отношения: die Versammlung zum Thema, Kundgebung zur Gründung der DDR, характеризующие события объективно. Атрибутивная характеристика обусловлена коммуникативным заданием и служит дополнительной актуализации событийного значения.

ABKÜRZUNGEN

F — L. Feuchtwanger. Die Füchse im Weinberg. Berlin/Weimar, 1975.

К — Н. Kant. Die Aula. Berlin, 1967.

М — L. Frank. Mathilde. Berlin, 1961.

Н — L. Feuchtwanger. Der falsche Nero. & Rudolstadt, 1956.

ND — „Neues Deutschland“ für den 1.10. Oktober, 1971.

PW — W. Steinberg. Pferdewechsel. Halle (Saale), 1974.

ТМ — Th. Mann. Buddenbrooks. Berlin/Weimar, 1975.

§ 6. О семантической структуре имен прилагательных „мягкий” в русском языке и „soft” в английском

Данный параграф является фрагментом семантического анализа имен прилагательных, выражающих значение „мягкий” в русском и английском языках, объединяющихся в семантические блоки „мягкий” и „soft”. Наблюдения и обобщения делаются с применением компонентного анализа на контекстуальной основе и учения об оппозициях.

Анализ собранного нами фактического материала показал, что в исследуемом семантическом блоке сема „легко поддающийся воздействию” регулярно повторяется во всех лексических единицах блоков „мягкий” и „soft” и является идентифицирующей семой в данной подсистеме. Наличие такой повторяемости дает основание включить имена прилагательные „soft—tender—gentle—smooth” и их эквиваленты в русском языке в состав указанных блоков. К дифференцирующим семам, из соотношения которых складывается внутренняя структура блока „мягкий”, относятся семантические признаки, характеризующие степень сопротивления физическому воздействию, поскольку качественные имена прилагательные в силу своей семантики допускают противопоставления по степени качества.

Ядерными словами исследуемых блоков являются лексема „мягкий” в русском языке и „soft” в английском. В них содержится ядерная сема „легко поддающийся воздействию”, они представляют собой наиболее общие нейтральные слова, выражающие понятие „мягкий” в обоих сопоставляемых языках и обладают наивысшей степенью качества по сравнению с другими членами этой качественной парадигмы („П”). Эти слова следует рассматривать как системообразующие для всего блока и использовать их в качестве слов-идентификаторов.

Исследование начинается с сопоставительного изучения семантического объема и семантической структуры ядерных слов блока „soft” и „мягкий”. Значение этого блока берется как заданное на основе данных толковых словарей. Однако отсутствие в лексикографической практике единых методов разграничения значений приводит к расхождению словарных дефиниций в разных словарях даже при описании значений слов, приблизительно одинаковых по смысловому объему. Это положение подтвердилось при сопоставительном изучении семантем „soft” и „мягкий”. Для извлечения более полной и точной информации использовались данные четырех словарей английского языка: Большого оксфордского словаря (БОС), словаря Вебстера (СВ), THE RANDOM HOUSE COLLEGE DICTIONARY (RHCD) и словаря Мюллера (СМ).

На предварительном этапе исследования были обработаны исходные данные, т. е. составлены 4 таблицы семем „soft” по каждому словарю. Сопоставление семантем „soft” в использованных словарях показало, что отдельные семемы представлены в них по-разному, их количество и толкование неодинаково. Так, в БОС выделяется 13 семем, вариантов значений они не имеют и в основном четко отделяются друг от друга; СВ фиксирует 17, они тоже не обобщаются и противопоставляются друг другу, словарь RHCD отмечает 20, СМ регистрирует 16. В ССРЛЯ выделяется 8 отдельных семем, которые являются как бы смысловыми центрами, вокруг которых группируются варианты. Указываются семантические группы имен существительных, с которыми прилагательное „мягкий” сочетается в том или ином значении. (Терминологические значения „мягкий” и „soft” мы исключаем из исследования). Такое расхождение в использованных словарях свидетельствует о том, что они не располагают точными данными о смысловой структуре исследуемых имен прилагательных, о том, в каких значениях и при каких условиях они употребляются.

Поэтому на следующем этапе исследования ставится задача определить лексическую валентность имен прилагательных „soft” и „мягкий” и на основе проделанного контекстологического анализа выделить значения, которыми обладают указанные лексемы, т. е. выяснить семантический объем слов „soft” и „мягкий” в сопостави-

тельном плане. Задачей анализа на данном этапе является также выявление универсальных и уникальных семем и типов словосочетаний в сопоставляемых языках. Как уже отмечалось, смысловая структура слов „мягкий” и „soft” берется как заданное на основе данных использованных толковых словарей, но каждая семема проверяется и уточняется в результате анализа собранного нами фактического материала.

Значения многозначных слов „soft” и „мягкий” рассматриваются нами как семантические поля, компоненты которых связаны друг с другом иерархическими зависимостями — привативными и эквиполентными оппозициями. Поскольку многозначность возможна благодаря разнообразию различных сочетаний „soft” и „мягкий” с другими словами, контекстологический анализ собранного и систематизированного нами материала из указанных источников позволил получить необходимую дополнительную информацию о том, в каких значениях употребляются лексемы „soft” и „мягкий”. Поэтому определению семантического объема прилагательных „soft” и „мягкий” и разграничению значений в их семантических структурах предшествовало выяснение лексической валентности исследуемых имен прилагательных и выявление идеографических групп имен существительных, которые служат условиями их различных значений.

Контекстологический анализ сочетаемости имен прилагательных „soft” и „мягкий” проводится по каждому языку отдельно. Детальное описание семантических сфер функционирования указанных имен прилагательных и их сочетаемости в этих семантических сферах позволило четко разграничить значения в смысловой структуре имен прилагательных „soft” и „мягкий” и обнаружить уникальные и универсальные явления для обоих сопоставляемых языков.

Исследованный нами материал показал, что английское прилагательное „soft” имеет широкую сферу семантической сочетаемости. Наиболее распространенной для него моделью сочетаемости является A+N. Формальным критерием для разграничения значений прилагательного „soft” в этих сочетаниях явилась лексико-семантическая характеристика имен существительных. Фактический материал из литературных произведений показал, что прилагательное „soft” может использоваться

для характеристики имен существительных самых разнообразных значений.

Так, многозначное прилагательное „soft” выражает своими семемами следующие признаки: 1) признак оценки тактильных, зрительных, слуховых и вкусовых ощущений; 2) признаки оценки характера человека; 3) признак оценки физических данных человека; 4) признак оценки различного рода действий; 5) признак оценки явлений природы; 6) признак оценки очертаний, внешнего вида предметов.

На основе коммуникативных функций прилагательного „soft” область реализации его различных значений можно отнести к 6 семантическим сферам (СС): 1) тактильные, зрительные, слуховые, вкусовые ощущения; 2) свойства характера человека; 3) физические данные состояния человека; 4) различного рода движения и действия; 5) явления природы; 6) внешний вид, очертания предметов.

Сопоставительный анализ семантического объема имен прилагательных „soft” и „мягкий” показал, что их семантические поля в основном идентичны. Имеют место лишь незначительные количественные и качественные расхождения. Так, семантическое поле „soft” состоит из 10 семем, семантическое поле „мягкий” из 9. Первичные значения „легко поддающийся давлению”, противоположный „твердый” и „не дающий ощущения жесткости при надавливании”, „не грубый” являются универсальными и отмечены во всех словарях английского и русского языков. В собранном нами иллюстративном материале сочетания имен прилагательных „soft” и „мягкий” в этих значениях являются самыми многочисленными. К качественным расхождениям относятся уникальные значения каждого из исследуемых имен прилагательных. Для русского языка уникальными являются значения прилагательного „мягкий” в сочетаниях „мягкая мебель”, „мягкая обувь”, „мягкий вагон”.

Напр.: „Лишь Турбин и Кузина мама надолго замирали в удобных мягких креслах, слушая пластинки с классической музыкой” („Юность”, № 1, 1979, с. 52).

„А кабинет был уже другой и другая мягкая мебель стояла в нем” („Юность”, № 3, 1979, с. 57).

Из переносных значений в качестве уникальных для русского языка можно выделить значения „лишенный

грубости, резкости”, „вежливый” и „нестрогий”, „снисходительный”, противоположный „суровый”.

Напр.: „Александра Васильевна шаг за шагом завладела тетей Мариной и делала это в такой мягкой форме, что старушка не замечала уже собственного плена” (М.-С. Д. Д. и Д. В., с. 135).

В английском языке уникальным значением является значение „слабый”, „не сильный”, „не крепкий”.

„Mamma had better keep her soft spoiling hands off his daughter. He would see to that” (A. Cronin, „Hatter's Castle”, М., 1963, р. 38).

„Пускай ее мать лучше уберет прочь от дочери свои слабые, балующие руки! Он сам возьмется за ее воспитание”.

„He looked at Mary's pale, sunken face, then felt her soft, fluttering pulse.” (A. Cronin. „Hatter's Castle”, М., 1963, р. 213).

„Он посмотрел на лицо Мэри, бледное, с запавшими щеками, пощупал ее слабый, неровный пульс”.

Проделанный контекстологический анализ сочетаемости имен прилагательных „soft” и „мягкий” и выявленный на его основе семантический объем указанных лексем позволяют перейти к следующему этапу исследования — рассмотрению семантической структуры стержневых слов блока „soft” в английском языке и „мягкий” в русском.

Как уже отмечалось, семантическая структура — семантема — многозначного слова представляет собой класс близких по смыслу семем, которые связаны друг с другом иерархическими зависимостями. В задачу анализа семантем „soft” и „мягкий” входит определение характера связей, которые устанавливаются между семемами в каждом из сопоставляемых языков, т. е. выявление отношений семантической производности.

„При анализе семантической структуры слова необходимо учитывать, с одной стороны, то обстоятельство, что связи между его значениями не являются абсолютными, раз и навсегда застывшими, а с другой — что разные значения не занимают в этой структуре равноправного положения. Таким образом, вопрос об отграничении значений тесно связан с проблемой установления их иерархических связей”¹. Отношения семантической производности выявляются на основе метода об оппо-

зициях. „Под оппозицией понимается отношение частичного различия между частично сходными элементами языка”².

Противопоставления между первичными и вторичными значениями исследуемых лексем „soft” и „мягкий” мы будем рассматривать как эквиполентные оппозиции. Под эквиполентными понимаются оппозиции, „оба члена которых логически равноправны, т. е. являются ни утверждением, ни отрицанием какого-либо признака, а характеризуются его качественным различием”³.

Рассмотрим семантическую структуру английского прилагательного „soft”. Смысловая структура слова находится в прямой зависимости от характера логико-предметного содержания. Так, на основе общей понятийной отнесенности в слове „soft” первичными являются значения, основанные на чувственном восприятии действительности, т. е. на ощущениях. Это значения „мягкий”, легко поддающийся давлению, противоположное „твердый” и „мягкий”, не грубый (на ощупь), противоположное „жесткий”. На основе первичных значений образовались вторичные значения, которые можно разделить как группирующиеся вокруг 4 смысловых центров: 1) легко изменяющий свою форму, не твердый; 2) мягкий, приятный, нежный (на ощупь, на слух, на глаз, на вкус); 3) отзывчивый, жалостливый, уступчивый; 4) не сильный, не крепкий, слабый.

В пределах смысловой структуры лексемы „soft” семемы связаны между собой отношениями семантической производности, т. е. каждую семему можно объяснить хотя бы через одну из остальных. ИС, т. е. общими признаками, поддерживающими единство семем лексемы „soft”, служат признаки „легко поддающийся воздействию, приятный, нежный”. Наша задача на данном этапе исследования состоит в том, чтобы определить последовательность расположения семем в семантеме „soft” и содержательные связи этих семем, образующие схему, каркас, семантической структуры прилагательного „soft”. Установив содержательные связи, можно представить семантическую структуру слова графически. Определение наличия связей между семемами решается как эвристическая задача. Исследуя отношения семантической производности, мы пришли к заключению, что I ступень семантической производности составляют следующие

эквивалентные оппозиции: 1) „легко поддающийся воздействию, не твердый” — „уступчивый, податливый, кроткий” (о характере человека) и 2) „не грубый (на ощупь), не жесткий” — „приятный, не резкий” (о слуховых и зрительных ощущениях). II ступень семантической производности составляют семемы: 4-ая „тихий”, „не слышный”; 5-ая „легкий”, „не сильный”; 6-ая „нежный” (об объятиях, поцелуях); 8-ая „с неопределенными, расплывчатыми очертаниями”; 10-ая „слабый”, „не сильный”, „не крепкий”. Общими для всех этих семем являются признаки „не резкий”, „не сильный”. Семема 7-ая — „теплый, легкий, приятный” находится на III ступени семантической производности.

Графически смысловую структуру лексемы „soft” можно представить следующим образом (см. рис.):

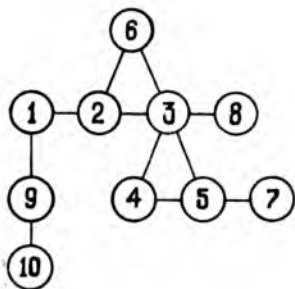

Рис.

1) Легко поддающийся давлению, не твердый; 2) не грубый (на ощупь), не жесткий; 3) приятный, не резкий (о слуховых и зрительных ощущениях); 4) тихий, не слышный (о передвижении с места на место); 5) легкий, не сильный (о движении, действиях); 6) нежный (об объятиях, поцелуях); 7) теплый, легкий, приятный (о природных явлениях); 8) с неопределенными, расплывчатыми очертаниями; 9) кроткий, уступчивый, податливый (о характере); 10) слабый, не сильный, не крепкий (о состоянии человека).

§ 7. О взаимосвязях между семантикой корневых глаголов и их способностью к префиксации

Семантические структуры немецких префиксальных глаголов тесно связаны с состоянием всей глагольной словообразовательной системы и механизмом ее функционирования. Для объяснения относительной стабиль-

ности этой системы необходима экспликация внутренних величин префиксальных глаголов, predeterminedных способностью корневых глаголов к производности и продуктивностью словообразовательных моделей.

В лингвистике разработаны разные способы исследования производности корневых глаголов. Имеется немало работ, рассматривавших семантическую структуру префиксальных глаголов под ракурсом производности их базовых глаголов (О. М. Соколов, Н. И. Злобина, Ю. П. Александров). Теоретической основой этих исследований служило признание (Г. О. Винокуром, В. В. Виноградовым, Б. Н. Головиным, Е. С. Кубряковой, И. С. Улухановым) профилирующего значения производящих основ для семантической структуры производных. Ю. П. Александров, изучавший пространственные отношения, которые при префиксации накладываются на более или менее абстрагированные значения глаголов, показал, что „системоприобретенные” свойства корневых глаголов определяют их избирательную сочетаемость с приставками¹, отметил один недостаток в классификации префиксальных глаголов: нерелевантность ряда семантических признаков для объяснения функционирования системы приставочных глаголов. К выводу о частичной несработанности словообразовательного механизма Ю. П. Александров пришел в результате некоторого субъективизма при анализе семантической структуры префиксальных глаголов, обусловленного использованной им методикой. Сравнивая семантические различия глаголов с приставками *auf-*, *herauf-*, *hinauf-*, Александров опирался на наличие исходного значения префикса и непосредственно полученных от него отвлеченных модификаций. Таким образом, был зафиксирован целый комплекс пространственных, временных и причинно-следственных отношений, определяющих денотативное значение изученной группы префиксальных глаголов. Однако все эти функции эксплицировали лишь „сумму”, а не „систему” признаков семантической структуры приставок, актуализированных в словообразовательном процессе.

В ином аспекте была изучена производность базовых глаголов Н. И. Злобиной². Изучая глаголы знания *wissen* и *kennen* в современном немецком языке и их синтаксические и словообразовательные потенции, она пришла к выводу, что глаголы с более конкретным значением

склонны к высокой продуктивности, а глаголы с более обобщенным значением не отличаются этой особенностью.

И. А. Сизова скомбинировала синхронический и этимологический подходы, изучая ранний этап становления префиксальной системы на примере готского языка. По ее результатам, префиксальные глаголы можно подразделить на отдельные группы по степени семантико-функциональной обособленности приставок от их предложных и наречных коррелятов. Исследование показало влияние времени становления значения префиксальных глаголов как одного из компонентов формирования их семантической структуры в современном языке. Префиксальные глаголы более раннего этапа развития готского языка имели рядом с более конкретными переносные и идиоматические значения, в то время как глаголы более поздних периодов характеризовались только конкретными³. Таким образом, возникновение модифицированных значений у префиксальных глаголов можно было связывать с переосмыслением исходных значений глаголов в речевой практике за более длительный период развития языка.

Изучение синхронного состояния глагольных единиц в разных периодах развития языка может, очевидно, дать информацию о динамике словообразовательной системы как таковой и развитии семантики отдельных префиксальных глаголов в частности.

В целях уточнения и дополнения имеющихся данных о причинах производности базовых глаголов предлагается изучение их семантической структуры по трем параметрам: влияние семантической группы производящего глагола на продуктивность словообразовательной модели; степени обобщенности семантики производящего глагола — на его производность; позиции корневого глагола — на его производность в процессе дополнения немецкой префиксальной системы в нововерхненемецком языке.

Исследование было проведено на основе следующих семантических групп глаголов: 1) **передвижения**: а) конкретного значения (gehen, schleichen, tapfen, kriechen); б) абстрактного значения (laufen, kommen, gehen, fahren); 2) **состояния** (в широком смысле): а) изменения состояния (stellen, legen, hängen, sitzen); б) сохранения состояния (stehen, liegen, hängen, sitzen);

3) действия человека: а) конкретных действий (nähen, schreiben, rechnen, waschen); б) абстрактных действий (wirken, schaffen, arbeiten, leisten); в) глагол конкретного действия с абстрактным значением (werken).

1. Исследование влияния семантической группы производящего глагола на его производность и избирательность префикса при создании словообразовательной модели было проведено путем включения глаголов в разные модели со словообразовательным значением „начала” и „конца” действия. Наложение признака „начала” на значение глагола было реализовано не у всех глаголов. Смысловая структура глаголов семантических групп сохранения состояния и группы абстрактного действия человека допускает подобную процедуру, о чем свидетельствует наличие словосочетаний соответствующего содержания (1) Die Arznei fängt an zu wirken. (2) Der genesende Kranke fängt an, jeden Tag ein bißchen vor dem Haus zu sitzen. Однако подходящие формы неупотребительны, что говорит о существовании дополнительных факторов, определяющих производность глаголов.

Кроме того, если базовый глагол допускает по своей внутренней валентности наложение признака „начала действия”, то он находит присоединение разных приставок в зависимости от принадлежности к определенной семантической глагольной группе. Глаголы группы передвижения (кроме kommen) и конкретного трудового действия человека встретились в сочетании с префиксом los- с признаком „начала действия”. Форма глагола не изменилась при модификации его значения, когда семантико-синтаксическая структура предложения осталась прежней (3) Das Feuerwerk muß gleich losgehen.

Смена приложенной к глаголу словообразовательной модели (4) Der Zug fährt um 14 Uhr von Bahnsteig 3 ab сопровождалась перестройкой семантической структуры глагола. В данном случае глагол отразил не только начало действия как таковое. Эта функция приписана глаголу losfahren. В семантику приставки ab-, наряду со значением „начинать действие”, вошли семы „удаление от определенного места” и „в определенный момент времени”, что нашло отражение в синтаксико-семантической структуре предложения.

Благодаря пластичности языка введение корневых глаголов в определенную словообразовательную модель необязательно приводит к наложению на их семантическую структуру дополнительных компонентов. Приставка также косвенно служит уточнением процесса (что имело место у глаголов изменения состояния при реализации значения начала действия). Двойственная функция этих глаголов отражалась в синтактико-семантической структуре предложения в двух формах. Когда субъект действия, названного базовым глаголом, и действия, уточненного приставкой, был один и тот же, тогда в модель предложения как обязательный член входил рядом с субъектом тот член предложения, который обозначал второе действие (5) Er setzte mit Reden ein. <Er fing an zu reden. <Er macht sich daran, daß er redete. Когда в глубинную структуру предложения входило два субъекта для обозначения действия, названного базовым глаголом, и для обозначения действия, уточненного префиксом, тогда второй субъект в поверхностной структуре предложения был представлен в виде объекта (6) Er stellte das Gas an. <Er machte, daß das Gas brannte. (7) Er setzte die Suppe auf. <Er setzte die Suppe auf (den Herd), damit sie kochte.

Наложение антонимичного признака указания конца действия структуры предложения вызвало аналогичные семантико-синтаксические процессы в предложении. Некоторые отклонения намечались лишь в антонимичных предложениях, выступающих парой к предложениям с префиксальными глаголами с частицей *los-*. Поэтому значение „конец конкретного действия” реализуется с помощью глагола *aufhören*.

2. В свете влияния степени обобщенности семантики производящего на его производность были проанализированы глаголы синонимического ряда „работать” (*arbeiten, wirken, leisten, werken*), отличающиеся различной семантической структурой. Полученные результаты уточнили выводы о словообразовательных потенциях корневых глаголов, сделанные Н. И. Злобиной. Анализ семантической структуры глаголов с более обобщенным значением показал повышенную способность к производности в следующих условиях: 1) при вхождении глагола, обозначающего конкретное действие, в большое количество семантико-синтаксических моделей предложения,

являющихся исходными для коррелирующих моделей предложения с префиксальными глаголами (глагол arbeiten имел 14 префиксальных глаголов для обозначения конкретных действий, построенных на стольких же семантико-синтаксических моделях); 2) при развитии обозначения абстрактных действий на фоне большого количества обозначений конкретных действий (из 16 обозначений конкретных действий у глагола arbeiten одновременно служили 4 для обозначения абстрактных действий); 3) в случаях приспособления еще не использованных словообразовательных моделей предложения к трансформации синтактико-семантических структур предложений со значениями корневого глагола, обозначающими лишь абстрактное действие (у глагола arbeiten отмечалось четыре таких модели); 4) при высокой степени апробированности префиксальной системы на основе данной глагольной единицы (ср. ниже результаты анализа глаголов schaffen, wirken, wissen).

Невысокой производительностью отличаются глаголы, обозначающие комплекс конкретных действий с помощью семы обобщающего характера. Дополнительными признаками в значении глагола werken явились — „выполнить труд ремесленника” и „трудовое состояние ремесленника”. Под влиянием этой семы остальные семы выступали как совокупность значений, терявших свою самостоятельность. В семантике глагола wissen семы образуют единство, объединенное дополнительным признаком „умственного состояния лица”. У глагола leisten, относящегося также к группе синонимов „работать-трудиться”, на обобщенное значение наложен дополнительный признак: „приложить усилия на благо общества” (erste Hilfe, Arbeitseinsätze, Frondienst, viel, wenig, Eid). Синтактико-семантические модели предложения с этими единицами отличаются однородностью. Например, модели предложения с глаголом leisten состоят из трех конститuentов. Третьим компонентом в большинстве случаев являлось дополнение в виде отглагольного существительного. (Исключены неопределенные числа viel, wenig, nichts и существительное Eid). Разные вариации исходной модели предложения с помощью дополнительных членов служили уточнением семантики словосочетаний глагола с существительными (8) Er leistete seinen dreijährigen Dienst in der Armee. (9) Er leistete dem Kranken erste Hilfe.

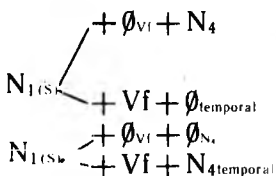
Способность данных членов входить в модели лишь с конкретными словообразовательными значениями объяснялась однозначным словоупотреблением глаголов при наличии обобщенного значения с оценивающим признаком. Значение глагола *leisten* допускает наложение признака „совершение действия поэтапно” (*ableisten*) на семантику глагола *wissen*, обозначающего „соучастие” (*mitwissen*). *Leisten* включает также признак „перенесения действия на более ранний срок” (*vorwissen*).

Если при рассмотрении глаголов *leisten*, *arbeiten*, *werken* можно было говорить об асимметрии развития префиксальной системы между глагольными единицами, то у глаголов *schaffen* и *wirken* отмечается асимметрия внутри семантической структуры одной глагольной единицы. У глагола *schaffen* значения „возить—доставить” отличаются высокой и значения „творить—создать” низкой производностью. К значениям „успевать” и „работать” вообще не имеется производных. Селективное проявление производности у глагола *schaffen* объяснялось разной степенью свертанности его значений. В связи с этим они вошли в разнообразные семантико-синтаксические модели предложения¹:

- 1) $\frac{\text{создать}}{\text{творить}} N_{1(S)} + Vf + N_4$ Der Künstler schuf ein neues Gemälde.
- 2) $\frac{\text{работать}}{\text{трудиться}} N_{1(S)} + Vf + P_{3/4}N_3$ Der Künstler schaffte an einem Gemälde.
- 3) $\frac{\text{привести}}{\text{доставить}} N_{1(S)} + Vf + N_4 + \emptyset_{\text{final}} + \emptyset_{\text{local}}$ Der Künstler schaffte neue Farben (für die Arbeit an seinem Gemälde) (irgendwoher herbei).

¹ S — подлежащее, N₁ — существительное в именительном, N₃ — в дательном и N₄ винительном падежах, Vf — стержневой глагол, P — предлог, \emptyset — дополнение, D — наречие, \emptyset — указание члена предложения, существующего лишь в глубинной структуре предложения.

- 4) успевать
справиться
укладываться

Der Künstler schaffte ein neues Gemälde. Der Künstler schaffte den Termin.

По синтактико-семантической структуре были предрасположены к трансформации предложения с префиксальным глаголом по моделям 1 и 3, так как в их состав вошел дополнительный существенный конституент, находящийся в прямом отношении к глаголу. Наличие других конституентов моделей предложения, влияющих на его значение, не отмечалось (ср. модель 4). Модель предложения 3 является удобной базой для трансформации, потому что в его глубинную структуру вошел конституент „места действия”. Этот конституент заполнен значением префикса, имеющего по аналогии с префиксальными образованиями семантической группы глаголов „перевозить что-либо” локальный признак. Первая модель является также удобным источником для разных трансформаций предложения. Однако в силу действия оценивающей семы, входящей в семантическую структуру глагола *schaffen* „выполнение творческого действия”, производительность глагола была резко снижена.

$N_{1(S)} + Vf + N_{4(Human)}$ Gott hat den Menschen erschaffen.

$N_{1(S)} + Vf + N_4 + \emptyset_{temporal} (+P_3N_3)$

Die Familie mußte (im Laufe der Jahre) einiges Möbilar nachschaffen.

$N_{1(S)} + Vf + N_4 + \emptyset_{modal} + P_3N_{3zu}$
 $(N_{1(S)} + Vf + N_4 + P_3N_{4nach})$

Er hat den Roman zu einem Film umgeschaffen.

(=Er hat den Film nach einem Roman geschaffen.)

$P_3N_{3kausal(S)} + Vf_{passiv} + N_{1(0)} + D_{modal}$
 $(=N_{1(S)} + Vf + N_{4(0)} + D_{modal})$

Er ist von Natur so geschaffen.

(= Die Natur hat ihn so geschaffen.)

Глагол *wirken* отличался неоднородностью своей семантической структуры. Пять его значений из шести были обобщенными. Исходное значение глагола „работать—трудиться” сохранилось лишь в значении „месить”, и поэтому глагол имел низкую производность из-за своего конкретного значения. В значениях „ткать” и „вязать” некая дополнительная сема, наложенная на исходное значение глагола, ограничивала не только производность глагола, но и его способность к развитию модифицированных значений. Сопоставление единиц со значением „вязать” показало наличие у глагола *stricken* с более конкретным значением 11 префиксальных наименований, среди которых имелось два модифицированных, и у глагола *wirken* с некоторым обобщенным значением одно префиксальное образование с конкретным значением. У глагола *wirken* с некоторым обобщенным значением имелось одно префиксальное образование с конкретным значением, у глагола *weben* с более конкретным значением три производных с конкретным и один с переносным значением. У остальных значений глагола исходное получило переосмысление вследствие внесения более определенной дополнительной семы „оказывать некоторое влияние” („работать”), ведущей к развитию двух обособленных значений („действовать” и „производить впечатление”). Существенные семантические связи между этими значениями были нарушены:

- (10) Die Arbeiterinnen vom VEB Strickwaren Apolda wirken (X) hübsche Pullover.
- (11) Der Journalist wirkte (X) an der Gestaltung der letzten Seite der NDP.
- (12) Die Arznei wirkt (gut).
- (13) Das Kleid wirkt (gut).

Примеры показали, что механизм обособления семантической структуры глагола *wirken* был тесно связан с постепенной перестройкой семантико-синтаксической структуры предложения. Исходная синтаксическая модель предложения претерпела изменения во всех ее конституентах.

Изучение производности глагола *wirken* в связи с его семантической структурой дало те же результаты, что и изучение семантики глагола *schaffen*. Исключением явилось наличие обобщенного значения „действовать”, „влиять на что-нибудь”, на основе которого был образован ряд производных. Конфронтация с глаголами адекватного значения русского языка, имеющими по одной производной форме („повлиять/подействовать”), подтверждала необыкновенную способность к продуктивности глагола *schaffen* в указанном значении. Однако анализ семантики его производных показал ту же простую семантическую структуру, которая наблюдалась у глаголов низкой производности и которая также нашла отражение в семантико-синтаксической структуре предложений:

(18) Die große Trockenheit wirkte sich negativ auf die Ernteerträge aus.

(19) Die Verwendung von Düngemitteln wirkte positiv auf das Wachstum der Pflanzen ein.

(20) Die intensive Vegetation wirkte positiv auf das ökologische System zurück.

(21) Der Agronom bewirkte mit dem Einsatz verschiedener Düngemittel ein aktiveres Wachstum der Pflanzen.

zu 18/ S + Vf + D + P₄N_{4^{aus}} (ein) ——— negativ

zu 19/ S + Vf + D + P₄N_{4^{aus}} (aus) ——— positiv

zu 20/ S + Vf + D + P₄N_{4^{zur}} (zurück) ——— positiv
negativ

zu 21/ S + Vf + P₃N_{3^{mit}} + N₄ (be) ——— ∅

На значение глагола были наложены временные (*nachwirken*) и пространственные отношения (*mit-*, *zusammen-*, *zurück-*, *ein-*, *auswirken*), способствовавшие уточнению пространственных отношений между субъектами и объектами. Процесс модификации значения „влиять/действовать”, являющегося исходным в данных примерах, находился еще на стадии своего формирования.

Резюмируя сказанное выше, можно говорить не только о зависимости производности глагола от свертанности значения корневого глагола как целого. Оказалось

целесообразным, во-первых, расчленять основные значения изучаемых глаголов, отличающихся разной степенью обобщенности; во-вторых, учесть этап модификации исходного значения, так как глаголы с обобщенным значением имели часто целый ряд производных с конкретными признаками пространства и времени.

3. Исследование влияния позиции корневого глагола на его производность в процессе дополнения немецкой префиксальной системы было проведено на материале отдельных произведений последних 500 лет. Анализ текстов¹ показал, что принципы формирования немецкой префиксальной системы были разработаны до XV в. Отсутствовали лишь образования с префиксами *zugück-*, *mit-*, *bei-*, отличающимися в настоящее время более конкретными значениями. Кроме того, следует назвать приставку *los-*, представленную лишь одной формой с исходным значением (*Auf das Fest aber hatte der Landpfleger die Gewohnheit, dem Volk Einen Gefangenen loszugeben, welchen sie wollten.*) Matth. 27. 15. Для системы того времени характерным являлось неравновесие между количеством словообразовательных приставочных морфем и продуктивностью корневых глаголов. У 97 глаголов имела одна префиксальная форма, у 21 глагола — две, у 8 глаголов — три. Глагол *geben* был представлен четырьмя формами, из которых сохранились три. Относительно высокой продуктивностью выделялся глагол *ziehen*, однако семь его префиксальных форм строятся только на двух значениях корневого глагола („передвижения” и „одевания”). Исключением явились глаголы-синонимы *gehen*, *kommen*, *fahren*. Они достигли высокой степени абстрагирования своего исходного значения „передвигаться пешком” по трем линиям: по значениям „удаление” (*gehen*), „приближение” (*kommen*) и „отправление в даль” (*fahren*). Эти обособленные значения стали служить стержневыми значениями данных глаголов вплоть до настоящего времени (*Laßt uns gehen gen*

¹ Die Bibel oder die ganze heilige Schrift des Alten und Neuen Testaments nach der deutschen Übersetzung Dr. Martin Luthers. Dresden, 1885, johannis I, Matthäus, Lucas, Judith/; J. J. Christoffel von Grimmelshausen. Der abenteuerliche Simplicissimus; Lessings Werke in fünf Bänden, Briefe, die neueste Literatur betreffend, Laokoon. Weimar, 1959; G. Keller, Der grüne Heinrich, Epikon, Romane der Weltliteratur. Paul list Verlag, Leipzig.

Betlehem... (Lucas 2. 15.), ..., daß ein Reicher in das Himmelreich komme... (Lucas 18.25), ...fuhr auf gen Himmel... (Lucas 24.51); Und Jesus kam wieder in des Geistes Kraft in Galiläa (Lucas 4.14), So soll es auch gehen allen Feinden Israels... (Judith 4.13).

Глаголы рассматриваемого периода имели значения разной степени абстрактности, отмечаются конкретные, модифицированные и идиоматические, на основе которых были образованы разные префиксальные формы и значения. Однако не все значения глаголов выдержали речевое испытание до сегодняшнего дня по следующим причинам: 1) семантические функции префикса изменились вследствие перераспределения признаков (ihr Heuchler, die ihr Land und Wasser umziehet... (Matthäus 23,15) = umherziehen; 2) значения корневой морфемы производных уточнились (...aber er entging aus ihren Händen. (Johannis 1,10,39) = entkommen; 3) изменилось правило сочетания (Es kam aber die Sage von ihm je weiter aus... (Lucas 5.15.) Здесь глагол auskommen был подменен глаголом ausgehen, так как актуализированное значение префикса aus- „распространиться и заполнить некое пространство” в соответствии с нормами современного языка не сочеталось со значением „приближения”); 4) изменилось словоупотребление (Himmel und Erde werden vergehen, aber meine Worte vergehen nicht. (Lucas 21.33); 5) глаголы отличались невысокой частотностью (Aber die elf Jünger gingen in Galiläa auf einen Berg, dahin Jesus sie beschieden hatte. (Matth. 28.16).

После испытания функционирования словообразовательного механизма на примере трех глаголов он был использован для образования производных от других глаголов. В этой связи в XVII в. заметно возросло число производных благодаря повышению производительности корневых глаголов. Повысилось число производных у глаголов движения и изменения состояния и у одного глагола из группы сохранения состояния (stehen). На основе значений глагола абстрактной деятельности schaffen были образованы сегодня употребляющиеся префиксальные формы с абстрактным значением. В период бурного развития префиксальных форм встречалось немало производных, исчезнувших позже из языка (Wie der Pharrer gesagt hatte, also ging es (Simplici-

aus 133) = kommen; wovon ich dermaßen aus mir kam (Simplicius 135) = vollständig verwirrt sein; wie er sich von seiner Campagna loswirken und anderswärts sein Glück suchen könnte (Simplicius 207) = freimachen; 1 152 000 Mann erlegt (Simplicius 153) = töten. Семантика большинства неупотребительных сегодня префиксальных глаголов понятна в связи с контекстом, поскольку значения данных глаголов с точки зрения существующей языковой системы объяснимы (например, aus sich kommen (Simplicius 135) „оказаться вне своего прежнего положения”, sich loswirken (Simplicius 207) „освободиться собственными усилиями”).

В период возникновения немецкой национальной литературы (XVIII в.) наступило время отсеивания самых жизнеспособных префиксальных глаголов. Имеется лишь несколько новых наименований, среди которых находится глагол абстрактной деятельности arbeiten с некоторыми префиксальными формами. В это же время появилось большое число стереотипных словосочетаний с префиксальными глаголами, сохранившимися до настоящего времени: etwas gänzlich mit Schweigen übergehen (Laokoop 202). В XIX в. префиксальная система только дополнялась. Появились единичные производные у глаголов laufen, sitzen, wirken, schaffen (к значению „приводить”).

Существенные изменения произошли в языке XX в. Резко повысилась производность глаголов группы сохранения состояния, абстрактной деятельности (кроме ряда значений глаголов wirken и schaffen по вышеназванным причинам), одного глагола группы передвижения в конкретном значении (gehen). Заметно повысилось число значений префиксальных образований, в особенности глаголов передвижения с абстрактным значением, глаголов изменения и сохранения состояния и глагола arbeiten. Если в изученных текстах Г. Келлера глагол bekommen был представлен в 6 значениях, то в романе А. Зегерс „Седьмой крест” — в 38.

Обобщая полученные результаты, можно сказать, что префиксальная система немецких глаголов развивалась **центробежно**. Сначала формировался механизм глагольной префиксации как таковой и был испытан на примере синонимичных глаголов gehen, kommen, fahren. Затем разработанные способы префиксации были перене-

сены на все остальные глаголы, что постепенно привело к формированию определенного семантического поля для каждого префикса, реализующего свое значение в производных. Такое развитие префиксальной системы вызвано динамическим развитием значений производных. В XV—XVI вв. существовал ряд глаголов с конкретными значениями (ср. *entgehen*). Однако в ходе совершенствования префиксальной системы много производных претерпело преобразования со стороны внешней и внутренней структуры, часть из них получила позже рядом с конкретным идиоматическое значение. На следующих этапах развития возникли по аналогии глаголы, имеющие и конкретное, и модифицированное значение. Этот процесс продолжается.

На основе изложенных выше результатов можно сделать вывод, что способность глаголов к производности определяется в целом тремя факторами: 1) своеобразием семантической структуры мотивирующего глагола. Предрасположенными к приобретению высокой производности являлись глаголы, которые на широком фоне исходных пространственных значений и тесно связанных с ними временных и причинно-следственных значений допустили модификации с разными степенями абстрактности, 2) высокой обобщенностью значения корневого глагола, 3) позицией корневого глагола в словообразовательной системе языка.

§ 8. Изучение синонимических отношений имен на материале разновременных переводов одного и того же произведения (диахронический аспект)

Сопоставление разновременных списков одного и того же документа — один из важнейших приемов исторического изучения языка. К сожалению, этот прием в практике научного исследования не нашел достаточно широкого применения, а между тем можно думать, что на этом пути исследователя ожидали бы весьма любопытные находки¹. Изучение однородных контекстов в сравнении с оригинальными памятниками литературы, возможное именно на материале разновременных переводов одного и того же произведения, является эффективным средством выявления и описания синонимических связей, отражающих эти перемены.

Синонимия нигде не отражается так ярко, как в переводах, сделанных в разное время, разными переводчиками, на различном профессиональном уровне. В них отражено развитие лексических, фонетических и словообразовательных средств языка.

Процесс обогащения словарного состава русского литературного языка, как известно, проявлялся по-разному в разные периоды его истории. Например, язык разновременных переводов романа Гете „Страдания юного Вертера“, сделанных в конце XVIII — начале XIX вв. может послужить яркой иллюстрацией состояния лексической системы русского литературного языка изучаемого периода, а язык переводов „Фауста“, сделанных в середине и во второй половине XIX в., свидетельствует об уровне языковых норм в последующий период развития языка.

Напомним, что в затронутом аспекте те и другие переводы еще не подвергались рассмотрению. В рамках этой статьи остановимся на некоторых особенностях развития взаимодействующих имен в разновременных переводах „Вертера“, дающих представление о значительной сложности наблюдаемых отношений, о комплексе противоречий, разрешающихся в ходе взаимодействия лексических и словообразовательных замен. Поводом к этим взаимодействиям явились смещения в семантике рассматриваемых слов, новообразования, возникшие в результате семантической индукции под влиянием иноязычной лексики. Перевод многих слов и выражений „Вертера“ в значительной мере увеличивал широту и разнообразие способов выражения, так как при переводе с иностранного языка максимально мобилизовывались все возможные и самые разнообразные средства языка, пополнявшие тем самым или разрушавшие синонимические ряды. С другой стороны, наличие слова оригинала, с которым соотносятся переведенные эквиваленты, является важным условием, позволяющим подтвердить синонимичность рассматриваемых имен.

При рассмотрении процессов развития синонимических отношений в сфере именных образований языка разновременных переводов существенное значение имеет учет лексико-семантических групп слов, позволяющих более четко организовывать текстовый материал и одновременно обнаружить разнообразные семантические связи между входящими в эти группы словами.

В области отвлеченной лексики лексическая синонимия представлена особенно широко. Широкая реализация словообразовательных процессов в развитии литературного языка конца XVIII — начала XIX вв., сам жанр сентиментально-психологического романа, обилие оттенков значения — все это объясняет, почему среди существительных-синонимов „абстрактные” существительные составляют подавляющее большинство.

Среди слов указанной группы выделяются слова со значением действия и смыкающиеся с ними в семантическом отношении слова со значением результата действия; последние нередко оказываются сближенными со словами, выражающими состояние, а также качество и свойство, причем значение качества — свойства может смыкаться со значением результата (сказать грубость и под.). Разумеется, значение результативности по отношению к именам со значением действия и качественным существительным мыслится как весьма широкая категория, вмещающая в себя целый ряд подзначений (поступка, места и под.). Со значительной степенью условности мы, таким образом, можем распределить весь рассматриваемый материал в сфере отвлеченных существительных на две части: слова со значением действия—состояния (и слова, примыкающие к ним) и слова со значением качества.

Существительные со значением действия и состояния. Обращение к нашим источникам позволяет выявить целый ряд лексических параллелей, которые являются вполне допустимыми и сейчас, отражая устойчивое существование синонимов, приводимых в словарях современного русского литературного языка, причем без всяких специальных помет. Вот некоторые примеры: **увольнение—отставка** (нем. die Entlassung, der Abschied): я писал ко двору об увольнении меня (пер. 1781—155); покуда не получил увольнения от двора (1781—157), но — я подал в отставку (1829, ч. 2—34); теперь все кончено. Отставка получена (1829, ч. 2—36). Соответствующие места в оригинале таковы: ich habe meine Entlassung vom Hofe verlangt (433); nun aber ist's geschehen, mein Abschied ist da (433)²;

предприятие—проект (нем. die Idee): высоко ценит мои предприятия, могущие быть полезными (1781—144), но — высоко ценит мои проекты, могущие быть полезны-

ми (1796—140). У Гете читаем: wie er meine überspannten **Ideen**...ehrt (429);

намерение—план (нем. der Plan): что ж я привез из него? обманутую надежду и **намерения** неудачны (1781—159), но — приношу с собою столько обманутых надежд, столько расстроенных **планов** (1829, ч. 2—38). У немецкого автора читаем: mit wieviel fehlgeschlagenen Hoffnungen, mit wieviel zerstörten **Planen** (434);

пределы—границы (нем. die Grenzen): природа человеческая, продолжал я, имеет свои **пределы** (1781—95), но — силы человеческие, продолжал я, имеют свои **границы** (1829—119). В оригинале: die menschliche Natur, fuhr ich fort, hat ihre **Grenzen** (413);

приключение—случай (нем. der Vorfall): сегодня рассказала мне она странное **приключение** (1781—70), но — сегодня она рассказала мне странный **случай** (1829—89); und heut' hat sie mir einen wunderbaren **Vorfall** erzählt (404);

унылость—меланхолия (нем. die Melancholie): преходящего из приятной **унылости** в пагубные погружающегося страсти (1781—8), но — от печали я переходил к самой шумной веселости, от сладостной **меланхолии** к несчастной страсти (1829—14). В оригинале: von süßer **Melancholie** zu verderblichen Leidenschaft übergehen (382).

Существительные со значением качества. Путем сопоставления разновременных аналогичных текстов переводов романа „Страдания юного Вертера“ удалось установить целый ряд синонимических связей существительных отмеченной категории. Однако по количеству они значительно уступают синонимическим связям отвлеченных существительных со значением действия и состояния:

предосторожность—предусмотрительность (нем. die Vorsicht): к чему ж, любезный друг, служит нам **предосторожность** (1781—89), но — любезный друг, что наша **предусмотрительность** (1829—112). У Гете: Lieber Schatz! was ist **Vorsicht** (411);

порок—грех (нем. die Sünde): что сей **порок** для меня всех отвратительнее (1781—82), но — что этот **грех** для меня самый ненавистный в человеке (1829—103); das ist die **Sünde**, die ich ärger hasse am Menschen als alle andre (408);

высокомерность—гордость (нем. der Übermut): дать им более восчувствовать свою **высокомерность** (1781—9), но — дают ему только живее почувствовать свою **гордость** (1829—15). В немецком источнике: um ihren **Übermut** dem armen Volke desto empfindlicher zu machen (382);

воображение—фантазия (нем. die Phantasie): или божественное во мне действует **воображение** (1781—7), но — или моим сердцем играет теплая, небесная **фантазия** (1829—12). В оригинале читаем: ob die warme himmlische **Phantasie** in meinem Herzen ist (381);

ария—мелодия (нем. die Melodie): у нее есть любимая ария, которую играет она на клавирах (1781—74), но — есть одна **мелодия**, которую она играет на фортепиано (1829—94); sie hat eine **Melodie**, die sie auf dem Klavier spielt (406).

Рассмотренные факты являются ярким свидетельством многоаспектности затронутой проблемы. По отношению к современному русскому литературному языку лексические синонимы, отмеченные в разновременных переводах романа Гете, занимают различное место. Некоторые из них, как видим, если и отмечены в ССРДЯ (Словарь современного русского литературного языка), то выступают в нем с пометой „устар”. Характерно, что эти слова, как правило, являются принадлежностью ранних переводов, и их отсутствие в тексте 1829 г. может рассматриваться, с известной долей условности, как отражение существующего сдвига в сторону будущей лексической нормы.

Ценность показаний перевода 1829 г. при этом представляется тем более очевидной, что указанные устаревшие слова нередко отмечаются как вполне обычное явление в произведениях, созданных позднее.

Существительные со значением конкретного предмета. Говоря о словах конкретно-предметной семантики, мы имеем в виду по преимуществу тот ряд слов, который относится к сфере быта и содержит в себе названия одежды, построек, домашней утвари, хозяйственных сооружений, предметов домашнего обихода и т. д. Здесь, по сравнению с другими разрядами слов, с наибольшей отчетливостью проявляет себя просторечие — источник обогащения литературного словарного состава. С другой

стороны, здесь представлено большое количество заимствованных слов, живо взаимодействующих с исконно русскими словами в процессе формирования будущих норм.

Остановимся на отдельных параллелях, соответствующих указанной категории слов:

корзина—коробок (нем. das Korbchen): держа **корзину** в руке (1781—23), но — с **коробком** в руках (1829—31). В оригинале читаем: mit einem Korbchen am Arm (387);

каре́та—коляска (нем. die Kutsche): чтобы взять **каре́ту** (1781—29), но — взять **экипаж** (1829—42); осматривал гостей и **каре́ту** (1781—31), но — посмотреть на гостей и на **коляску** (1829—45). У Гете: eine Kutsche nehmen (390); die Fremden und die Kutsche zu sehen (391);

канапе—диван (нем. das Kanapee): села на **канапе** возле Вертера (1781—222), но — спокойно села подле Вертера, который занял свое обыкновенное место на **диване** (1829, ч. 2—136); seinen gewöhnlichen Platz auf dem Kanapee eingenommen hatte (464).

Особое место в отмеченной категории слов занимает синонимия отдельных лексем и адъективных сочетаний, выступающих на месте одного и того же немецкого слова:

письменный столик—бюро (нем. der Schreibtisch): письмо, которое запечатанное найдено по смерти его на **письменном** его **столике** (1781—213), но — письмо, которое по смерти его найдено запечатанное на его **бюро** (1829, ч. 2—127); folgenden Brief, den man nach seinem Tode... auf seinem **Schreibtisch** gefunden hat (460);

бант—ленты (нем. die Schleife): распечатав оный, вдруг увидел розовый **бант** (1781—110), но — развертываю, и первая в глаза мне бросаются светло-розовые **ленты** (1829—135). Возможность аналогичного употребления обоих слов ряда сохраняется и доныне. Сравнение исходит из немецкого текста: mir fällt beim Eröffnen sogleich eine der blaßroten **Schleifen** in die Augen (419);

вал—терраса (нем. die Terrasse): свет луны, которая в конце буковой рощи освещала пред нами весь **вал** (1781—117), но — действие лунного света, который на конце аллеи проливался перед нами на всю **террасу** (1829—143). Синонимия отмеченных существительных,

как кажется, возможна и теперь, если дело касается плоской насыпи в условиях определенного ландшафта: die schöne Wirkung des Mondenlichts, das am Ende der Buchenwände die ganze **Terrasse** vor uns erleuchtete (421).

Подводя итоги относительно лексики конкретно-предметного значения, мы имеем возможность подчеркнуть разнородность отмеченных отношений. Взаимодействие вышедших из употребления слов и слов, сохранившихся до настоящего времени, русской и заимствованной лексики (вал—терраса), словосочетаний и слов (письменный столик—бюро) — все это представляет значительный интерес как отражение тенденций, характеризующих трудный процесс формирования современной лексической системы.

Поиски русского эквивалента, как и попытки по-разному передать определенный повествовательный настрой, свойственный произведению Гете, говорят о значительном мастерстве переводчиков, о их творческом отношении к языковому материалу, передающему достаточно пеструю группу конкретно-предметных понятий.

Из других групп существительных, выступающих в языке разновременных переводов „Вертера“, обращают на себя внимание параллели имен со значением лица.

Существительные со значением лица. Эта категория существительных позволяет говорить о качественных изменениях в синонимических отношениях слов. Здесь мы наблюдаем эволюцию значительного количества слов, обозначающих лиц по различному положению в семье, обществе, по месту жительства, по роду занятий и профессии, по власти и т. д.:

мальчик—слуга (нем. der Diener): я послал к ней **мальчика** (1781—76), но—я послал к ней **слугу** (1829—96); ich schickte meinen **Diener** hinaus (406);

путник—странник (нем. der Wanderer): придет **путник**, придет тот, который знал меня (1781—175), но—придет, придет **странник!** он знал меня (1829, ч. 2—66); der **Wanderer** wird kommen (442);

путник—бродяга (нем. der Vagabund): **беспокойный путник** возвращается наконец в свое отечество (1781—49), но—самому **беспокойному бродяге** хочется наконец в отечество (1829—66); der unruhigste **Vagabund** zuletzt wieder nach seinem Vaterland (398);

доктор—медик; доктор—лекарь; доктор—врач (нем.

der Medikus, der Arzt): третьего дня городской доктор пришел посетить управителя (1781—51), но — третьего дня к судье пришел из города медик (1829—68); vorgestern kam der Medikus hier aus der Stadt heraus zum Amtsmann (398); больной просит совета у докторов (1781—60), но — кто болен, тот верно будет советоваться со всеми врачами (1829—78). В оригинале: wer krank ist, wird bei allen Ärzten herumfragen (401); доктор приговорил ее к смерти (1781—70), но — лекарь объявил ей скорый конец (1829—89); als der Arzt ihr das Leben abgesprochen hatte (404).

Интерес представляет использование слов доктор, медик, что свидетельствует об активизации в русской речевой практике, особенно в переводческой, во второй половине XVIII в. иноязычных однословов, о стремлении к точности и стилистической гладкости переводов. Как известно, во второй половине XVIII — начале XIX вв. на вооружении лучших переводчиков была транслитерация, которую еще Ломоносов рекомендовал применять во всех случаях, когда иностранное слово не имело удачного русского соответствия. При этом Ломоносов подчеркивал необходимость придавать иностранному слову форму, наиболее близкую русскому языку³. Постепенно складывалась и традиция передачи определенных иностранных слов одними и теми же русскими словами. Активно приспосабливались к передаче смысла иностранных слов славянизмы. В данном случае слова лекарь, врач как бы „вписываются” в общий синонимический ряд с прочно вошедшими в систему литературного языка иностранными словами „доктор, медик”. Некоторый сдвиг значения у этих слов обнаруживается лишь в более поздних переводах. В современном русском литературном языке слова врач, доктор остаются синонимами, а слово лекарь, находящееся в одной словарной статье с ними, имеет помету „ирон.”, „пренебр.” (см. Сл. син. А. П. Евг.).

Представляется существенным то обстоятельство, что несомненная синонимичность имен, содержащихся в исследованных текстах и сохраняющихся до настоящего времени, иногда не находит подтверждения распада былых отношений, невозможности взаимной замены указанных образований в современных аналогичных контекстах и т. д. Часто, однако, такое понимание дела представляется неточным. Синонимия таких параллелей,

как **увольнение**— **отставка**, **приключение**—**случай**, несомненно, выступает и теперь, несмотря на изменившийся до некоторой степени характер их употребления в речи. Обнаруженные данные могут послужить пополнением словника соответствующих лексикографических пособий.

Любопытны параллели, включающие заимствованные слова, отношение к которым, как известно, менялось; эти параллели весьма показательны с точки зрения характеристики определенного автора, направления и стиля. То обстоятельство, что автор перевода 1829 г. решительно обращается к заимствованной лексике, тогда как ранние переводчики (1781, 1796) строго придерживаются соответствующих русизмов, несомненно заслуживает самого пристального внимания, поскольку дело касается вхождения в литературный язык таких слов, как **план**, **проект**, **фантазия**, **бюро**, **доктор** и подобных.

Материал, который позволил нам проиллюстрировать исключительно широкую возможность употребления слов-синонимов в языке разновременных переводов романа Гете (Страсти молодого Вертера, перевод с немецкого. СПб, 1781 г. Иждивением Е. В.; Страсти молодого Вертера, сочинения Г. Гете с присовокуплением Писем Шарлотты к Каролине, писанных во время ее знакомства с Вертером. Вновь переведенный. В Санктпетербурге, 1796. Иждивением Т. Полежаева и Г. Зотова; Страдания Вертера. С немецкого Р... М., 1829), использован в данной работе постольку, поскольку нужные нам лексемы были отмечены в сравнительно строго аналогичных контекстах, свидетельствующих об одинаковом, в принципе, понимании оригинала. Это значит, что за пределами нашего рассмотрения остались многочисленные случаи синонимии, отмеченные в заведомо разных контекстах, а также текстовые примеры, допускающие различные толкования, не давая достаточных гарантий действительной однозначности слов, используемых при переводе одного и того же контекста. Так, например, в переводе 1781 г. очевидными синонимами оказываются слова **пронисшествие**, **приключение**, не встречающиеся, однако, в параллельных конструкциях сравниваемых переводов и поэтому не рассматриваемые в работе. Сравните: в вечеру я насилу рассказать мог от радости сердца сие **пронисшествие** (1781—67), но — сегодня рассказала она мне

странное **приключение** (1781—70). В оригинале обоим словам соответствует *der Vorfall: des abends konnt'ich nicht umhin, ih der Freude meines Herzens den Vorfall einem Mann zu erzählen* (403); *heut' hat sie mir einen wunderbaren Vorfall erzählt* (404). Такого рода примеры многочисленны. С другой стороны, нередки случаи „сомнительной синонимии”, свидетельствующие о большей или меньшей степени „вольности” при передаче содержания оригинала. Так, трудно поверить в однозначность таких лексем, как **ария—мелодия** и т. д.

Отказ от принятых ограничений, естественно, мог бы привести к многочисленным неточностям, условностям и натяжкам, которые были бы следствием нарушения единой методической установки, принятой для исследования в целом.

Лексикографические источники

1. Словарь современного русского литературного языка, т. 1—17. М.—Л., 1950—1965.
2. Словарь синонимов русского языка. В 2 т. Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1970—1971.
3. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1968.
4. Synonymwörterbuch. Sinnverwandte Ausdrücke der deutschen Sprache. Herausgegeben von Herbert Görner und Günter Kempcke. Leipzig, 1976.
5. Нордстет И. Российский с немецким и французским переводами словарь, ч. 1—2. СПб., 1780—1782.
6. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположений. Вновь пересмотренное, исправленное и пополненное издание, ч. 1—4. СПб., 1806—1822.

§ 2. Вторичные значения в некоторых предложно-падежных конструкциях

Семантическая адекватность (полная или частичная) языковых элементов является обязательным условием включения их в поле. Значимость и удельный вес конститuentов внутри поля неодинаковы. Доминирующими являются те из адъюнктов, которые служат наиболее универсальными и частотными выразителями полевого инварианта. В зависимости от смысловой наполненности одни из представителей поля составляют его ядро, дру-

гие располагаются на периферии. Так, несомненным представляется тот факт, что в поле причины (Fcaus) главенствующее положение занимают предложно-падежные конструкции (ППК), в которых значимую часть составляют предлоги *wegen, vor*. Избирательной дистрибутивной потенцией обладают предлоги *halber, um ... willen*¹, являясь ввиду этого периферийными конститuentами данного поля. Независимо от этого для всех указанных ППК каузальное значение является первичным, а Fcaus — способом существования. Однако практика показывает, что, как правило, полевой массив не ограничивается только указанными выше ППК. Так, например, ППК *in+Dat, unter+Dat*, относящиеся к полю пространственного расположения, зачастую имеют не только свою особую специфику в оформлении Fcaus, но подчас способны оказывать достойную конкуренцию конститuentам его ядра.

Обратимся к оппозиции *in+Dat. — vor+Dat*. Первичным значением ППК *in+Dat* является обозначение внутреннего пространства.

Ich befinde mich im Zimmer.

Нередко имя, стоящее в ППК, используется для номинации пространства с нечеткой конфигурацией. Ср.: *im Qualm, im Wind, im Rauch*. Как отмечает Й. Шредер, „пространство, обозначаемое этими именами, можно лишь с натяжкой истолковать как объемное, в результате чего происходит наложение сфер употребления элементов”². В данном случае в ППК *in+Dat* отмечается соприкосновение пространственного значения с коннотацией причинности. Сопоставление коррелятов отношения *in+Dat. — vor+Dat* в примерах:

1. Er hatte sich was zugezogen an der Donau im schneidenden Wind ... (MF 85);	Man wurde hergefegt vor einem unwitlichen Wind ... (MF 154);
2. Die Neger fror es in der dünnen Sonne (HK 10);	vor Sonne

не вскрывает различий, а порождающей основой синонимии служит перенос *in+Dat.* в область употребления противочлена, отмеченного в поле причины. Если с именами конкретного содержания возможно сближение по пространственной оси, то в ППК, где значимым эле-

ментом является имя абстрактное, позволительно говорить о полной нейтрализации оппозиции *in+Dat.* — *vor+Dat.* Ср.:

1. Ich sah schon im Geiste das grosse Strafgericht und wie Draws **im ersten Zorn** das verheimlichte Geld zuschanden riss (MF 540);

2. Das müsste einer sein, dachte sie, vor dem ich **im ersten Schreck** am liebsten weglaufen würde (MF 67);

3. Verzerrete es sich **in ohnmächtiger Wut?** (HW 138);

4. Als nun Robert **in der Trunkenheit** diese schönen Verse deklamierte, stauten wir alle masslos (BK 342);

5. ... sie sahen wie zwei bewaffnete Diener ein junges halbnaktes Weib, das sich **in seiner Scham** nur mit zitternden Händen und Füßen wehrte, aus einem Haustor trugen ... (HK 57);

... ich zahlte ihm bebend **vor Zorn** alle unbeglichenen Grobheiten ... (Ch. W 8);

Aline selbst ist **vor Schrecken** wie erstarrt (HB 58);

Die Tür flog auf und Paul Jäger stürmte ins Vorzimmer, hochrot im Gesicht, dass sich **vor Wut** verzerrete (WK 173);

Benommen und taumelig zitterte er **vor Trunkenheit** und Exzitation ... (TM 685);

Als man im Klub darüber klatschte, sagte er nur: „Widerlich!“ ganz nebenher, aber mit einer so verächtlichen Handbewegung, dass Moritz dunkelrot **vor Scham** wurde (BK 34).

Как показывают примеры, сопоставляемые конструкции близки по способности выполнять тождественную коммуникативную нагрузку. Однако в отличие от ППК *vor+Dat.* для *in+Dat.* причинное значение является сопутствующим, так как оно результируется из функции обозначения местоположения денотата в пространстве.

В подобных условиях происходит реализация семы причины ППК *unter+Dat.* Данная конструкция не

является чисто причинной. Транспонируясь в область каузальности, предложно-падежное сочетание *unter+Dat.* сигнализирует об обстановке, служащей причиной возникновения действия. Ср.:

Unter seinem Wagen bebte der Boden (HK 171);
Unter seinen Stiefeln knarrten die Treppen ... (SH 394);
Die Strassen erbebten *unter dem Gewicht* der Panzer ... (SH 525); Thorpe fuhr wie *unter einem* Peitschenschlag zurück ... (SH 90); „Ich habe mich deinetwegen drei Monate in diesen unzugänglichen Felswänden festgesetzt ... wo ich mich *unter dem ständigen Druck* der Regenwolken wie in einem Bleigefängnis fühle“ (MF 821).

В качестве таковой выступает подверженность внешнему воздействию, нахождение под определенным предметом и т. д. В конструкции *vor+Dat* причинное значение проявляется в собственном смысле как первичное. Сопоставим близкие по содержанию примеры:

1. Und dennoch bebte *vor* jedem neuen **Blick**; Lukas *unter* jedem neuen **Blick**, den die Gräfin Marie Touchet über den wogenden Dunst des Saales hinweg nach ihm sandte. (HK 88);

2. Auf einem Brückengeländer sitzt Dore, viel schöner und jünger *unter* heisser und stehender **Sonne**. (HK 285); *vor* heisser und stehender **Sonne**.

Результаты рассмотрения данных ППК в оппозиции свидетельствуют о том, что оттенок каузальности выступает в конструкции *unter+Dat.* лишь в качестве дополнительного, имплицитно сохраняя первичное значение „расположение денотата под нижней плоскостью предмета“. Основой нейтрализации здесь служит частичная затемненность примарного значения при одновременном максимальном проявлении семы причинности.

Взаимодействие ППК *bei+Dat.* с полем причины основано на темпоральном сдвиге, где анализируемая конструкция указывает:

1) на одновременность действия причины и условий

ее порождающих. Ср.: **Bei dieser Vorstellung** fror er ... (MF 23); ... **bei undurchsichtigem Nebel** also könnte unser Schiff nicht auf dem Marktplatz von Las Palmas landen ... (I v W 213); Neun Kinder hatte die Grossmutter zur Welt gebracht, acht davon waren ihr frühzeitig gestorben, die einen schon **bei der Geburt**, durch Unfall oder **Krankheit** die anderen ... (MF 83);

2) на нерасчлененность причины и вызываемого ею следствия:

Im Hause prallte ein junges Mädchen **bei seinem Anblick** in die Zimmer zurück (HK 297).

Анализ ППК **bei+Dat.** и **vor+Dat.** в оппозиции позволяет сделать вывод о том, что исследуемые конструкции коррелируют по способности выражать каузальное значение при возможной расчлененности причины и следствия (**vor+Dat.**) и в условиях недискретности причины и следствия (**bei+Dat.**). Ср.:

1. Ich tu's. Kalt-zynisch **bei** heftiger **Erregtschaft**, will sie an sich reissen (MF 556); Sein runder Kopf ist rot **vor** **Erregung** (BK 339);

2. Sie gehorchten ihm schon ein wenig, waren aber wie stachelige Scheite und schmerzten **bei jedem Ruck** (HK 255); **vor jedem Ruck**;

3. Er schreckte **bei jedem Geräusch** zusammen ... (SH 689); **vor jedem Geräusch.**

Итогом данного исследования являются следующие выводы:

1. Наряду с конститuentами поля, распределяющимися по принципу ядро-периферия, имеются элементы, значение причины в которых начинает „играть” при соответствующих условиях нейтрализации. Для ППК **in+Dat.**, **unter+Dat.** благоприятствующими являются условия, в которых подчеркивается расположение денотата в пространстве, влияющем на его состояние: **in der Sonne**, **unter der Sonne**; участие в процессе: **im wehenden Wind**; физическое и моральное состояние **in der Trun-**

kenheit, in der Exzitation, im Zorn, im Schreck. В случае с конструкцией bei+Dat. каузальное значение актуализируется при почти синхронном действии причины и следствия. Bei+Dat. подчеркивает недискретность во времени причины и следствия. Например: bei der Geburt, bei der Vorstellung.

2. Рассмотренные элементы не являются полноправными адьюнктами поля Fcaus. Они служат связующим звеном между полевыми единствами: локальности и причины, темпоральных значений и причины.

3. Выводы о межполевых пересечениях, на существование которых уже указывалось в соответствующей литературе³, позволяют предположить наличие в поле довольно значительного пограничного слоя, не ограничивающегося, конечно, рассмотренными элементами. Более глубокие исследования в данном направлении могут несомненно дать интересные результаты.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БК — Kellermann B. Schwedenklees Erlebnis. Ausgewählte Werke in Einzelausgaben.— Berlin: Volk u. Welt, 1976, 4. erw. Aufl., S. 7—206.

Ch. W — Christa Wolf. Unter den Linden.— Berlin u. Weimar: Aufbau, 1975.—217 S.

HB — Bazin Herve. Madame Ex.— Berlin: Volk u. Welt, 1975.—342 S.

HK — Kesser H. Die Stunde des Martin Jochner. Erzählungen.— Berlin: Rütten & Loening, 1975.—468 S.

HW — Wotte H. Magellans Reise um die Welt.— Berlin: Neues Leben, 1975.—403 S.

JvW — Inge von Wangenheim. Kalkutta liegt nicht am Ganges.— Greifenverlag zu Rudolstadt, 1976, 3. Aufl.—233 S.

MF — Fleisser M. Ausgewählte Werke in einem Band.— Berlin u. Weimar: Aufbau, 1979.—909 S.

RMR — Rainer Maria Rilke. Gedichte. Leipzig, 1975.

TM — Mann T. Der Zauberberg. Romane und Erzählungen., Bd. 2.— Berlin u. Weimar; Aufbau, 1974.—1097 S.

SH — Heym St. Kreuzfahrer von heute.— Leipzig: Paul List, 1975.—1000 S.

ГЛАВА II. СТАТИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СУБЪЯЗЫКОВ

§ 1. Статистическое исследование структуры немецких существительных (на материале частотного словаря субъязыка гидромеханики)

*Моно- и полилексемные типы словообразовательной
формы существительных. Их системное
и текстовое соотношение*

Статистическое исследование структуры немецких существительных было осуществлено на материале частотного словаря (ЧС) субъязыка гидромеханики, созданного методом статистико-вероятностного анализа выборки длиной 150 000 словоупотреблений. Все существительные ЧС (4659 единиц) были подразделены с учетом количества лексем (лексических основ), реализуемых в их составе, на моно- и полилексемные. Дальнейшая классификация строилась на констатации возможных типов комбинирования лексических морфем в составе лексемы (для монолексемных существительных) и типов комбинирования лексем в составе слова (для полилексемных существительных). Все монолексемные существительные были разделены на четыре типа в соответствии с четырьмя возможными типами лексем, реализуемых в их составе. Эти четыре типа лексем являются результатом комбинирования префиксальных (П), суффиксальных (С) морфем при обязательном участии корневой (К) морфемы. Схему их организации мы обозначили следующим образом: К (корневая лексема), КС (корне-суффиксальная лексема), ПК (префиксально-корневая лексема), ПКС (префиксально-корне-суффиксальная лексема)¹. В формулах ПК, ПКС, КС буквы П и С означают либо один префикс и суффикс, либо любую префиксальную и суффиксальную последовательности. Лексемы типа К объединяют не только производные корневые лексемы („ding“, „gas“, „stoff“), но и все лексемы с невыраженными актами словопроизводства („schritt“, „stand“, „druck“, „gang“, „lauf“ и другие).

Необходимость дифференцировать лексическую основу (лексема), т. е. морфологически неконкретизирован-

ную часть слова², и слово вызывается тем обстоятельством, что слово функционирует, обладая не только лексическим, но и набором грамматических значений. Последние выражаются словоизменительными морфемами, в том числе и нулевой, выполняющей в данном случае словореализующую функцию превращения „не слова” в слово³. В этой связи уместно напомнить слова В. В. Виноградова о том, что область формообразования относится к морфологии слова, а область словообразования — к морфологии лексемы⁴.

Четыре типа моноксемных существительных ЧС гидромеханики, соответствующие типам лексем, реализованных в их составе, приводятся ниже с указанием статистических данных их продуктивности (количество разных слов каждого типа в частотном словнике) и частотности (количества словоупотреблений в текстах выборки). В скобках указываются доли слов и словоупотреблений каждого типа в общем количестве моноксемных слов и словоупотреблений:

1) КС (Strömung, Ebene, Geger, Integration) — всего 519 слов (40,89%). Накопленная абсолютная частота слов данного типа (F^*) составляет 10 153 словоупотребления (cy), 45,28%.

2) ПКС (Ausspaltung, Uniformer, Anisotropie, Diskontinuität) — всего 399 слов (31,44%), $F^*=4121$ cy, 18,38%.

3) К (Kreis, Luft, Schicht, Wand) — всего 227 слов (17,96%), $F^*=6521$ cy, 29%.

4) ПК (Anzahl, Aufpunkt, Durchfluß, Gemisch) — всего 123 слова (9,69%), $F^*=1624$ cy, 7,24%.

Статистические данные продуктивности и частотности мы рассматриваем как количественное выражение системной и текстовой (речевой) функциональной активности⁵ выделенных типов словообразовательной формы. Системная и текстовая активность каждого из четырёх моноксемных типов, как показывают наши данные, не всегда совпадают. Так, системная активность типа ПКС на 13% ниже его текстовой активности. Тип К, наоборот, оказался гораздо более активным в тексте, чем в системе ЧС, поскольку его частотность на 11% выше, чем продуктивность. Суммирование данных продуктивности и частотности типов КС и ПКС показывает, что суффиксальные типы моноксемных существи-

тельных составляют 72,23% в ЧС и 63,66% в текстах выборки. Эти данные подтверждают факт доминирования суффиксации в субстантивном словопроизводстве. Общее количество моноксемных существительных составило 1269 единиц, которые представлены в текстах выборки 22 419 словоупотреблениями.

При классификации полилексемных существительных мы должны были вычислить возможное количество комбинаций четырех типов лексем К, КС, ПК, ПКС по две в одном слове для двухлексемных существительных, по три в одном слове для трехлексемных и по четыре в одном слове для четырехлексемных существительных. Для этой цели мы воспользовались положением комбинаторной математики, которое вычисляет, сколько различных комбинаций, подчиненных тем или иным условиям, можно составить из заданных объектов⁶. Комбинаторная математика на уровне перечисленных задач предлагает для этой цели формулу $x = m^n$, где m — количество комбинируемых элементов (у нас лексем), n — число одновременного совместного употребления этих элементов. Согласно этой формуле, количество возможных комбинаций четырех типов лексем по две в одном слове составляет $4^2 = 16$, по три в одном слове равно $4^3 = 64$ и по четыре в одном слове $4^4 = 256$.

В структуре двухлексемных существительных ЧС гидромеханики теоретически вычисленное количество типов словообразовательной формы реализуется полностью, 16 двухлексемных типов словообразовательной формы следующим образом представлены в ЧС и в текстах выборки:

1) К+КС (Störströmung, Gasdynamik, Halbebene, Kreislinie) — всего 650 слов, $F^* = 2317$ су.

2) КС+КС (Größenordnung, Integraldarstellung, Turbulenzenergie) — всего 543 слова, $F^* = 2104$ су.

3) КС+К (Strömungsfeld, Reibungskraft, Wärmestrom, Relaxationszeit, Partialdruck) — всего 365 слов, $F^* = 1289$ су.

4) К+К (Wandwert, Windkanal, Drehzahl, Schutzschicht) — всего 383 слова, $F^* = 1713$ су.

5) ПК+КС (Zustandsgleichung, Durchflußrichtung, Aufpunktflügel, Ausflußöffnung) — всего 116 слов, $F^* = 403$ су.

6) К+ПКС (Druckverteilung, Wasserbehälter, Modellvorstellung, Meßergebnis) — всего 110 слов, $F^*=326$ су.

7) КС+ПКС (Lösungsverfahren, Wölbungsverteilung, Integraldarstellung) — всего 94 слова, $F^*=389$ су.

8) КС+ПК (Strahlungseinfluß, Energieaustausch, Wärmeübergang, Potentialanteil) — всего 92 слова $F^*=391$ су.

9) К+ПК (Wandgesetz, Druckverlauf, Grenzübergang, Kernanteil, Gasgemisch) — всего 85 слов $F^*=287$ су.

10) ПК+К (Aufwindfeld, Austellwinkel, Bestandteil, Umschlagpunkt, Einlaufzeit) — всего 82 слова, $F^*=324$ су.

11) ПКС+КС (Verteilungsfunktion, Bestimmungsgleichung, Verzweigungslösung, Abbildungsgleichung) — всего 57 слов, $F^*=185$ су.

12) ПКС+К (Verdichtungsstoß, Erhaltungssatz, Verschiebungsarbeit, Einbettungssatz) — всего 50 слов, $F^*=177$ су.

13) ПК+ПКС (Anfangsverhalten, Auftriebsverteilung, Versuchsergebnis, Übergangsströmung) — всего 37 слов, $F=121$ су.

14) ПК+ПК (Auströmlzustand, Ausflußvorgang, Überschallzustand, Widerstandsbeiwert) — всего 21 слово, $F=55$ су.

15) ПКС+ПКС (Berechnungsverfahren, Verdampferanlage, Übersetzungsverhältnis, Verträglichkeitsbedingung) — всего 13 слов, $F^*=26$ су.

16) ПКС+ПК (Verteilungsgesetz, Deformationsbeispiel, Verdampfungsvorgang, Eindeutigkeitsbeweis) — всего 10 слов, $F^*=24$ су.

Количество двухлексемных существительных равно 2 763 словам, они были повторены в текстах выборки 10 370 раз. Из 64 теоретически возможных типов комбинаций четырех видов лексем в одном трехлексемном слове в структуре проанализированных существительных реализуется 35 типов. Они представлены ниже в порядке их продуктивности:

1) К+К+КС (Profilstromlinie, Grenschichtdicke) — всего 92 слова, $F^*=325$ су.

- 2) $K + K + K$ (Fixpunktsatz, Randwertproblem) — всего 60 слов, $F^* = 205$ су.
- 3) $K + KC + KC$ (Traglinientheorie) — всего 42 слова, $F^* = 105$ су.
- 4) $K + KC + K$ (Impulsintegralsatz, Stromlinienbild) — всего 35 слов, $F^* = 77$ су.
- 5) $K + K + ПКC$ (Randwertaufgabe, Wanddruckverteilung) — всего 25 слов, $F^* = 66$ су.
- 6) $KC + K + KC$ (Wärmeleitfähigkeit, Mittelwertbildung) — всего 24 слова, $F^* = 55$ су.
- 7) $KC + K + K$ (Tröpfchendampfdruck, Äquilibriumgrenzschicht) — всего 17 слов, $F^* = 51$ су.
- 8) $K + K + ПК$ (Zweiphasengemisch, Schwerkrafteinfluß) — всего 15 слов, $F^* = 29$ су.
- 9) $KC + KC + KC$ (Wärmeleitungsgleichung, Differentialgleichungslösung) — всего 14 слов, $F^* = 19$ су.
- 10) $KC + KC + K$ (Strahlungsenergiestrom, Differentialgleichungssystem) — всего 13 слов, $F^* = 39$ су.
- 11) $KC + K + ПКC$ (Strömungsbildaufnahme, Flügelfkraftberechnung) — всего 11 слов, $F^* = 45$ су.
- 12) $K + KC + ПК$ (Grenzflächenabstand, Gasvolumengehalt) — всего 8 слов, $F^* = 25$ су.
- 13) $ПК + K + K$ (Anfangszeitpunkt, Anfangswertproblem) — всего 8 слов, $F^* = 11$ су.
- 14) $K + KC + ПКC$ (Eigenwertaufgabe, Grundströmungablösung) — всего 8 слов, $F^* = 10$ су.
- 15) $ПК + K + KC$ (Anfangsstoßstärke, Überschallgrundströmung) — всего 7 слов, $F^* = 10$ су.
- 16) $KC + ПК + KC$ (Wärmeübergangsgleichung, Strömungsumkehrtheorem) — всего 5 слов, $F^* = 14$ су.
- 17) $K + ПКC + K$ (Randbedingungsgleichung, Wirbelerhaltungssatz) — всего 4 слова, $F^* = 5$ су.
- 18) $K + ПК + K$ (Druckabfallbereich, Impulsaustauschmodell) — всего 4 слова, $F^* = 4$ су.
- 19) $KC + KC + ПКC$ (Axialgeschwindigkeitsverteilung) — всего 4 слова, $F^* = 5$ су.
- 20) $ПК + K + ПКC$ (Anfangswertaufgabe) — всего 4 слова, $F^* = 11$ су.
- 21) $KC + KC + ПК$ (Flüssigkeitströpfchenaustausch) — всего 4 слова, $F^* = 4$ су.
- 22) $KC + ПК + K$ (Energieausgleichprozeß) — всего 3 слова, $F^* = 7$ су.
- 23) $KC + K + ПК$ (Mischungswegansatz) — всего 3 слова, $F^* = 3$ су.

- 24) ПКС + К + ПКС (Verdichtungsstoßentstehung) — всего 3 слова, $F=5$ су.
- 25) К + ПКС + ПК (Wellenausbreitungsvorgang, Gleichgewichtszustand) — всего 2 слова, $F^*=36$ су.
- 26) ПК + КС + КС (Anfangströpfchenmasse, Bezugsgeschwindigkeitsfunktion) — всего 2 слова, $F^*=2$ су.
- 27) ПКС + К + К (Befestigungsplattform, Belichtungszeitbereich) — всего 2 слова, $F^*=2$ су.
- 28) К + ПКС + КС (Gleichgewichtsströmung) — 1 слово, $F^*=11$ су.
- 29) КС + ПК + ПК (Wärmeübergangsbeiwert) — 1 слово, $F^*=1$ су.
- 30) ПК + ПКС + К (Umlaufverdrängungspumpe) — 1 слово, $F^*=1$ су.
- 31) КС + ПКС + КС (Geschwindigkeitsverteilungsfunktion) — 1 слово, $F^*=1$ су.
- 32) ПК + ПК + КС (Gesamtdurchflußmenge) — 1 слово, $F^*=1$ су.
- 33) ПК + КС + К (Ausblasemassestrom) — 1 слово, $F^*=1$ су.
- 34) ПК + КС + ПКС (Durchflußmasseverhältnis) — 1 слово, $F^*=1$ су.
- 35) К + ПКС + К (Wirbelerhaltungssatz) — 1 слово, $F^*=1$ су.

Количество трехлексемных существительных насчитывает 428 единиц в частотном словнике и 1120 словоупотреблений в текстах выборки.

Из 256 теоретически возможных типов словообразовательной формы четырехлексемных существительных в ЧС гидромеханики было реализовано 17. Ниже они даются в порядке убывания их продуктивности:

- 1) К + К + К + КС (Staupunktstromlinie) — всего 7 слов, $F^*=12$ су.
- 2) К + КС + К + К (Luftfahrttriebwerk) — всего 5 слов, $F^*=8$ су.
- 3) К + К + К + К (Staupunktgrenzschicht) — всего 3 слова, $F^*=18$ су.
- 4) КС + К + К + ПКС (Differenzrandwertaufgabe) — всего 3 слова, $F^*=3$ су.
- 5) К + К + КС + КС (Grenzschichtdifferentiafgleichung, Wirbeltraglinientheorie) — 2 слова, $F^*=5$ су.

- 6) КС + КС + К + К (Wärmeleitungsflußvektor, Temperaturgeschwindigkeitsgrenzschicht) — 2 слова, $F^*=3$ су.
- 7) ПК + К + К + К (Hyperschallflugmachzahl, Anfangsrandwertproblem) — 2 слова, $F^*=6$ су.
- 8) К + К + К + ПК (Zweistoffgasgemisch) — 1 слово, $F^*=7$ су.
- 9) К + ПКС + К + К (Gleichgewichtsgrenzschicht) — 1 слово, $F^*=2$ су.
- 10) К + К + ПКС + К (Nichtgleichgewichtsfall) — 1 слово, $F^*=1$ су.
- 11) КС + К + К + КС (Flügelgrundrißebene) — 1 слово, $F^*=4$ су.
- 12) К + К + ПКС + ПК (Nichtgleichgewichtszustand) — 1 слово, $F^*=3$ су.
- 13) К + ПКС + КС + К (Gleichgewichtspartialdruck) — 1 слово, $F^*=1$ су.
- 14) ПК + К + К + КС (Hyperschallwindkanalmessung) — 1 слово, $F^*=1$ су.
- 15) К + КС + К + КС (Hochtemperaturgasdynamik) — 1 слово, $F^*=1$ су.
- 16) К + КС + КС + К (Oberflächenspannungsdruck) — 1 слово, $F^*=1$ су.
- 17) К + КС + КС + КС (Stromfunktionsdifferentialgleichung) — 1 слово, $F^*=1$ су.

Все четырехлексемные существительные представлены 34 словами в ЧС и 77 словоупотреблениями в текстах выборки. В списке существительных, извлеченных из ЧС, оказалось 165 стяжений типа Potential—und Imaginärteil. Их структура не может быть описана вышеуказанным способом, но они являются полилексемными словами, поэтому их количество и повторяемость в текстах выборки учитывались при сопоставлении продуктивности и частотности моно- и полилексемных существительных.

Итак, структура 4 494 проанализированных существительных соответствует 72 типам словообразовательной формы. Соотношение теоретически вычисленных и фактически реализованных типов словообразовательной формы представлено в таблице 1.

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что из общего количества теоретически вычисленных типов словообразовательной формы в структуре проанализированных существительных реализуется только 1/5. Одно-

Тип словообразовательной формы	Количество лексем в слове	Теоретически возможное количество типов словообразовательной формы	Количество типов словообразовательной формы, реализованное в ЧС	В % к теоретически возможному количеству типов словообразовательной формы
Моноксемный	1	4	4	100
Полилексемный	2	16	16	100
	3	64	35	54,7
	4	256	17	6,6

и двухлексемные существительные на 100% реализуют теоретически возможное количество типов словообразовательной формы. Трехлексемные имена ЧС реализуют чуть больше половины и четырехлексемные — лишь незначительную часть. Привлечение к анализу материала других подъязыков науки и техники, для которых характерно употребление многокомпонентных имен, позволит, очевидно, выявить большее количество комбинаций лексем К, ПК, КС, ПКС по три и по четыре в составе одного существительного. Но все 256 типов, теоретически возможных для четырехлексемных существительных, едва ли будут реализованы полностью, поскольку на сочетаемость лексем в многокомпонентных словах накладываются определенные структурные ограничения, связанные с количеством морфем в лексеме. Так, в 17 выделенных нами типах четырехлексемных слов комбинируются в основном структурно самый простой (одноморфемный) тип лексемы К и двухморфемные лексемы КС и ПК. По этой причине структурно самый сложный тип ПКС не был зарегистрирован дважды ни в одном четырехлексемном слове. Во всяком случае, четырехлексемное слово типа ПКС + ПКС + ПКС + ПКС возможно, по-видимому, только теоретически, так как оно будет слишком „тяжеловесным”. Более точные данные могут дать специальные исследования структуры многокомпонентных имен. Выявленные нами четыре типа комбинирования морфем в пределах лексемы и соответствующие им четыре типа моноксемных существительных, а также 68 типов комбинирования лексем в пределах одного

полилексемного слова отражают в исчислимом и конечном множестве символов непредельное и бесконечно большое количество реальных и потенциально возможных объектов реальной действительности⁷.

Материал полилексемных существительных ЧС позволяет также сопоставить продуктивность и частотность двух-, трех- и четырехлексемных существительных, сравнить их доли в общем количестве полилексемных существительных и их повторениях в текстах выборки (таблица 2).

Таблица 2

Типы полилексемных существительных	Количество разных слов данного типа в ЧС	В % к общему количеству полилексемных существительных	Накопленная абсолютная частота слов данного типа	В % к общему количеству словоупотреблений полилексемного типа
Двухлексемные существительные	2763	85,67	10370	89,65
Трехлексемные существительные	428	13,27	1120	9,68
Четырехлексемные существительные	34	1,05	77	0,66

Данные таблицы 2 демонстрируют явное преобладание двухлексемных существительных в общем количестве полилексемных имен в частотном словнике и в общем количестве словоупотреблений полилексемного типа в текстах выборки. Сравнение парадигматического и синтагматического удельных весов каждого типа (третий и пятый столбцы таблицы 2 показывают, что системная и текстовая активность двух-, трех- и четырехлексемных имен не одинакова. Двухлексемные имена более частотны, чем продуктивны, а трех- и четырехлексемные существительные, наоборот, проявляют большую системную, чем текстовую, активность. Данные второго столбца таблицы 2 позволяют вычислить общее количество лексем, реализованное в составе всех полилексемных существительных. Оно складывается из удвоенного коли-

чества двухлексемных слов (4426 лексем), утроенного количества трехлексемных слов (1 284 лексем) и четырехкратного количества четырехлексемных слов (136 лексем) и равно 6 946 лексемам. Суммирование этого количества и количества монолексемных слов (1 269 единиц), равного количеству реализуемых в их составе лексем, дает общее число лексем, функционирующих в составе всех существительных ЧС. Оно составляет 8 215 единиц.

Немаловажным является также сопоставление системной и текстовой активности моно- и полилексемных существительных. На широкое употребление словосложения в немецком научно-техническом стиле указывалось неоднократно⁸. Словосложение удовлетворяет потребность научного стиля в экономном, лаконичном изложении. Употребление одного слова вместо обширной многочленной цепи знаков приводит к столь важной для научного стиля концентрации информации („Informationsverdichtung“).

Высокая степень эллиптичности сложных слов соответствует в полной мере тенденции современного языка науки к „рационализованному сокращению“⁹, к возможно более полному ограничению избыточных языковых средств¹⁰. Однако несмотря на большое внимание к словосложению, в лингвистике почти отсутствует статистический анализ распространенности композитов в языке и речи на материале разных функциональных стилей. Насколько нам известно, был произведен лишь статистический анализ функционирования существительных (в том числе и сложных) в немецком стиле публицистики¹¹. Наш материал ЧС гидромеханики позволяет определить парадигматический и синтагматический удельный вес моно- и полилексемных существительных. Соответствующие данные приведены в таблице 3.

Таблица 3

Тип словообразовательной формы	Количество разных слов данного типа в ЧС гидромеханики	В % к общему количеству слов ЧС	Накопленная абсолютная частота слов данного типа	В % к общему количеству словоупотреблений
Монолексемный	1269	27,23	22419	65,2
Полилексемный	3390	72,77	11841	34,46

Из данных таблицы 3 видно, что полилексемные существительные доминируют в частотном словнике, где они были зарегистрированы в 2,6 раза чаще. Существительные монолексемного типа преобладают в текстах выборки, их текстовая активность почти в 2 раза выше, чем у полилексемных имен. Сопоставление накопленной относительной частоты (количество повторений относительно 150 000 словоупотреблений выборки) моно- и полилексемных существительных, составляющей 0,14946 и 0,07894, показывает, что имена монолексемного типа покрывают около 15% обследованных текстов, а полилексемные существительные 7,8%, т. е. в 2 раза меньше. Сравнение наших данных с данными статистического анализа немецких публицистических текстов (Р. И. Скорнякова) свидетельствует о том, что насыщенность композитами текстов по гидромеханике значительно выше: в текстах субъязыка гидромеханики полилексемным оказалось каждое третье существительное, в публицистических текстах — каждое четвертое. Поскольку субъязык гидромеханики манифестирует научно-технический функциональный стиль, можно предположить большую речевую активность композитов в текстах этого стиля по сравнению с публицистическими текстами.

*Статистические данные,
характеризующие реализацию лексем всех типов
в составе моно- и полилексемных существительных*

Обширный эмпирический материал существительных, извлеченных из ЧС гидромеханики, регистрация всех типов возможных сочетаний лексем в их составе, наличие статистических данных о продуктивности каждого типа позволяют выявить некоторые структурные закономерности сочетаемости лексем в составе существительных. Для решения этой задачи мы подсчитали по спискам словообразовательных типов, приведенных выше, сколько раз лексемы типов К, ПК, КС, ПКС реализуются в составе полилексемных существительных и какова доля каждого типа в общем количестве лексем композитов (6 946 единиц). Полученные результаты приведены в таблице 4 (второй и третий столбцы). Кроме того, чтобы иметь возможность сравнить участие каждого типа лек-

сем в составе моно- и полилексемных существительных, мы приводим в четвертом и пятом столбцах таблицы 4 количество монологемных слов соответствующих типов и их долю в общем количестве монологемных имен (1 269 единиц).

Т а б л и ц а 4

Тип лексем	Количество лексем данного типа, зарегистрированное в составе полилексемных существительных ЧС	В % к общему количеству лексем полилексемных существительных	Количество лексем данного типа, зарегистрированное в составе монологемных существительных ЧС	В % к общему количеству лексем монологемных существительных
КС	2967	42,7	519	40,89
К	2907	41,85	228	17,96
ПК	550	7,91	123	9,69
ПКС	522	7,5	399	31,44

Данные второго и третьего столбцов таблицы 4 свидетельствуют о том, что лексемы типов КС и К почти одинаково часто входят в состав композитов. В четыре раза реже зарегистрированы в составе полилексемных существительных лексемы типов ПК и ПКС. Небольшая доля лексем типа ПКС в составе композитов связана, очевидно, с его структурной сложностью, препятствующей одновременной реализации нескольких лексем такого вида в составе многокомпонентных имен, на что мы указывали выше. Незначительная доля лексем типа ПК в общем количестве лексем композитов обуславливается видом аффикса, поскольку не префиксация, а суффиксация преобладает в именном словообразовании.

Данные, приведенные в столбцах 2, 3 и 4, 5 дают возможность сравнить доли каждого из четырех типов лексем в составе моно- и полилексемных существительных. Доля структурно самого простого (одноморфемного) типа К в общем количестве лексем композитов в три раза выше, чем его доля в общем количестве монологемных слов. И наоборот, доля структурно самого сложного (трехморфемного) типа ПКС в общем количестве лексем композитов оказалась в четыре раза ниже, чем его доля в общем количестве монологемных слов. Доли

структурно равных (двухморфемных) типов ПК и КС в общем количестве лексем моно- и полилексемных существительных почти не отличаются: только тип КС чуть чаще входит в состав композитов, чем в состав монолексемных слов (разница составляет 1,82%), а доля типа ПК в общем количестве монолексемных слов на 1,8% выше его доли в общем количестве лексем композитов.

Наш материал позволяет также проверить, существуют ли определенные закономерности употребления лексем типов К, КС, ПКС, ПК в качестве определяющего и определяемого компонентов композитов. Для этой цели мы использовали все двухлексемные существительные ЧС гидромеханики (2 763 единицы) и подсчитали повторяемость лексем каждого типа в качестве первого и второго компонентов двухлексемных композитов. Полученные результаты содержатся в таблице 5.

Таблица 5

Тип лексем	Количество лексем данного типа, реализованных в качестве определяющего компонента в двухлексемных существительных ЧС	В % к общему количеству лексем, реализованных в качестве определяющего компонента	Количество лексем данного типа, реализованных в качестве определяемого компонента в двухлексемных существительных ЧС	В % к общему количеству лексем, реализованных в качестве определяемого компонента
КС	1158	41,9	1358	49,22
К	1215	44	875	31,7
ПК	256	9,27	208	7,53
ПКС	130	4,71	318	11,52

Сравнение данных второго и третьего столбцов таблицы 5 позволяет сделать вывод о том, что реализация определенного типа лексем в качестве определяющего компонента зависит от количества морфем в их составе, т. е. от их структурной сложности. По этой причине структурно самый простой тип К был зарегистрирован чаще, а структурно самый сложный тип ПКС, наоборот, реже других типов лексем на первом месте в составе

двухлексемных композитов. Реализация структурно равных типов КС и ПК в качестве определяющего компонента зависит от вида аффикса: доминирует суффиксальный тип КС, который зарегистрирован в 9 раз чаще, чем префиксальный тип ПК.

Данные четвертого и пятого столбцов таблицы 5 свидетельствуют о том, что реализация лексемы в качестве определяемого компонента композитов, зависит, в первую очередь, от вида аффиксальной морфемы в ее структуре. По этой причине „структурно-умеренный” тип лексем КС представляет почти половину всех лексем, зарегистрированных на втором месте в двухлексемных именных. Вторым по употребительности является структурно самый простой тип К. Среди лексем, имеющих в своем составе префикс (ПК и ПКС), предпочтительнее на втором месте в композите является префиксально-суффиксальный тип ПКС.

Итак, статистические данные реализации четырех возможных типов лексем в составе полилексемных существительных свидетельствуют о том, что сочетаемость лексем в составе немецких композитов регламентируется не только их семантикой, но и структурой (количеством морфем в их составе) и видом аффикса.

§ 2. Каталогизация и статистическая характеристика корневых морфем

Корневые морфемы (в отличие от префиксальных и суффиксальных) представляют собой открытое множество применительно к языку в целом. Класс корневых морфем открыт в том смысле, что зарегистрировать его полностью фактически невозможно в связи с численной необозримостью и подвижностью словарного состава живого языка¹. Однако на материале разных языков неоднократно предпринимались попытки каталогизации корневых морфем. Идея выявления единиц морфологического уровня принадлежит И. А. Бодуэну де Куртене², который впервые высказал мысль о составлении инвентаря корневых морфем. Создание исчерпывающих морфемных инвентарей языков выдвигалось в качестве одной из основных задач лингвистики и представителями дескриптивного направления³.

Первые инвентари корневых морфем немецкого языка были созданы как основы гнездовых словообразовательных словарей⁴. С этой же целью был создан и наиболее полный инвентарь корневых морфем современного немецкого языка⁵. Корневые морфемы в этих инвентарных списках были каталогизированы из различных лексиконов. Такие списки корневых морфем не пригодны для статистического анализа, поскольку они дают возможность судить лишь о продуктивности корневых морфем, об их удельном парадигматическом весе в системе языка, т. е. об их системной активности. Но не менее важным, на наш взгляд, является статистический анализ функционирования корневых морфем в речи (тексте). Данные об употребительности корневых морфем в речи, об их синтагматическом удельном весе, об их речевой функциональной активности могут быть получены путем каталогизации корневых морфем из словарей частотного словаря. Нами был предпринят опыт такой каталогизации набора всех корневых морфем, реализованных в составе существительных частотного словаря немецкого субъязыка гидромеханики. Для этой цели 4 659 существительных, извлеченных из ЧС субъязыка гидромеханики, были сегментированы на минимальные структурно-смысловые конститuenty. Все операции морфемного анализа: сегментация на морфы, проверка морфов на значимость и повторяемость, отождествление выделенных отрезков с подобными, установление границ семантического и формального варьирования речевых репрезентантов одной морфемы описаны нами ранее⁶.

Инвентарный список корневых морфем (К-морфем), функционирующих в составе 4 659 существительных, составил 1 005 единиц. Таким образом, общее количество корней оказалось в 4,6 раза меньшим, чем количество слов, из которых они были выделены. Все К-морфемы были занесены на карточки, где фиксировались однокорневые лексемы производных и сложных существительных, в составе которых они были зарегистрированы, с указанием частотности каждой лексемы. Суммирование данных частотности однокорневых лексем выявило абсолютную накопленную частоту употреблений каждой К-морфемы. Количественным выражением продуктивности К-морфемы является число однокорневых лексем, в которых она была зарегистрирована. 1 005 К-морфем

были зарегистрированы в составе 8 215 лексем. Это значит, что средняя продуктивность одной К-морфемы составляет 8,2 лексем. В текстах выборки 1 005 К-морфем были повторены 46 827 раз, т. е. средняя частотность одного корня равна 46. Анализ статистических характеристик инвентарного списка К-морфем показывает, что продуктивность и частотность К-морфем изменяется неравномерно. Так, продуктивность К-морфем колеблется от 250 однокорневых лексем у самого продуктивного корня „ström” до одной лексемы у последних 332 К-морфем инвентаря. То же самое относится к частотности. Если частотность самой употребительной К-морфемы (ею также оказалась К-морфема „ström”) составляет 1 967 повторений, то последние 212 К-морфем списка встретились в тексте лишь по одному разу.

Неравномерное изменение продуктивности и частотности, а также отчетливую границу между высокой продуктивностью и частотностью небольшого числа К-морфем, начинающих инвентарный список, и незначительной продуктивностью и частотностью остальных К-морфем иллюстрирует таблица 1.

Таблица 1

Количество К-морфем	Количество разных лексем с данными К-морфемами	В % к общему количеству лексем	Накопленная абсолютная частота лексем с данными К-морфемами	В % к общему количеству лексемопотреблений
первые 10 К-морфем	1167	16,3	8765	
первые 50 К-морфем	2886	40,39	22483	50
первые 100 К-морфем	4660	65,22	34131	76,13
первые 200 К-морфем	6012	84,75	40461	90,25
последние 805 К-морфем	2203	15,25	6366	9,75

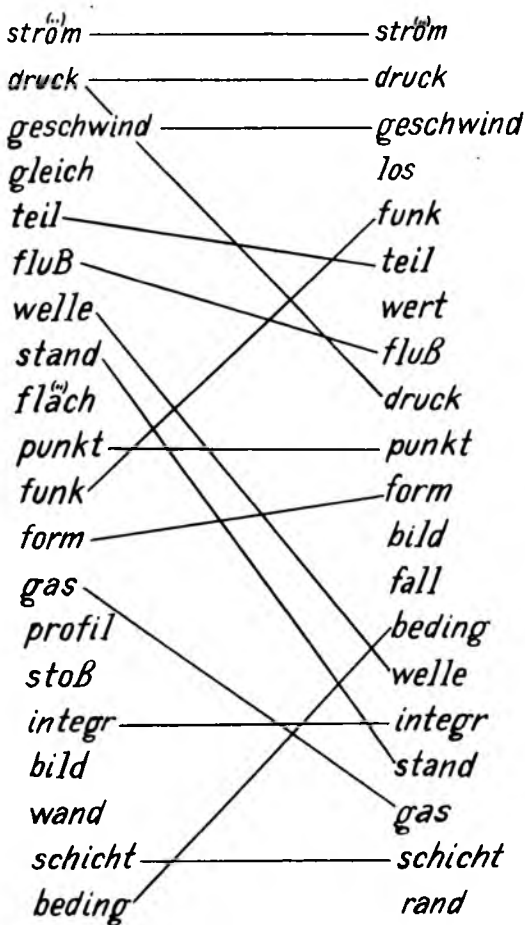
Данные таблицы свидетельствуют о том, что весь инвентарный список делится на две части: первые 200

К-морфем, которые можно отнести к продуктивным и частотным корням, и последние 805 К-морфем, которые можно назвать малопродуктивными и малоупотребительными. Об этом же свидетельствует сравнение средних показателей продуктивности и частотности первых 200 и последних 805 К-морфем. Эти величины составляют соответственно 30 лексем и 202 повторения для первой группы и 2,7 лексем и 8 повторений для второй группы.

Анализ данных таблицы I позволяет, кроме того, проследить, как меняются продуктивность и частотность у первых 200 К-морфем инвентарного списка. Первые 10 К-морфем инвентаря входят в состав 1/6 общего количества повторений лексем в текстах. Первые 50 К-морфем дают ровно половину повторений лексем в текстах выборки, а первые 100 К-морфем послужили базой 65% всех лексем существительных ЧС и 76% всех субстантивных лексемоупотреблений в текстах. Эти данные о необычайно высокой системной и речевой функциональной активности небольшого количества корневых морфем в составе существительных субъязыка гидромеханики полностью подтверждают наблюдения о том, что кажущееся бесконечным богатство немецкого языка обязано своим существованием неограниченной возможности образовывать производные и сложные слова с помощью ограниченного количества корней.

Данные таблицы I позволяют также предположить существование определенной связи между двумя статистическими характеристиками К-морфем: продуктивностью и частотностью. Соотношение между продуктивностью и частотностью является одной из частных, но интересных проблем словообразования, которая до сих пор остается невыясненной⁷. Для выявления зависимости между продуктивностью и употребительностью К-морфем мы сравним первые 20 наиболее частотных К-морфем нашего инвентаря, расположив их в порядке убывания продуктивности и частотности (см. рис.).

Рисунок наглядно демонстрирует значительную согласованность между системной и текстовой активностью сравниваемых К-морфем. Шесть К-морфем („strom“, „druck“, „punkt“, „geschwind“, „integr“, „schicht“) занимают одинаковые места в списке максимально продуктивных и в списке наиболее частотных К-морфем. В ряде случаев места К-морфем в списке продуктивных и час-

тотных корней не совпадают. Так, более продуктивными, чем частотными, оказались К-морфемы „druck”, „welle”, „stand”, „gas”, а у К-морфем „funk”, „fall”, „beding” частотность выше, чем продуктивность. Но несмотря на эти несоответствия между местами в списке продуктивных и частотных К-морфем, установленные для ряда корней, существует несомненная корреляция между двумя статистическими характеристиками К-морфем. Об этом свидетельствует следующее: из первых десяти самых продуктивных и частотных корней общими являются

семь К-морфем, т. е. 70%. Сравнение двадцати наиболее продуктивных и употребительных К-морфем выявляет шестнадцать общих обеим группам К-морфем, т. е. 80%. Факт существования взаимосвязи между продуктивностью и частотностью К-морфем подтверждают также данные изменения количественных показателей того и другого вида в группе первых 200 К-морфем инвентаря, приведенные в таблице 1.

Далее мы остановимся несколько подробнее на анализе первых десяти наиболее продуктивных и частотных К-морфем нашего инвентарного списка. Они приведены в таблице 2 с указанием их продуктивности в составе существительных ЧС субъязыка гидромеханики и накопленной абсолютной частоты в текстах выборки.

Таблица 2

№ п/п	К-морфема	Количество разных лексем с данной К-морфемой	Накопленная абсолютная частота лексем с данной К-морфемой
1	ström	250	1967
2	druck	140	645
3	geschwind	132	933
4	gleich	129	1686
5	teil	129	723
6	fließ	89	672
7	welle	83	496
8	stand	77	481
9	fläch	75	308
10	punkt	74	610
	Всего	1178	8521

Из данных четвертого столбца таблицы 2 видно, насколько велика повторяемость первых десяти К-морфем инвентаря в составе существительных в текстах выборки. Самая частотная К-морфема „ström” представлена в 22,4% всех повторений лексем этой группы. Анализ данных третьего столбца таблицы 2 свидетельствует о том, какие объёмные субстантивные гнезда объединяют вокруг себя эти десять К-морфем. Конечно, не все лексе-

мы такого субстантивного гнезда образованы непосредственно от К-морфемы. Но значение корневой морфемы является „стержневым”⁸, определяющим единство гнезда. Если К-морфема многозначна, то в гнезде, сформированном из однокорневых лексем существительных субъязыка, реализуется то её значение, которое определяется коммуникативно-информационными потребностями данной отрасли знания. Например, самая продуктивная в нашем инвентаре К-морфема „ström” употребляется во всех 250 однокорневых лексемах своего гнезда в значении „поток, течение”, поскольку гидромеханика есть теория течений жидкостей и газов. В субъязыке радиоэлектроники, по данным О. С. Омельчук⁹, в семействе, также сгруппированном вокруг корня „ström” и состоящем из 125 однокорневых слов, реализуется значение К-морфемы „ström” — „электрический ток”, соответствующее системе понятий данной тематической области.

Большая часть однокорневых лексем в зарегистрированных нами субстантивных гнездах входит в состав композитов. Из 250 лексем, образующих морфологическое окружение К-морфемы „ström”, лишь 13 (3,2%) входят в состав производных существительных, остальные 237 однокорневых лексем были зарегистрированы в составе композитов. К-морфема „ström” сочетается с двумя суффиксами (-ung, -en) и семью префиксами (an-, um-, ab-, zu-, aus-, durch-, ein-), образуя лексемы в производных существительных Stromung, Strömen, Anströmung, Umströmung, Zuströmung, Abströmung, Ausströmung. В составе композитов лексемы с К-морфемой „ström” 135 раз были зарегистрированы в качестве определяемого компонента, например, Potential-, Grund Grenzschicht-, Profil-, Parallel-, Außen-, Gas-, Standpunkt-, Spalt-, Ausweichströmung и 102 раза в качестве определяющего компонента, например, Strömungsebene, -geschwindigkeit, -gebiet, -größe, -form, -verhalten, -bedingung, -art, -dichte, -punkt, -faden, -stärke, -mechanik. Все 140 однокорневых лексем, сгруппированных вокруг корня „druck”, входят в состав композитов, где они были зарегистрированы 49 раз в качестве определяемого (Stau-, Atmosphären-, Wand-, Gesamt-, Potential-, Ruhe-, Umgebung-, Zuström-, Anfang-, Luft-, Minimal-, Stördruck) и 91 раз в качестве определяющего компонентов (Druckan-

derung, -gefälle, -sprung, -verhältnis, -feld, -gradient, -verlauf, -funktion, -anstieg, -abfall и другие).

Немецкие лингвисты¹⁰ выделяют при анализе словообразовательных особенностей терминосистем субъязыков „главные понятия” („Oberbegriffe” или „Begriffsleiter”), которые служат основой для образования многочисленных терминов определенной отрасли знания. Такие термины создаются в основном путем словосложения. Если такие „главные понятия” служат определяемым компонентом, то из родового понятия возникает множество видовых. Приведенные в таблице 8 максимально продуктивные и частотные К-морфемы и образуют, очевидно, основу для таких „главных понятий” субъязыка гидромеханики. О том, как главные родовые понятия разворачиваются в многочисленные видовые понятия, свидетельствуют следующие примеры, в которых наиболее частотные и продуктивные К-морфемы из группы первых десяти нашего инвентаря, входят в состав лексем, реализованных в качестве определяемого члена композита: Flüssigkeits-, Körper-, Lot-, Mantel-, End-, Grund-, Schall-, Wirbelfläche; Stau-, Zeit-, Mittel-, Umschlag-, Null-, Anström-, Ausgangs-, Fixpunkt; Real-, Gitter-, Massen-, Bestand-, Imaginär-, Unterschallteil; Kontinuitäts-, Relaxations-, Zustands-, Energie-, Grenzschichtgleichung; Gas-, Wärme-, Dampf-, Energiefluß.

Кроме того, именно наиболее продуктивные и частотные К-морфемы инвентаря служат базой для создания „емких” терминов, образованных путем наращивания нескольких компонентов „по ступенькам” или по так называемой „лестнице”¹¹. Schicht→Grenzschicht→Wellengrenzschicht→Stoßwellengrenzschicht; Geschwindigkeit→Schallgeschwindigkeit→Gleichgewichtsschallgeschwindigkeit; Düse→Windkanaldüse→Hyperschallwindkanaldüse; Strom→Wasserstrom→Flachwasserstrom; Druck→Dampfdruck→Tröpfchendampfdruck→Wassertröpfchendampfdruck.

Выделение наиболее продуктивного и употребительного ядра корневых морфем, реализованных в составе слов статистически обследованной отрасли знания, может быть использовано в методике преподавания иностранного языка.

Кроме того, результаты каталогизации корневых морфем и статистические данные о соотношении определен-

ной совокупности существительных, количества реализованных в их составе лексем, образованных при участии определенного корпуса корневых морфем, могут быть учтены при исследовании морфологической структуры имени существительного в современном немецком языке.

§ 3. Статистическое исследование категории определенности (неопределенности) немецких имен существительных (на материале публицистического, научного и художественного стилей)

Как всякая грамматическая категория, категория определенности-неопределенности может быть измерена, поскольку имя существительное употребляется в тексте с определенным артиклем, с неопределенным или без артикля. Возникает вопрос, чем же можно измерить эту категорию. Согласно теории Н. Д. Андреева¹, опорными элементами системы речи являются категориальная мера и вероятностный дифференциальный признак. Доля определенности в данной категории образует категориальную меру определенности. Если оппозиция является бинарной, то достаточно знать одну категориальную меру, вторая выводится путем вычитания первой категориальной меры из единицы.

Основываясь на теории о категориальных мерах, мы предлагаем ввести меру определенности (МОС) и меру неопределенности (МНС) существительного. Под МОС подразумевается величина, которая показывает отношение количества определенных существительных, т. е. существительных, употребленных с определенным детерминативом, к количеству всех существительных в тексте; под МНС — величина, показывающая отношение количества неопределенных существительных, т. е. существительных, употребленных с неопределенным детерминативом, к количеству всех существительных в тексте.

Из рассмотрения исключены те случаи, когда артикли употребляются при существительном одновременно с другими проводителями, такими, как прилагательное, причастие, числительное и т. д. Иначе говоря, мы рассматриваем категории определенности и неопределенности в их „чистом” виде².

Более сложными являются случаи, когда имя существительное употреблено без всяких проводителей. Эта довольно высокочастотная группа имен существительных не является однородной, ибо часть ее составляют имена существительные во множественном числе, употребленные в условиях, при которых в единственном числе должен был бы употребляться неопределенный артикль (так называемые случаи с „нулевым” артиклем)³. Эти случаи целиком и полностью укладываются в дихотомию определенность-неопределенность. В свою очередь остальные, не менее многочисленные случаи „опущения” артикля не укладываются в эту дихотомию, и их статус в теории О. И. Москальской об определенности и неопределенности остается невыясненным⁴.

Для исследования было взято пять типов текстов: публицистические (32 300 су), тексты по химии (38 000 су), математике (39 840 су), медицине (35 310 су), художественные (34 550 су). Из каждого типа текстов было проанализировано по 5 000 имен существительных (в совокупности 25 000 имен) на общем текстовом массиве в 1 800 000 словоупотреблений. Среди обследованных существительных зарегистрирован 21 вид детерминации существительного (см. табл. 1).

Наиболее частотными являются три случая: сочетание имени существительного только с определенным артиклем, только с неопределенным артиклем, употребление имени существительного без всяких проводителей. Последний случай в дальнейшем будет именоваться как нуль-детерминатива (не следует смешивать с нулевым артиклем).

При исследовании детерминативов важно рассмотреть, насколько категориальная мера определенности и неопределенности имен существительных, а также мера нуль-детерминатива может выступать в роли вероятностно-дифференциального признака (ВДП), различающего типы текстов, т. е. насколько эта категориальная мера обладает стилеразличительным свойством.

Прежде всего были получены исходные данные: частотность каждого из трех видов проводителей (АЧ), его независимая вероятность (НВ), условная вероятность (УВ) и коррелятивная функция (КФ). НВ каждого проводителя или категориальной меры определяется отношением частоты встречаемости данной категориаль-

Абсолютные частоты употребления имен существительных
с различными детерминативами в разных типах текстов

№ п./л	Вид детерминатива	Публицистика	Химия	Математика	Медицина	Худож. проза	Общ. текст. сумма
1	Определенный артикль	2009	1729	1649	1947	1787	9121
2	Неопределенный артикль	136	221	430	235	344	1366
3	Нуль-детерминатива	964	1308	754	1001	881	4908
4	Артикль + прилагательное	694	530	650	527	610	3011
5	Прилагательное	268	444	306	458	236	1712
6	Указательное местоимение	90	142	280	142	119	773
7	Притяжательное местоимение	163	53	60	119	392	787
8	Отрицательное местоимение	3	14	25	20	65	127
9	Неопред. местоимение	94	71	80	95	92	432
10	Относит. местоимение	8	15	13	13	11	60
11	Количеств. числит.	135	59	144	68	102	508
12	Поряд. числительн.	20	2	23	12	8	65
13	Причастие	42	127	79	81	55	384
14	Артикль + причаст.	140	174	237	145	104	800
15	Артикль + числительное	125	15	81	29	36	286
16	Собствен. существ. в родит. падеже	6	-	-	3	42	51
17	Местоим. + прилаг.	67	65	129	80	102	443
18	Артикль + местоим.	1	18	20	2	5	46
19	Местоим. + причаст.	19	4	6	18	6	53
20	Числит. + прилаг.	10	8	27	4	2	51
21	Местоим. + числит.	6	1	7	1	1	16
		5000	5000	5000	5000	5000	25000

Таблица 2
Величины независимой вероятности меры определенности,
меры неопределенности и нуль-детерминатива

Категориальная мера	АЧ	НВ
Определенность	9121	0,365
Неопределенность	1366	0,055
Нуль-детерминатива	4908	0,196

ной меры к общему числу случаев, т. е. 25 000 (см. табл. 2).

УВ вычисляем отношением частоты употребления категориальной меры в данном типе текстов к общему числу случаев, т. е. 5 000 (см. табл. 3).

Для каждого вида категориальной меры были вычислены значения КФ. Значения КФ для МОС составили: для публицистических текстов — 1,1; для текстов по химии — 0,95; математике — 0,90; медицине — 1,07; для художественных — 0,98.

Таблица 3

Величины условной вероятности меры определенности, меры неопределенности и нуль-детерминатива

Категориальная мера	Тип текста				
	публицистика	химия	математика	медицина	худ. проза
Определенность	0,402	0,346	0,329	0,389	0,357
Неопределенность	0,027	0,044	0,086	0,047	0,069
Нуль-детерминатива	0,193	0,262	0,151	0,200	0,175

Различия в этих значениях столь незначительны, что затрудняют распределение величин КФ по зонам специфичности. Другими словами, мера определенности, т. е. определенный артикль + существительное, в малой степени обладает стилеразличительным свойством. Исходя из этих значений, можно наблюдать большую определенность имен существительных в текстах по медицине и особенно в публицистических.

ДИВ для МОС взаимно пересекаются для всех типов текстов, кроме текстов по математике и публицистических. Из этого следует, что величина МОС может выступать в роли ВДП только для текстов по математике и публицистических, т. е. она не обладает большой диагностирующей силой. Достоверность полученных результатов колеблется от 87% до 91%, что считается вполне приемлемым для лингвистических исследований.

Аналогичная процедура осуществлена и для величины МНС. Значения КФ для МНС составили: для публицистических текстов — 0,50; для текстов по химии — 0,811; математике — 1,57; медицине — 0,86; для художественных — 1,25. Различия в этих значениях более

значительны, чем для МОС, и позволяют распределить величины КФ по зонам специфичности.

Прежде всего вычислим ДИВ общетекстовых значений КФ для МНС, который составит нейтральную зону.

$$=0,998, \quad =0,416 \quad =\frac{0,416}{2,24}, \quad =0,186$$

$$=0,372, \quad \text{ДИВ}=\quad \pm 2$$

$$\text{ДИВ}=0,998 \pm 0,372$$

$$\text{ДИВ}: 0,63:1,37$$

Нейтральную зону составляют значения КФ, превышающие 0,6 и не превышающие 1,4. В эту зону входят тексты по химии, медицине и художественные. В зону минус-специфичности входят публицистические тексты. Зону плюс-специфичности составляют тексты по математике.

Если значения КФ для МОС практически не отличаются друг от друга (разница между максимальным и минимальным значениями составила 0,2), то значения КФ для МНС показывают более резкие различия (1,1). Это дает основание полагать, что МОС является характеристикой общетекстовой и не обладает стилеразличительным свойством или обладает им в незначительной степени. МНС, являясь субъязыковой характеристикой, в большей мере характеризует отдельные типы текстов, жанры, стили.

По характеру ДИВ рассмотренные типы текстов довольно четко делятся на три группы с пересекающимися ДИВ (незначительным пересечением ДИВ текстов по химии и публицистических можно пренебречь). Одну группу образуют публицистические тексты, вторую — тексты по химии и медицине, третью — художественные и тексты по математике. Таким образом, величина МНС может служить в роли ВДП, отличающего публицистические тексты от остальных рассмотренных типов, тексты по химии и медицине — от публицистических, художественных и текстов по математике, художественные и тексты по математике — от публицистических (см. табл. 4).

**Мера неопределенности существительного в роли
вероятностно-дифференциального признака**

Тип текста	Публицистика	Химия	Медицина	Худ. проза	Математика
Публицистика	0	+	+	+	+
Химия	+	0	—	+	+
Медицина	+	—	0	+	+
Худ. проза	+	+	+	0	—
Математика	+	+	+	—	0

По данному параметру (ВДП) величина МНС является также, скорее, субъязыковой характеристикой, диагностирующей отдельные типы текстов, жанры, стили, а величина МОС — общетекстовой. Значения КФ для нуль-детерминатива составили: для публицистических текстов — 0,98; для текстов по химии — 1,34; математике — 0,77; медицине — 1,02; для художественных — 0,90.

Вычисленный ДИВ значений КФ определил нейтральную зону.

$$= 1,002, \quad = 0,211, \quad = \frac{0,211}{2,24}, \quad = 0,094,$$

$$= 0,188, \quad \text{ДИВ} = \pm 2, \quad \text{ДИВ} = 1,002 \pm 0,188,$$

$$\text{ДИВ: } 0,81 \div 1,19$$

В нейтральную зону входят художественные тексты, публицистические и тексты по медицине. К зоне минус-специфичности относятся тексты по математике. К зоне плюс-специфичности — тексты по химии.

Четкая граница намечается между текстами по математике и химии и, несмотря на незначительное пересечение ДИВ, между текстами по химии и художественными. Таким образом, мера нуль-детерминатива может служить в роли ВДП, отличающего тексты по химии от математических и художественных.

При рассмотрении меры определенности и меры неопределенности имени существительного представляется немаловажным определение степени преобладания одной из них. В пяти исследуемых типах текстов доля опреде-

ленных детерминативов, т. е. мера определенности, составила 0,87, а доля неопределенных детерминативов — 0,13.

Мы получили бинарную оппозицию МОС—МНС. Отношение значения МОС к МНС показывает, в какой степени одна из этих категорий преобладает над другой. Назовем эту величину коэффициентом определенности (КО). Высокий коэффициент определенности отражает высокую степень преобладания меры определенности над мерой неопределенности, что может происходить за счет высокой специфичности употребления определенных детерминативов либо за счет низкой специфичности употребления неопределенных детерминативов, либо за счет обоих факторов. В данном случае КО оказался

равным $\frac{0,87}{0,13}$, т. е. 6,7.

Является ли КО общетекстовой или субъязыковой характеристикой? Чтобы ответить на этот вопрос, следует определить КО для каждого из пяти типов текстов (см. табл. 5).

Таблица 5

Показатели меры определенности, меры неопределенности и коэффициента определенности в различных типах текстов

Тип текста	МОС	МНС	КО
Публицистика	0,94	0,06	15,7
Химия	0,89	0,11	8,1
Математика	0,79	0,21	3,8
Медицина	0,89	0,11	8,1
Худ. проза	0,84	0,16	5,25

Максимальным значением КО обладают публицистические тексты, где значение КО более чем в два раза превышает общетекстовое (6,7). Максимальным значением КО обладают тексты по математике, где значение КО в 1,8 раза меньше общетекстового. Эти типы текстов проявляют специфичность по данному параметру. Наиболее нейтральны в отношении КО тексты по химии и медицине и в меньшей степени художественные. Их значения КО не отличаются от общетекстового более чем в 1,5 раза. Введенный нами новый параметр — коэффициент определенности — обладает определенной стилераз-

личительной силой, причем степень ее для разных типов текстов неодинакова.

Таким образом, введенный параметр КО диагностирует публицистические тексты, тексты по истории, биологии (высокое значение КО), математике и драматического жанра (низкое значение КО). Коэффициент определенности является существенным показателем, характеризующим субъязыковые различия.

Понятие коэффициента определенности пересекается с понятиями „сильной неопределенности” и „слабой неопределенности”, а также „условиями определенности”, введенными И. И. Ревзиным⁵.

Различия заключаются в двух факторах. И. И. Ревзин определяет „условия сильной и слабой неопределенности”, используя только языковые параметры (безличный оборот *es gibt*, один из типов предикатива, где связка *sein* имеет значение логической операции включения, оборот с глаголом *haben*; случай, где можно вставить указательное местоимение *solch*, и параллельные ситуации, когда можно встретить случаи определенного артикля). Аналогичным путем автор трактует и „условия определенности” (предмет, единственно возможный в данной ситуации, существительные с такими отделениями, которые нельзя ни предварить словом *solch*, ни трансформировать в отдельные предложения, отделяемые паузой от всего предложения, сохраняя смысл и семантическую связность целого). При этом автор не обращается к подъязыковым характеристикам. В нашей работе, напротив, коэффициент определенности характеризует отдельные типы текстов, т. е. используется как субъязыковая характеристика.

Второе различие состоит в том, что категория „сильной и слабой неопределенности”, а также „определенности” носит у И. И. Ревзина описательный характер. Автор дает глубокое лингвистическое обоснование „условиям сильной и слабой неопределенности”, но не дает точного цифрового выражения для этой категории.

Введенный нами коэффициент определенности имеет четкое цифровое выражение. Для определения меры определенности существительного нам не нужно в каждом отдельном случае проводить лингвистический анализ, а достаточно сравнить значение КО данного явления со значением КО общетекстовым, уже вычисленным и известным.

Итак, сочетание имени существительного с определенным артиклем является наиболее частотной структурой существительного с детерминативом. Оно равномерно распределено в разных типах текстов и поэтому является языковой характеристикой.

Мера определенности существительного не обладает большой диагностирующей силой, выступая в роли ВДП только для публицистических текстов и текстов по математике.

Сочетание существительного с неопределенным артиклем является менее частотной структурой сочетания существительного с детерминативом. Оно неравномерно распределено в разных типах текстов и поэтому является субъязыковой характеристикой.

Мера неопределенности существительного в большей степени обладает диагностирующей силой, четко разделяя тексты на три группы: публицистические; тексты по химии и медицине; художественные и тексты по математике. Мера определенности выступает в роли ВДП, различающего эти три группы текстов. Специфичность преобладания меры определенности над мерой неопределенности показывает значение коэффициента определенности.

Субъязыковые характеристики по коэффициенту определенности распределены неравномерно и в отдельных случаях значительно отклоняются от общетекстового значения. Следовательно, коэффициент определенности является характеристикой. Высокое значение коэффициента определенности, т. е. относительно высокое значение меры определенности и относительно низкое значение меры неопределенности, проявляют публицистические тексты, тексты по истории и биологии. Низкое значение коэффициента определенности, т. е. относительно низкое значение меры определенности и относительно высокое значение меры неопределенности, демонстрируют тексты по математике и тексты драматического жанра.

ГЛАВА III. ВОПРОСЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ

§ 1. Основы концепции фразеологической интернационализации (на материале языков славянской, германской и романской групп)

1. При наличии солидной истории исследования интернациональной лексики, глубокой изученности проблем лексической интернационализации (В. В. Акуленко, А. М. Бабкин, А. А. Белецкий, Ю. А. Бельчиков, М. М. Маковский, Ю. С. Сорокин, О. Б. Шахрай, Е. Вюстер, О. Есперсен, М. Фогарази) вопросы интернационализации фразеологии остаются слабо разработанными. В большой степени существование отмеченного пробела объясняется объективными сложностями дать развернутую и обобщающую характеристику фразеологических конвергенций разных в генетическом и типологическом отношении языков, сложностью параллельного охвата огромного неоднородного языкового материала, трудностями разработки оптимального методологического подхода, согласующегося со спецификой объекта исследования и позволившего бы установление наиболее существенных и глубинных сходств, определение их причинной обусловленности.

Цель работы заключалась в изучении многообразных процессов и явлений независимого становления сходных или близких в структурно-типологическом отношении устойчивых словосочетаний (УС) в совокупности с различными формами фразеологической миграции как основных путей фразеологической интернационализации¹.

Изучение фразеологических интернационализмов (ФИ) проводилось на материале языков славянской, германской и романской групп (преимущественно русского, болгарского, сербскохорватского, чешского, английского, немецкого, шведского, французского, итальянского, испанского, румынского, латинского).

Предпринят комплексный подход к изучению интернациональной фразеологии, основанный на применении синхронно-сопоставительного, структурно-типологического, сопоставительно-исторического, лингвогеографического методов, сопоставительного историко-этимологического

го анализа, а также на использовании разработанной нами поэтапной процедуры идентификации. Материальной базой исследования явилась картотека, отражающая около 50 тысяч интернационализмов, созданная, главным образом, на основе лексикографических источников.

Основываясь на проведенном разграничении языкового равенства², определении фразеологических эквивалентов и учитывая значимость показателей степени их эквивалентности, выделяем разновидности эквивалентных и неэквивалентных соответствий, служащих базой для установления ФИ. Предлагается следующая классификация типов фразеологических интернационализмов:

1) Интернационализмы с наибольшим объемом однородного фонографического (звукового и графического) сходства (материально и семантически отождествляемые интернационализмы); например, следующие латинские выражения, ставшие принадлежностью русского, болгарского, английского, немецкого, французского и целого ряда других европейских языков: *ex officio*, *raga avis*, *sine ira et studio*, *argumentum ad hominem*.

2) Интернационализмы с неоднородным частичным фонографическим (звуковым и/или графическим) сходством (материально и семантически отождествляемые интернационализмы); например: рус. „гордиев узел” — болг. „гордиев възел” — чеш. *gordický uzel* — англ. *the Gordian knot* — швед. *gordisk knut* — ит. *podo gordiano* — рум. *nodul gordian*.

3) Интернациональные структурно-графические оппозиции (материально и семантически отождествляемые интернационализмы); например: рус. „бонтон” — болг. „бонтон” — чеш. *bonton* — англ. *bon-ton* — нем. *Bonton* — рум. *bonton* — фр. *bon ton*.

4) Изоморфические интернационализмы (только лексико-семантическое, стилистическое или/и структурно-грамматическое отождествление); например: рус. „между двух огней” — чеш. *mezi dvěma ohni* — англ. *between two fires* — швед. *mellan två eldar*; рус. „из первых рук” — серб.хорв. „из прве руке” — англ. *at first hand* — исп. *de primera mano*; англ. *a play on words* — нем. *Wortspiel* — швед. *ordlek* — рум. *joc de cuvinte*.

5) Формальные интернационализмы (только внешнее отождествление); например: рус. „золотые слова” (верное, справедливое высказывание), нем. *goldene Wor-*

te (напутственные слова); рус. „делать большие глаза” (выражать крайнее удивление, недоумение), фр. faire les gros yeux (строго смотреть, бросать сердитые, недовольные взгляды).

6) Потенциальные интернационализмы (логико-семантическое отождествление); например: рус. „либо пан, либо пропал” — англ. neck or nothing — исп. o César o nada; рус. „с волками жить, по-волчьи выть” — англ. when you go through the country of the one-eyed be one-eyed.

7) Промежуточные типы интернационализмов; например: англ. on the qui vive — нем. auf dem Quivive sein — фр. sur le qui-vive; рус. „быть в ажуре” — нем. à jour sein — фр. être à jour.

Выделенные типы ФИ являют собой формы межъязыковой фразеологической общности, складывающейся под действием лингвистических и экстралингвистических универсалий, как результат генетического языкового единства, языковых, культурно-исторических контактов, особенностей языкового развития. Ниже дается общее количественное распределение анализируемого материала (см. табл. 1).

Отождествление интернациональной фразеологии представляется поэтапной, преимущественно синхронической процедурой, основывающейся на учете неодинакового проявления и соотношения сходств и различий у существующих типов межъязыковой фразеологической общности.

2. Фразеология представляет собой лингвистическую универсалию. В определенной степени универсальны и основные, присущие фразеологии категории, свойства, процессы и т. д., предопределяющие независимое возникновение фразеологических параллелей (ФП) в разных языках.

Одинаковое переосмысление аналогичных переменных словосочетаний наступает по линии отдельного или совокупного метафорического (64,1%), метонимического (22,5%) переноса и образного сравнения (13,4%). Во многом универсальными оказываются эвфемистические замены, порождаемые разного рода табу. Интернациональные эвфемистические замены касаются самых разных, но прежде всего наиболее частных, интимных сторон жизни человека. Материал показывает, что свя-

Данные об удельном весе интернационализмов основных типов и количественная оценка способов интернационализации

Типы интернационализмов Характер величин	Интернационализмы с наибольшим объёмом однородного фонографического сходства	Интернационализмы с неоднородным частичным фонографическим сходством	Интернациональные структурно-графические оппозиции	Изоморфические интернационализмы	Потенциальные интернационализмы	Формальные интернационализмы	Всего	
Абсолютные величины	3476	1518	892	42735	407	792	49820	
Проценты	6,97	3,04	1,79	85,77	0,81	1,58	100	
Способы интернационализации Характер величин	Независимое развитие межязыкового фразеологического параллелизма	Лингвомиграционные явления						
		Заемствование в иноязычной форме	Заемствование в своеязычной форме					
			Межязыковое опрошение	Кальки	Библеизмы	Мифологизмы	СФЗ	Всего
Абсолютные величины	37224	3528	927	4092	2365	968	803	49907
Проценты	74,58	7,06	1,85	8,19	4,73	1,93	1,60	100

Условное сокращение: СФЗ — семантическое фразеологическое заимствование.

занные с основными типами переносов расширение и сужение, абстрагирование и конкретизация значений и некоторые другие семантические явления в сфере фразеологии представляют собой универсалии в пределах привлекаемых языков. Универсализм основных форм семантических преобразований определяется общечеловеческим характером логико-мыслительных операций и типовых ассоциаций, связанных с выявлением различных видов сходств, отношений, функций, их замен, комбинаций и др., присущих или не присущих внеязыковой действительности, мыслимых как реальные или ирреальные. Это может обуславливать параллелизм фразеологических единиц (ФЕ), основанных не только на реальном и логичном, но также на ирреальном и алогичном.

Наряду с синхронически мотивированными ФП имеются интернационализмы, утратившие внутреннюю форму. Они составляют незначительную часть (около 5%) от общего числа независимо возникших параллелей. В отдельных случаях утрата мотивировки стимулирует дальнейшее индивидуальное развитие ФП в системах разных языков, обуславливая семантическую разобщенность, ослабление интернациональных отношений.

Велика роль грамматической десемантизации в универсализации фразообразования славянских, германских и романских языков. Те или иные проявления рассматриваемой десемантизации могут ограничиваться определенными языками. Так, например, тип УС с именем деятеля характеризуется широким параллелизмом в итальянском, испанском и особенно в английском и французском языках. Частично расширение интернационального фразеологического фонда определяется универсальностью деривационных возможностей ФЕ, прежде всего коммуникативных.

Определенный универсализм в сфере фразеологии присущ как плану содержания, так и плану выражения (в частности, универсальность основных лексико-грамматических разрядов и семантических типов ФЕ, наличие целого ряда общих структурно-грамматических моделей, принципиальное сходство характера связей и отношений большинства ФЕ со словом в синтагматическом ряду) и раскрывается при сопоставительном изучении фразеологических фактов в основных типах языковых отношений. Диахронический анализ синтагматических связей пока-

зывает сложность и многообразие путей их формирования и развития. Из-за изменений сочетаемости ФЕ в процессе речевого употребления отношения интернациональности нередко нарушаются, а отдельные интернациональные звенья и вовсе исчезают, что является одним из свидетельств отсутствия прямолинейности конвергентного развития фразеологии.

Способность соотносительных элементов одинаково сочетаться в разных языках объясняется не только совпадением определенных языковых свойств, но и известной общностью внеязыкового порядка. Ср., например, ряд: рус. „вешать голову” — болг. „кљумна глава” — чеш. *svěsit hlavu* — англ. *hang* (или *hang down*) *one's head* — нем. *den Kopf hängen lassen* — швед. *hänga med huvudet* — фр. *baisser la tête* — ит. *chinare il capo* — исп. *agachar la cabeza* — рум. *cu capul plecat* (или *lăsat în jos*). Здесь находят свое отражение и лингвистические универсалии (наличие в языках антитезы имени и глагола, способность глагола сочетаться с существительным), и внеязыковые общечеловеческие (биологические, психофизиологические — наличие головы как части тела человека, специфическое движение головой, передающее определенное психическое состояние человека). В сущности вопрос о сочетаемом параллелизме в подобных случаях сливается с вопросом об этимолого-генетических корнях фразеологического параллелизма.

Нами выявлены лексические пласты, наиболее обильные интернациональной фразеологией, в пределах которых существуют продуктивные фразообразующие слова, часто оказывающиеся семантическими стержнями. На их базе, как правило, группируются интернациональные фразеологические гнезда.

Изучение этимолого-генетических корней независимо-го развития межъязыкового фразеологического параллелизма дало возможность проследить связь образов ФП с самыми разными сферами материально-культурной и общественно-экономической жизни народов, их историей, с проявлением психофизиологической деятельности человека, явлениями живой и неживой природы. Значительная общность этих сфер составляет стимулирующую основу интернационализации фразеологии, помогает разноязычным народам достигнуть одинаковых или близких логико-образных и логико-фразеологических идей.

Материал показывает, что возникновение сходных

образований в разных языках может обуславливаться одинаковостью осознания не только тождественных или близких по форме явлений действительности, но и специфических, свойственных лишь окружению данного народа. Происходит организация экстралингвистического опыта через призму логического, психологического и языкового аппаратов. Противоречия, возникающие между универсальностью, интернациональностью логики, психологии и языковой национальностью, разрешаются возникновением форм, содержание которых имеет общечеловеческий характер. При этом, конечно, аналогичные схемы лингвистических построений в разных языках далеко не всегда получают тождественное конкретно-образное наполнение. Такого рода межъязыковые фразеологические соответствия составляют, по нашему определению, тип потенциальных интернационализмов.

Универсализация содержания и схем (структур) таких языковых единиц, как пословицы и поговорки, строящихся на отражении пестрого многообразия внеязыковой действительности, особенно заметно происходит под упорядочивающим действием форм мышления, высшим проявлением которых являются законы диалектики. Однако данное упорядочение не следует понимать упрощенно, как процесс механического сообщения языковому материалу логических форм (форм мышления), так как и развитие языка, имеющее определенную автономность, совершенствует мышление, которое, так же как и язык, в конечном итоге является производным от объективной действительности, порождающей между ними сложный узел прямых и опосредствованных взаимодействий. Следует подчеркнуть, что поскольку законами диалектики не исчерпывается многообразие всех объективных законов (существуют частные и общие законы, которые не сводятся ко всеобщим законам диалектики, но в них проявляются всеобщие законы), диалектические законы являются лишь одним из факторов, способствующих развитию языкового параллелизма. Само же отражение этих законов в коммуникативных фразеологических единицах (КФЕ) является специфичным, имеет относительный характер, выражающийся как в том, что данный закон может не полностью или чрезвычайно схематично проявляться в ФЕ, так и в том, что один и тот же фразеологизм может соотноситься более чем с одним законом.

Приведение к общему логическому содержанию, значению и соотносительной форме известной части КФЕ диктуется не только отношением вещей окружающей действительности и лингвистическими универсалиями, но и в определенной степени действием субъективной диалектики. В целом развитие в духовной сфере человеческой деятельности подчиняется законам, действующим независимо от воли и знания о них человека, и которые в этом смысле являются объективными. Основная масса КФЕ, стихийно складываясь, принимала одинаковое или близкое логическое содержание без сознательного учета законов диалектики человеком в процессе его познавательной деятельности.

Общее количество анализируемых КФЕ составило 3 850 единиц (приблизительно 350 паремий в каждом языке, имеющих интернациональные связи). Квантитативное распределение оборотов по законам и категориям диалектики следующее: КФЕ и закон единства и борьбы противоположностей (501); КФЕ и закон отрицания отрицания (127); КФЕ и закон перехода количественных изменений в качественные и обратно (453); КФЕ, единичное и общее (901); КФЕ, причина и следствие (371); КФЕ, необходимость и случайность (99); КФЕ, возможность и действительность (740); КФЕ, содержание и форма (360); КФЕ, сущность и явление (298).

Выявляется определенное противоречие между большей значимостью, универсальностью основных законов по сравнению с парными категориями диалектики и шкалой их фразеологичности. Так, высокофразеологичными являются не только основные законы (среди них выделяются два — закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количественных изменений в качественные и обратно), но и парные категории (единичное и общее, возможность и действительность, причина и следствие). А наиболее действенным в плане развития межъязыкового параллелизма КФЕ оказывается проявление категорий единичного и общего, в то время как один из основных законов — закон отрицания отрицания — занимает одно из последних мест на рассматриваемой шкале наряду с низкофразеологичными категориями необходимости и случайности. Отмеченное несоответствие объясняется, по-видимому, большей способностью (легкостью) воплощения более простых логичес-

ких форм в языковой материи. Следует отметить также меньшую определенность, конкретность отражения основных законов диалектики в КФЕ, что вызывает трудности их установления. Особенно это относится к закону отрицания отрицания, обнаруживаемому, как правило, не только на длительном временном, но и пространственном (линейном) промежутке.

Исследование универсальных явлений во фразеологии существенно для изучения перспектив фразеологической интернационализации и возможностей регулирования рассматриваемых процессов. Мнение о случайном и непредсказуемом характере возникновения большинства ФЕ может сложиться при изучении фразеологических материалов на базе одного языка. Изучение процессов интернационализации фразеологии, особенно по линии независимого развития межъязыкового параллелизма, позволяет говорить не только о „случайности” возникновения ФЕ, которая, как правило, препятствует фразеологическому сближению, но и о закономерности, определенной предсказуемости их образования. Наибольшие возможности предсказуемости развития фразеологического параллелизма открываются в областях лексико-тематического и тематико-семантического конструирования.

3. Изучение лексического состава изоморфических интернационализмов позволило выявить наиболее распространенные виды лексических расхождений. Эти расхождения вызываются неодинаковой традицией употребления слов в качестве компонентов ФЕ, различиями в семантическом объеме лексических единиц, разницей синонимических отношений и синонимических потенциалов, несовпадением проявления межъязыковой избыточности и экономии фразеологического образа, спецификой номинации.

Исследованием установлена неодинаковая значимость различных причин с точки зрения объема вызываемых ими расхождений. Наиболее действенными в этом отношении оказываются неодинаковая продуктивность лексем в образовании ФЕ и синонимические различия. Они обуславливают наибольший объем расхождений и являются главным тормозом на пути интернационализации фразеологии.

В плане влияния грамматических расхождений на качество интернациональности фразеологических параллеле-

лей и их отождествляемость наиболее существенными оказываются структурно-грамматические различия, связанные с особенностями синтаксиса рассматриваемых языков. Однако некоторые морфологические особенности также могут вести к значительным структурным расхождениям. А такая особенность, как высокая продуктивность словосложения в немецком и шведском языках, часто порождает даже полные структурно-грамматические расхождения. В общей массе морфологические расхождения практически не снижают качества интернациональности и не мешают идентификации изоморфических интернационализмов.

Частичные семантические расхождения рассматриваемых интернационализмов в конечном итоге определяются неоднородностью окружения их функционирования, взаимодействие с которым ведет к особенностям организации и перестройки смысловой структуры. Семантическое развитие ФЕ может сопровождаться лексическими изменениями, изменениями дистрибуции, отражающими приспособление оборотов к данному окружению. Подобного рода преобразования, даже при наличии аналогичного окружения, также неодинаковы у ФП разных языков, что препятствует не только семантическому, но и лексико-грамматическому выравниванию. В высшей степени существенную роль в семантическом развитии ФЕ играет исходный лексико-семантический и грамматический потенциал, изучение специфики которого проливает свет на многие семантические расхождения изоморфических интернационализмов, раскрывает причины, их обуславливающие.

Расхождения многозначных налагаемых изоморфических интернационализмов отчасти связываются с привнесением в их семантику из эквивалентных словосочетаний индивидуально переосмысленной информации, утверждение которой в качестве самостоятельного значения происходит при взаимодействии с готовым семантическим результатом ФЕ. Отношения между семантикой ФЕ и нарождающимся значением материально тождественного свободного словосочетания могут быть сравнены с процессом семантического заимствования, при котором окружение играет косвенную роль.

Стилистические расхождения изоморфических интернационализмов в отдельных случаях определяются нали-

чем в их составе слов-компонентов, принадлежащих в свободном употреблении к разным речевым сферам. Специфическая стилистическая направленность может складываться в процессе метафорического переосмысления в разных языках соотносительных исходных переменных словосочетаний. Систематизация выявленных расхождений, определение факторов, их предопределяющих, позволяют прогнозировать основные линии возможного индивидуального развития изоморфических интернационализмов.

Формальные интернационализмы представляют собой качественно отличные образования в общем корпусе интернациональной фразеологии. Особенность их положения обуславливается отсутствием семантического равенства. В данном случае соотносительность проявляется лишь по линии параллелизма формы. Наряду с лексическим и структурно-грамматическим совпадением возможно частичное звуковое и графическое сходство. Однако последнее в силу своей нерегулярности, особенно в области неродственных языков, не является, как и в случае с изоморфическими интернационализмами, постоянным признаком определения формальных интернационализмов.

Возникновение в языках формальных интернационализмов преимущественно имеет закономерный характер и объясняется отдельным или совокупным действием определенных лингвистических и внеязыковых факторов, главные разновидности которых установлены в работе. Уникальный семантический результат наступает особенно часто в случаях разнотипности позиционно-грамматических связей; противопоставления по способности сочетаться с лицом или не с лицом; несовпадения слов-спутников, сопровождающих ФП в разных языках; развития семантики параллелей в направлении, подсказанном несовпадающим значением их соотносительных слов-компонентов; расхождения в ассоциативной связи между определенными значениями; неодинаковой символики образа и др. Возможно также случайное развитие межъязыкового формального фразеологического параллелизма.

Фактический материал показал, что данная группа интернационализмов многочисленна и явление формальной фразеологической интернациональности следует рассматривать как фразеологическую универсалию. Между

крайними полюсами изоморфических и формальных интернационализмов, с одной стороны, между формальными интернационализмами и неинтернациональными ФЕ, с другой, существуют многочисленные промежуточные типы, характеризующиеся соответственно определенными семантическими и формальными показателями переходной неоднородности.

4. При рассмотрении интернационализмов с наибольшим объемом однородного фонографического сходства мы опирались на работы А. М. Бабкина (1968, 1970) и Л. А. Пономаренко (1976). Использовался разработанный А. М. Бабкиным динамический подход к анализу иноязычных выражений, а также сделанный упомянутыми специалистами важный вывод о необходимости осмысления многих нетранслитерированных УС как фактов языка-рецептора.

С самого начала устанавливаются предпосылки, источники и временные этапы проникновения интернациональных иноязычных УС, изучаются последствия сдвига в распределении центров-истоков миграции, раскрывается значение, которое будут играть в перспективе в языковом сближении фразеомиграционные процессы, сопряженные с материальной трансмиссией и др. Утверждается, что роль стилистического фактора в удержании воспринятых иноязычных оборотов (как интернациональных, так и единичных) и в дальнейшем пополнении ими языковых фондов уже сейчас становится главной, а в будущем, несомненно, явится решающей.

Далее дается лексическая, структурно-грамматическая, семантическая, стилистическая и количественная характеристика интернациональных иноязычных выражений, устанавливаются закономерности их преобразования на почве языков-рецепторов, раскрываются фразеобразовательная активность и роль нетранслитерированных оборотов в процессах фразеологического развития.

Имеющийся в нашем распоряжении материал русского, болгарского, английского, немецкого и французского языков-рецепторов показал, что формы преобразования оборотов, заимствованных в оригинальной оболочке, чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Установлены закономерные расхождения в письменной фиксации, вызванные особенностями графики, орфографии и фонетики соответствующих языков. Расширение межъязыко-

вой общности наступает в результате калькирования, транслитерации, особенно заметной в языках с разной графической системой, таких лексических и грамматических преобразований, как редукция, обособление части компонентного состава, сопровождающегося семантическими изменениями, формирования новых единиц по аналогии, парафразирования, элиминирования или появления вариантов, создания аббревиатур, логограмм и др. Натурализация параллелей-заимствований в языках-рецепторах ведет к снижению степени их интернациональности.

Отдельные перестройки значительно модифицируют первоначальный облик выражений, превращают заимствования в фактически новые единицы, характеризующиеся определенной материальной и/или семантической самостоятельностью, хотя не утрачивающие полностью связь с базовыми выражениями, способные вызывать по ассоциации представление о породивших их источниках. Случаи создания дериватов на основе интернациональных собственно заимствований (термин Л. А. Пономаренко) многочисленны. •

Выявленные изменения часто имеют двоякое действие: обусловливаемое ими нарушение тождества, снижение степени интернациональности заимствований, ставших достоянием целого ряда языков, могут сопровождаться расширением интернациональной первоосновы за счет вторичных новообразований, вызываемых этими же изменениями. Наблюдаемая широкая аналогия в отношении типов изменений заимствований часто находит в заимствующих языках конкретное проявление.

Сопоставительно-исторический семантический анализ проводился с учетом особенностей источников интернационализмов, имеющих преимущественно латинское происхождение. Выявленные источники классифицируются в следующие типы: 1) переменные словосочетания как части текста, раскрывающие смысл возникших на их основе устойчивых словесных комплексов; 2) латинские фразеологизмы, употреблявшиеся во времена античности в произведениях древнеримских и древнегреческих авторов, а также возникшие в значительно более поздние исторические периоды как прототипы выражений, ставших впоследствии международными; 3) словосочетания, находящиеся в стадии переосмысления, стабилизации в

целостные единицы, на основе которых сформировались интернационализмы; 4) первоначально разнообразные формы передачи идеи, позже получившей закрепленную форму выражения; 5) терминологические сочетания как этимоны терминов, получивших интернациональный статус. Установлена внутриязыковая и межъязыковая множественность источников интернационализмов.

Изучение семантических структур интернациональных УС со значениями их прототипов показало, что хотя в целом и наблюдается определенное единство или соотносительность наиболее общих направлений филиации значений параллелей, конкретные линии их семантического развития часто совпадают неполностью. Параллелизм сложных семантических структур во многих случаях определяется метонимическим переносом, не только иницированным прототипом, но и развившимся самостоятельно.

Повышенную семантическую активность проявляют интернациональные заимствования в системе русского и английского языков. В порядке снижения этой активности следуют немецкий, французский и болгарский языки. Относительно высокой семантической продуктивностью отличаются интернациональные заимствования латинского происхождения, что связано с функциональной пассивностью их прототипов как элементов мертвого языка.

Установлено, что в качестве соответствий оборотов с обширной полисемией преимущественно выступают многозначные образования. Большой разрыв в семантическом объеме интернационализмов — явление не частое. Лишь у немногих многозначных соответствий моносемантическим оборотам число значений превышает два. Все это является ярким свидетельством существования межъязыковой семантической зависимости, активности действия семантической аттракции, которая стремится сгладить несоответствия в смысловом объеме, создать сбалансированность значений.

Межъязыковые семантические отношения интернациональных собственно заимствований основываются на существовании семантического инварианта, обычно представляющего собой совпадение стержневых значений. Семантический остаток части несовпадающих смысловых структур оказывается соотносительным. Наблюдаемые расхождения семантических структур связаны с частным

проявлением трех основных направлений их развития: 1) возникновением специальных значений, 2) образованием новых переносных значений, 3) функциональным семантико-грамматическим переоформлением, сопровождающимся чаще всего изменением (сужением или расширением) семантического объема.

Материалы свидетельствуют и о наличии стилистических расхождений между многими интернациональными собственно заимствованиями и их прототипами. В заимствующем языке иностранный фразеологизм нередко приобретает дополнительную стилистическую окраску, а параллельно существующая калька чаще всего оказывается стилистически нейтральной. По своей стилистической характеристике (как с точки зрения происхождения, так и сферы употребления) большинство рассматриваемых образований являются книжными оборотами.

Эмоционально-экспрессивно-оценочная направленность крылатых выражений часто принимает форму шутивно-иронического употребления, но не ограничивается этими оттенками. Будучи стилистически очень подвижными, крылатые выражения в каждом новом случае употребления, смены данного окружения могут переходить границы стилистических подуровней, приобретая добавочную окрашенность, новые эмоционально-экспрессивно-оценочные обертоны, чаще всего придавая высказыванию оттенки фамильярности, торжественности, почтительности или игривости.

Разнообразие способов вхождения устойчивых словосочетаний рассматриваемой группы в иноязычный контекст, специфическая ассимиляция собственно заимствований в языках-рециаторах, их высокая фразеобразовательная активность, ведущая к расширению интернационального фразеологического фонда, дают все основания считать многие обороты, используемые в оригинальной форме, законным достоянием заимствующих языков, рассматривать их как явления живой — устной или, преимущественно, письменной речи. Это делает необходимым включение нетранслитерированных оборотов в корпус фразеологических словарей.

Межъязыковая однородность (особенно материальная) интернациональных собственно заимствований проявляется как внутриязыковая неоднородность. Последняя оказывается действенным фактором фразеологического развития.

Сопоставительно-исторический и синхронно-сопоставительный анализ интернациональных собственно заимствований показал, что, с одной стороны, проявляется тенденция к сохранению тождества, с другой — тяготение к выявленным преобразованиям. Данное противоречие наблюдается на всех структурных уровнях как в языках с одинаковой, так и разной графической системой при возможном расхождении некоторых способов изменения вследствие специфики языковых систем.

В целом соотношение количественных и качественных характеристик сходств и различий между укоренившимися оборотами и их этимонами, а также между выражениями, ставшими достоянием ряда языков, показывает, что тенденция к сохранению тождества, хотя и относительного, оказывается доминирующей и обуславливает высокую степень интернациональности рассмотренных образований.

Направленность ФИ с неоднородным частичным фотиграфическим сходством к межъязыковому сближению связана не только с языковым универсализмом, но в значительной степени определяется влиянием культурно-исторического наследия, сообщающего определенную инерционность фразеологическому развитию. Межъязыковая фразеологическая близость активно поддерживается известным материальным „информационным” тождеством, способствующим сохранению связи ФИ с их истоками и источниками. Отмеченные особенности ФИ не только закрепляют интернациональные свойства, приобретенные на предшествующих этапах языкового сближения, но и расширяют интернациональную первооснову.

Весьма многочисленную группу материально и семантически отождествляемых интернационализмов, ранее совершенно не исследованных в плане конфронтации, составляют образования межъязыковой оппозиции типа „слово — сверхсловный комплекс”, возникающей в результате заимствования. Материалом синхронно-сопоставительного и сопоставительно-исторического описания послужили иноязычные слова русского и болгарского языков и их этимоны-словосочетания как коррелятивные члены межъязыковых, разнотипных в структурно-морфологическом и графическом отношении оппозиций.

Проанализирована генетическая преемственность между составными компонентами оппозиций по линии

соотношения формы и значений, установлены наиболее распространенные модели в пределах разных лексико-грамматических разрядов интернациональных единиц и даны характеристики количественного и временного распределения анализируемых противопоставлений. Посредством применения разработанных нами этимологических ориентиров было уточнено или определено происхождение целого ряда коррелятивных компонентов. Получены критерии, помогающие распознать наличие или отсутствие русского посредничества в процессах заимствования при существовании русско-болгарского параллелизма.

Основными языками-источниками заимствования, определяющими становление межъязыковой оппозиции „слово — сверхсловный комплекс“, являются французский, английский, латинский, итальянский, голландский.

Количество параллельных оппозиций значительно превышает число единичных, что свидетельствует об определенной общности контактов носителей рассматриваемых языков. Главное различие между этимологическим составом единичных русско-иноязычных и болгарско-иноязычных структурно-графических оппозиций (учитывая количественное распределение противопоставлений по языковому набору входящих в них этимонов) вносят турецкие заимствования в болгарском языке. Это связано с глубоким соприкосновением носителей взаимодействующих болгарского и турецкого языков в период длительного турецкого господства в Болгарии (с конца XIV до второй половины XIX вв.).

Изучение количественного распределения интернациональных противопоставлений во времени показывает, что существует тенденция их значительного роста начиная с конца XVII столетия. До указанного периода отмечается функционирование лишь отдельных противопоставлений. Все более широкое распространение знания иностранных языков, увеличение степени их интернациональности, интенсификация языковых взаимодействий как результат развития различных форм межнациональных отношений подготовили почву для более легкого, по сравнению с предшествующими периодами, восприятия сложных иноязычных комплексов, активизировали процесс внедрения в языки образований, генетически восходящих к словосочетаниям.

Наблюдаемое незначительное падение кривой, характеризующей количественное распределение интернацио-

нальных оппозиций во времени, на участке синхронного среза XX в. не является свидетельством уменьшения интенсивности лингвомиграционных процессов. Поток заимствований в настоящее время становится особенно мощным. Вместе с тем восприятие инноваций характеризуется меньшей интуитивностью, большей осмысленностью, реже наблюдаются факты народноэтимологического переосмысления. Все чаще имеет место сохранение структуры принимаемых иностранных словосочетаний, опрощение утрачивает свою исключительность в рассматриваемых случаях. В результате формируются многочисленные образования, вступающие в однотипные по своему структурно-морфологическому составу межъязыковые интернациональные оппозиции. Отсутствие языковой неоднородности известного типа с избытком компенсируется структурно-гомогенными формами.

Количественное распределение противопоставлений, включающих этимоны разных языков, согласуется с соотношением общего объема заимствований из соответствующих языков в одинаковые временные периоды.

Материал показывает, что выживают не все интернациональные оппозиции. Кратковременность существования тех или иных интернациональных звеньев, возникающих в разное время по рассматриваемой линии, обуславливается недостаточностью популяризации и распространения обозначаемых чужеродных (уникальных) реалий на новой языковой почве (в рамках русской и болгарской культурно-генетических общностей), исчезновением называемых явлений действительности, вытеснением коррелятивных членов оппозиций другими, более приемлемыми языковыми единицами, несущими тождественную номинативную, понятийно-дифференцирующую функцию.

Изучение генетической преемственности свидетельствует о том, что сращению в одно слово подвергаются преимущественно двухкомпонентные иноязычные словосочетания, соотносительные с существительным. К этому же лексико-грамматическому разряду, как правило, принадлежат и новообразования, возникающие вследствие собственно деэтимологизации.

Установленный количественный перевес двухкомпонентных образований, подлежащих опрощению, над сочетаниями с большим числом компонентов соответствует

наблюдаемой обратной зависимостью, существующей между степенью вероятности заимствования языковых единиц и их количественным составом (ведь, несомненно, что число лексических заимствований в языках превышает количество фразеологических заимствований). Данная количественная зависимость является одним из действенных факторов, регулирующих лингвомиграционные процессы, и выступает как яркое проявление универсальной тенденции языковой экономии.

В целом процесс заимствования носит избирательный характер, что обнаруживается в тенденции языков рецептировать такие иноязычные формы, количественные и качественные параметры которых близки к исконным. Эта избирательность может стимулироваться или прямо определяться соответствующей типологической характеристикой целой группы языков. Примером подобной характеристики для рассматриваемого случая может служить такая типологическая черта системы словосложения германских языков, как преобладание в них по числу составных частей двухкомпонентных сложных слов.

Другим проявлением стремления к экономии оказываются довольно многочисленные случаи неполного перенесения иноязычных комплексов. Сокращение происходит по линии апокопы и аферезиса. Синкопированные образования не наблюдаются. Прототипами эллиптических производных явились словосочетания английского, французского, латинского, голландского, немецкого и греческого языков.

Семантический анализ русско-болгарских опрощенных параллелей показал, что в целом болгарские заимствования проявляют большую семантическую активность, легче поддаются переосмыслению, чем их русские соответствия. Наибольшее число случаев неполного совпадения сложных смысловых структур связано с развитием переносных значений у болгарских заимствований по линии генерализации буквальных значений при отсутствии такового у их русских соответствий.

Принадлежность многих рецептированных форм к определенной терминологии, их склонность к однозначности, а также специфический стилистический статус, ограниченность сферы употребления этих образований в немалой степени определяются „терминологичностью” (терминологическим характером, а во многих случаях

и терминологическим происхождением) значительного числа прототипов. Но указанная терминологичность, накладывая определенный отпечаток на производные единицы, часто полностью не копируется.

Изучение семантико-стилистической преемственности между заимствованиями и прототипами в рамках рассматриваемых противопоставлений дает основание говорить об отсутствии во многих случаях как ожидаемого семантического, так и стилистического тождества. Коррелятивные члены оппозиций могут характеризоваться разным типом семантической структуры, частичным или даже полным расхождением значений, принадлежностью к неодинаковым стилевым пластам лексики.

Происходит заимствование не всех значений полисемантического прототипа, а лишь общего, наиболее широкого из них. Более узкие, конкретные значения, соотносительные с исходным, утрачиваются. При этом впоследствии возможно формирование дополнительных (новых) значений за счет конкретизации общего. Направление семантического развития чаще всего определяется этим общим исходным значением, подсказывается законами переосмысления, реальным развитием внеязыкового факта, предопределившим первоначальное содержание языковой единицы, или мысленным логическим развертыванием возможных (представляемых как реальные) проявлений данного факта.

Следует отметить, что в целом ряде случаев заимствования проявляют большую семантическую активность, чем прототипы. Повышенная семантическая активность новообразований в определенной степени объясняется их лексическим статусом.

Наибольшее число семантических расхождений встречается между французскими, латинскими, итальянскими заимствованиями и прототипами. Гораздо меньше случаев несовпадения значений отмечается у английских заимствований и их прототипов. Это связано с тем, что французский, латинский и итальянский языки явились в данном случае источником целого ряда общенаучных (межнаучных) терминов, многочисленных полутерминологических слов, легко входящих в общий язык. Между тем значительное число подвергшихся опрощению английских словосочетаний относится к технической и спортивной терминологии. Спортивные и технические

термины характеризуются повышенной специализацией и отличаются сильной ограниченностью сферы употребления.

5. Наряду с регулярным направлением развития определенной части интернациональной терминологии от денотативного начала к коннотативности, возможна и противоположная направленность этого процесса. В первом случае можно говорить о расширении, активизации интернационального фразеологического фонда, во втором — о его ограничении, стабилизации. Тенденция терминологических ФЕ переходить границы профессионального употребления является в данном случае доминирующей и способствует обогащению интернациональной фразеологии.

В целом восполнение картины окружающего мира, по мере проникновения в сущность явлений, отражается в структуре наименований познаваемого, накладывает на нее определенный отпечаток, что может находить выражение в изменении внешней формы наименования — возникновении многочисленных терминологических словосочетаний на основе лексических единиц. Это наиболее распространенный путь расширения состава терминологической фразеологии.

Степень насыщенности тех или иных участков понятийных зон интернациональной фразеологией находится в прямой зависимости от степени сложности обозначаемого. Материалы славянских, германских и романских языков показывают, что повышенной фразеологичностью характеризуются семантические группы с отрицательным значением и со значением экстремальности. Вариативность, переходность, смешанность, апплицируемость и т. п. психических процессов как проявления их сложности находят отражение в семантике фразеологических интернационализмов, что с очевидностью свидетельствует о возможности адекватной языковой передачи большинства обозначаемых фрагментов действительности средствами фразеологии. Приведем несколько примеров.

В ряде случаев наблюдается совмещенное обозначение чувств, эмоций и органических или суставно-мышечных ощущений. Так, например, „разрывающееся сердце” (рус. „сердце разрывается” — болг. „сърцето ми се къса” — рум. *i se gure inima* и т. д.) может быть не только фразеологическим образом, передающим психическое

состояние, эмоционально-чувственное настроение человека, глубоко потрясенного горем, но и реальным или почти реальным неязыковым фактом: болезненные расстройства и органические изменения, вызываемые психической болью, общеизвестны. Ср. также: рус. „кровь (или краска) бросилась (или кинулась) в лицо” — болг. „кръвта се издигна в лицето ми” — нем. *das Blut stieg j-m ins Gesicht* (или *in die Wangen*) — рум. *a-i da* (или *a-i năvăli sîngele în obraz* (или *fața*) и др.

Сопровождение эмоций и чувств человека выразительными (мимическими и пантомимическими) движениями также находит отражение в интернациональной фразеологии: рус. „делать большие (или круглые) глаза” — чеш. *dělat velké oči* — нем. *grosse Augen machen* — швед. *göga stora ögon* — фр. *faire de grands yeux* — рум. *a face ochi mari* и др. Примером совмещенного обозначения разных видов восприятия могут служить следующие ФП: болг. „цял съм слух и зрение” — нем. *ganz Auge und Ohr sein* — фр. *être tout yeux et tout oreilles*.

Роль интернациональной фразеологии в зашифровке отражаемой действительности велика, интернациональные фразеологические средства занимают значительное место в системе номинации, поэтому не следует преувеличивать значение национальности фразеологии, придавать ей абсолютный характер.

Итак, исключительная обширность пласта интернациональной фразеологии, представляющей собой неограниченную межъязыковую универсалию, неоднородность состава, многообразие и специфика типов ФИ обуславливают необходимость целого комплекса исследований. Многочисленные ФЕ, занимающие промежуточное положение между изоморфическими и формальными интернационализмами должны стать объектом специального изучения в плане выявления складывающихся между ними отношений, подобно тому, как специально исследуются аналогичные отношения в области лексики. Составление словарей „ложных друзей переводчика” в области лексики имеет давнюю историю. Настало время создания и словаря „ложных друзей переводчика” в сфере фразеологии.

Ономасиологический анализ фразеологических интернационализмов необходим для разработки теоретических вопросов языкознания, общелингвистических проблем

(в частности, проблем типологии, общей фразеологии и лексикографии), для решения практических вопросов словарного (идеографического) описания фразеологических материалов. Создание идеографического словаря интернациональной фразеологии следует признать одной из актуальных задач современной лингвистики.

Изучение основных вопросов фразеологической интернационализации сопряжено с решением широкого диапазона задач, имеющих прямой выход в теорию и практику не только областей собственно языковых приложений, но и сопредельных сфер. Среди них, например, группа задач по установлению типологии и иерархии фразеологических универсалий и их стимулов, раскрытию симметрических / асимметрических отношений лингвистических и экстралингвистических факторов межъязыкового параллелизма и закономерностей действия дивергентных явлений в контексте изучения специфики культуры, психологии носителей разных языков и др.

Изыскания в области интернационализации фразеологии имеют все основания (теоретико-методологическое, материально-языковое, значимостно-применительное, проблемно-перспективное) для вычленения их в самостоятельное лингвистическое направление.

§ 2. Универсальные структурно-грамматические модели фразеологических единиц немецкого и татарского языков

В последнее время довольно активно ведутся исследования в области сопоставительного изучения фразеологических единиц (ФЕ) разных языков.¹ Однако работ, представляющих важность для данного направления, касающихся непосредственно вопросов сопоставления ФЕ индоевропейских и тюркских языков в структурно-типологическом плане, явно недостаточно. Целью данного параграфа является попытка выявить некоторые структурно-грамматические универсальные модели ФЕ

в немецком и татарском языках. Анализ многочисленных примеров показывает, что значения ФЕ двух неродственных языков заметно совпадают, не выходя в основном за определенные смысловые пределы. Совпадения при этом касаются не только смысловых соответствий, охватывающих большие группы ФЕ, но и структурно-грамматических конструкций.

Вопреки широко распространенному мнению в структурно-типологических исследованиях о том, что сходство формы не предполагает сходства в значении и наоборот, удалось установить универсальные модели как в плане выражения, так и в плане содержания.

Первая модель представляет собой сочетание существительного (S) и глагола (V) для немецкого и татарского языков:

нем. die Hand reichen	— тат. кул сузу (протянуть руку);
нем. die Nase aufwerfen	— тат. борын күтәрү (задирать нос);
нем. das Wort nehmen	— тат. сүз алу (брать слово);
нем. den Kopf hängenlassen	— тат. баш салындыру (повесить голову);
нем. einen Antrag machen	— тат. тәкъдим ясау (делать предложение);
нем. die Zähne fletschen	— тат. теш шигырдату (скрежетать зубами);
нем. den Kopf verdrehen	— тат. баш әйләндерү (вскружить голову);
нем. den Kopf zerbrechen	— тат. баш вату (ломать голову);
нем. die Zunge halten	— тат. тел тыю (держат язык за зубами).

Как показывает анализ многочисленных примеров ФЕ из художественной и публицистической литературы, а также других источников², вероятность замены глагольного компонента синонимом предполагается достаточно высокой относительно немецкого языка. Вывод

сделан на основе 1-й стадии математического обсчета. Die Nase aufwerfen, hochtragen, einspannen; die Zunge halten, beherrschen, bezähmen, meistern, zügeln; das Wort nehmen, ergreifen, aufheben, anfassen; die Hand reichen, leisten, bieten, geben.

Второй тип универсальных фразеологических моделей образуется из предлога (Prär.+S и V для немецкого языка. Проанализировано около 100 примеров). Предварительные данные позволяют утверждать, что для татарского языка данная модель может быть выражена формулой S + послелог + V или S + словоизменяющий аффикс + V:

нем. durch die Finger sehen	— тат. бармак аша карау (смотреть сквозь пальцы);
нем. mit dem Feuer spielen	— тат. ут белән уйнау (играть с огнем);
нем. in die Grube bringen	— тат. гүргә керту (сводить в могилу);
нем. im Auge behalten	— тат. күздә тоту (иметь в виду);
нем. in Gedanken versunken	— тат. уйга чуму (глубоко задуматься);
нем. aus den Augen verlieren	— тат. күздән югалту (потерять из виду);
нем. auf die Beine kommen	— тат. аякка басу (встать на ноги);
нем. aus der Luft greifen	— тат. һавадан алу (высосать из пальца);
нем. durch den Kopf gehen	— тат. башка килү (прийти в голову).

Тогда вместо предлога в татарском языке отмечается более частое использование словоизменяющего аффикса, который и служит основным функциональным элементом падежной системы имен существительных. Пример немецких предлогов zwischen, mit, durch и соответствующих татарских послелогов подтверждает факт соотнесенности их с разрядом служебных слов. Следует отметить, однако, что послелог и словоизменяющие аффиксы являются специфичными для тюркских языков, хотя в грамматической конструкции выполняют такую же функцию, как и предлоги.

Содержание третьей модели представляется возможным рассмотреть на уровне Prär+прилагательное (Adj) + S для немецкого и Adj + S + послелог или словоизменяющий аффикс для татарского языка:

нем. mit beiden Händen	-- тат. ике куллап (двумя руками);
нем. mit eigenen Augen	--- тат. үз күзләре белән (собственными глазами);
нем. auf halbem Wege	— тат. ярты юлда (на полпути);
нем. mit leeren Händen	--- тат. буш кул белән (с пустыми руками);
нем. mit halbem Ohr	--- тат. колак чите белән (краем уха);
нем. mit einem Atem	— тат. бер сулыштан (одним дыханием);
нем. vom ganzen Herzen	— тат. бөтен йөрәктән (от всего сердца).

К данной модели относятся также ФЕ, в которых определение представлено количественным или порядковым числительным:

нем. in vier Wänden	— тат. дүрт стена эчендә (в четырех стенах);
нем. aus einem Munde	— тат. бер авыздан (в один голос);
нем. aus erster Hand	— тат. беренче кулдан (из первых рук);
нем. zwischen zwei Feuern	— тат. ике ут арасында (между двух огней).

Четвертая модель может быть рассмотрена в системе универсальности Adj + S для ФЕ немецкого и татарского языков в структурном и семантическом плане:

нем. böse Zunge	— тат. усал тел (злой язык);
нем. leichten Fußes	— тат. жиңел аяктан (с легкой ноги);
нем. der alte Fuchs	— тат. карт төлке (старая лиса);

нем. leere Worte	— тат. буш сүз (пустые слова);
нем. lange Zunge	— тат. озын тел (длинный язык);
нем. grüne Straße	— тат. яшел ут (зеленая улица);
нем. andere Luft	— тат. башка һава (свежая струя);
нем. der rote Faden	— тат. кызыл жеп (красная нить);
нем. heilige Lüge	— тат. изге ялган (святая ложь);

Очевидно, общим для всех атрибутивных словосочетаний является номинативный характер их значения, который и обуславливает определенные синтаксические функции сочетаний в предложении. Тогда ФЕ данной модели образуются на основе абстрагирования какого-либо признака, например: goldene Worte (положительная оценка), lange Zunge (болтливость), der rote Faden (подчеркивает важность значения), böse Zunge (злость).

В пятой модели акцент делается на совокупности следующих компонентов: Prär+S для немецкого языка и S+ послелог для татарского языка:

нем. vor der Nase	— тат. борын төбендә (под носом);
нем. vor den Augen	— тат. күз алдында (перед глазами);
нем. durch die Zähne	— тат. теш арасынан (сквозь зубы);
нем. auf den Schultern	— тат. жилкә өстендә (на плечах);
нем. unter dem Arm	— тат. кул астында (под рукой);
нем. auf dem Kopf	— тат. баш өстендә (на голове вверх дном);
нем. aus der Luft	— тат. һавадан (с воздуха);
нем. unter dem Fuß	— тат. аяк астында (под ногами).

Приведенные примеры еще раз подтверждают положение о том, что ФЕ данной модели могут выполнять

функцию обстоятельства со значением пространственного положения и направления. В качестве примера можно привести ФЕ со значением обмана (aus der Luft), недовольства (durch die Zähne), иждивенчества (auf den Schultern).

К этой же группе можно отнести случаи с двумя предлогами, например:

bis über den Kopf	— башы белән (с головой),
bis über die Ohren	— колагына кадәр (по уши),
bis in die Knochen	— сөягенә кадәр (до мозга костей).

При употреблении двух предлогов один из них выступает в своем значении “до” в сочетании с другим предлогом, который детерминирует падеж существительного.

Шестая модель обнаруживает соизмеримость с формулами: Prär + S + Prär + S для немецкого языка и S + словоизменяющий аффикс + S + словоизменяющий аффикс для татарского языка:

нем. von Ohr zu Ohr	— тат. колактан — колакка (от одного к другому);
нем. von Hand zu Hand	— тат. кулдан-кулга (из рук в руки);
нем. von Wort zu Wort	— тат. сүздән сүзгә (слово за слово).

В ФЕ данного типа замечено одинаковое переосмысление аналогичных переменных словосочетаний в результате отдельного или совокупного метафорического переноса и образного сравнения.

Поскольку неотъемлемым компонентом каждой структуры являются предлоги, то, вероятно, их дифференциация более четко определит предмет нашего исследования. Ввиду этого мы рассматриваем значения передачи некоторых немецких предлогов и их эквивалентов в татарском языке. Предлог auf обозначает расположение предмета на поверхности чего-либо и выражается в татарском языке падежной флексией „да”, „дэ” или

последующим именем «өстендә»: auf dem Kopf — баш өстендә (на голове); in, auf — расположение предмета в разных местах, местностях, территориях и передаются на татарский язык падежной флексией «да» или «дә»: in vier Wänden — дүрт стена эчендә» (в четырех стенах); auf halbem Wege — ярты юлда (на полпути); zwischen — расположение чего-либо между двумя предметами и соответствует татарскому послелогу «арасында», «уртасында», «араларында»: zwischen zwei Feuern — ике ут арасында (между двух огней); aus — направление изнутри или источник и соответствует татарскому словоизменяющему аффиксу «дан» или «тән»: aus ganzem Herzen — ботен йөрәктән (от всего сердца), aus der Luft — һавадан (с воздуха), aus einem Munde — бер авыздан (в один голос); vor — расположение впереди чего-либо. Его функцию выполняет послелог «алдында», «төбендә»: vor der Nase — борын төбендә (перед носом).

Материал исследования показывает, что по своей структурной организации рассматриваемые ФЕ представляют собой большую группу предложных образований (2, 3, 5, 6 модели). Довольно распространенными являются структурно-грамматические модели непредикативного образования (3, 4, 5, 6 модели), состоящие из двух-, трех-, четырехкомпонентных единиц. Установлено также, что в состав 1-й модели входит большое количество предикативных ФЕ, представляющих универсальные конструкции для немецкого и татарского языков.

§ 3. Грамматическая десемантизация глагола „делать” и существительного „человек” как источник фразообразования в английском, французском и испанском языках

Анализ фразеологического строя того или иного европейского языка показывает, что одним из фразообразующих факторов является полная или частичная утрата одним из компонентов ФЕ своего лексического значения, т. е. десемантизация. „Слова берут на себя выполнение грамматических и словообразовательных функций. Если такая роль закрепляется за словом, то

собственное его лексическое значение будет все ослабляться и с течением времени оно перестанет быть словом в полном смысле, превратится в служебное слово или морфему. Этот процесс называется десемантизацией”¹.

Данный параграф посвящен анализу тех структурно-семантических условий, которые являются источником фразообразования. Десемантизация одного из компонентов словосочетания может быть полной или частичной. При полной десемантизации слово утрачивает свое лексическое значение и выполняет служебную функцию. Ярким примером полной грамматической десемантизации является использование определенных глаголов в качестве вспомогательных для образования тех или иных временных форм, вопросов, отрицаний в языках аналитического строя. Но чаще происходит не полная, а частичная десемантизация или сдвиг значения. Так, абстрактные глаголы типа „делать”, „брать”, „иметь”, глаголы движения, существительные, обозначающие имя деятеля, и многие другие могут использоваться в разных языках в иных значениях. Сочетание этих слов с полнозначными словами, имеющими прямое или переносное значение, является продуктивным источником фразообразования. Для иллюстрации процесса грамматической десемантизации и его роли во фразообразовании были проанализированы ФЕ с десемантизированным компонентом, выраженным существительным „человек” и глаголом „делать” в английском, французском и испанском языках, выявлены наиболее продуктивные грамматические структуры, грамматико-семантические категории, а также степень межъязыковой эквивалентности.

В основу исследования межъязыковой соотнесенности ФЕ с десемантизированным компонентом положены выводы А. Д. Райхштейна об аспектной и функционально-смысловой межъязыковой эквивалентности. По А. Д. Райхштейну, аспектная соотнесенность — это соотнесенность компонентного состава и грамматической организации, а функционально-смысловая соотнесенность — это тождество значений. Комбинация аспектного и функционально-смыслового тождества дает абсолютные эквиваленты. Как утверждает А. Д. Райхштейн, совокупное смысловое тождество ФЕ иногда сохраняется

и при неполном аспектном тождестве². Аспектная и функциональная соотнесенность не находятся в прямой зависимости друг от друга. ФЕ, обладающие полным аспектным и функционально-смысловым тождеством, называются абсолютными межъязыковыми эквивалентами; ФЕ, имеющие аспектное тождество, но не совпадающие по смыслу, — аспектными; ФЕ, совпадающие по смыслу, но имеющие различия в компонентном составе и грамматической организации, — функционально-смысловыми межъязыковыми эквивалентами. В большинстве случаев аспектная соотнесенность разноязычных ФЕ сопровождается функционально-смысловой соотнесенностью, а функционально-смысловые расхождения нарастают вместе с увеличением аспектных различий.

ФЕ с именем деятеля включают в свой состав слово „человек”. В результате полной или частичной утраты лексического значения слово приобретает категориальное значение „деятель”, фактически выполняя функцию морфемы, соответствующей русским суффиксам *-ник* (художник), *-тель* (писатель), *-ик* (практик, теоретик). Структурно-грамматический анализ ФЕ с именем деятеля позволяет выделить следующие наиболее продуктивные структуры ФЕ с именем деятеля.

Структура I. Имя деятеля+предлог родительного падежа+существительное. Второй компонент может сохранять свое лексическое значение или подвергаться переосмыслению. ФЕ с I структурой могут иметь значение профессиональной принадлежности — писатель, писательница — (A man of letters, a woman of letters, homme de lettres); юрист — (A man of law, homme de loi); духовное лицо — (A man of religion); государственный деятель — (homme d'Etat, hombre de Estado). Второй компонент может подвергаться переосмыслению — люди доброй воли — (people of good will, les hommes de bon volonte).

Структура II. Имя деятеля с постпозитивным или препозитивным определением, выраженным прилагательным. Прилагательное может сохранять свое лексическое значение или быть переосмысленным. (Общественный деятель — public man, homme public). В тех ФЕ, в которых второй компонент переосмыслен, процент абсолютных межъязыковых эквивалентов значительно ниже, чем в тех, где второй компонент сохраняет свое лексическое значение.

Структура III. Имя деятеля+предлог, соответствующий русскому „в”. Таких ФЕ немного, эквивалентов не наблюдается (*man in possession, femme en carte*). Имеются структуры, характерные только для одного языка.

Структура IV (только для французского языка). Имя деятеля+предлог направления+существительное (*homme a gage, homme a fortune*).

Структура V (только для английского языка). Существительное в функции определения+имя деятеля (*a space man, plain-clothed man*).

Структура VI (только для английского языка). Причастие в функции определения+имя деятеля (*the leading man, kept woman*).

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы: 1) слово „человек”, утрачивая свое лексическое значение, приобретает в результате грамматической десемантизации категориальное значение имени деятеля и является компонентом целого ряда ФЕ в английском, французском и испанском языках; 2) грамматическая десемантизация слова „человек” в этих ФЕ является основным фразообразующим фактором; 3) три из пяти выделенных лексико-грамматических структур встречаются во всех трёх языках, одна — только во французском, и две — только в английском. Семантическим ядром ФЕ является второй компонент.

Проведенный статистический анализ позволяет дать следующую количественную характеристику ФЕ с именем деятеля и определить процентное содержание межъязыковых эквивалентов. Анализу было подвергнуто 50 английских, 50 французских и 50 испанских ФЕ с именем деятеля. Среди межъязыковых эквивалентных ФЕ абсолютные эквиваленты составили 37,3% (41 ФЕ); абсолютные эквиваленты, имеющие параллели в двух языках,—10,6% (16 ФЕ); функционально-смысловые эквиваленты с несовпадающей аспектной организацией — 9,3% (14 ФЕ). И лишь у нескольких ФЕ совпадает структура, но не совпадает смысл. Количество ФЕ, не имеющих межъязыковых эквивалентов, составило в английском языке—38, во французском—26, в испанском языке—23 ФЕ. В процентном отношении безэквивалентные ФЕ составили 58,6%, т. е. немногим больше половины всех проанализированных.

Подобному анализу были подвергнуты ФЕ, включающие в свой состав в качестве десемантизированного компонента глагол „делать”. Для анализа было выбрано 95 английских, 50 испанских и 145 французских ФЕ. Выделены следующие продуктивные лексико-грамматические структуры:

Структура I (общая для всех трех языков). Глагол „делать”+существительное. Второй компонент сохраняет свое лексическое значение или частично переосмыслен. Компонент, выраженный глаголом „делать”, подвергается грамматической десемантизации и приобретает категориальные значения процессуальности, изменения качества, рефлексивности. Семантическим ядром ФЕ является второй компонент, а глагол „делать” выступает в полуслужебной функции (to make a date, faire une affaire, hacer la maleta).

Структура II. Глагол „делать”+существительное+предлог (характерна для всех трех языков). Глагол „делать” во ФЕ данной структуры имеет категориальное значение процесса поведения по отношению к кому-либо или чему-либо (make capital by, faire divorce avec, hacer el cuerpo de, hacer cargo de ...).

Структура III. „Делать”+существительное+предлог+рефлексивное местоимение (характерна только для английского языка). (Make an exhibition of oneself). Глагол „делать” выражает категориальное значение процесса поведения по отношению к себе. В качестве подструктуры могут рассматриваться ФЕ, содержащие глагол „делать”+существительное+предлог+неопределенное местоимение. Глагол „делать” выражает категориальное значение процесса поведения по отношению к кому-либо.

Структура IV. „Делать”+прилагательное+существительное. (Make common cause, faire bonne figure). В испанском языке эта структура отсутствует. Категориальное значение процесса или состояния.

Структура V. „Делать”+глагол в инфинитиве. Глагол „делать” имеет категориальное значение модальности. (Make believe, faire tomber, faire parler, hacer saber).

Структура VI (характерна только для английского языка). „Делать”+неопределенное местоимение в притяжательном падеже+существительное. Глагол „делать” имеет значение, модальности.

Структура VII. Предикативные ФЕ, имеющие структуру предложения. Реализуется в безличных предложениях французского и испанского языков: темно — *il fait nuit*, светло — *il fait jour*, давно — *hasse, tiempo*. Подобные предикативные конструкции отсутствуют в английском языке.

Структура VIII (характерная только для испанского языка). „Делать”+предлог+глагол в инфинитиве.

Структура IX (только в испанском языке). „Делать”+предлог+существительное (*hacer de galan*).

Структура X (только во французском языке). „Делать”+существительное+прилагательное (*faire une peuve*).

Структура XI (только во французском языке). „Делать”+второй десемантизированный компонент, выраженный глаголом „идти”+существительное (*faire aller les langes*).

В подобных ФЕ глагол „делать” имеет значение модальности, а десемантизированный глагол „идти” выражает значение процессуальности. Сочетание двух десемантизированных глаголов в одной ФЕ характерно только для французского языка, целый ряд глаголов которого крайне абстрактен.

Проведенный анализ позволяет выделить следующие категориальные значения глагола „делать” во ФЕ всех трех языков: 1) рефлексивность в структурах I и III; 2) модальность в структурах V, VI, VII и XI; 3) процессуальность в структурах I, II, III, VIII; 4) изменения качества в структурах I, II, IV и X; 5) состояние в структурах IV и VIII.

При анализе количественной характеристики ФЕ с глаголом „делать” прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что для анализа представлено разное количество ФЕ по языкам: в английском — 95, французском — 145, испанском — 50 ФЕ. Самое большое количество ФЕ дает французский язык: французский глагол „делать” обладает гораздо большей степенью абстрактности, чем его эквиваленты в английском и испанском языках. Сравнительно большее количество ФЕ в английском языке объясняется тем, что в силу исторического взаимодействия культур, а следовательно и языков, как в английском, так и во французском языках — большой процент заимствованной лексики (это не могло

не отразиться на фразеологическом строе обоих языков). Испанский же язык находился в большей изоляции от французского и английского, что и обусловило гораздо меньший процент межъязыковой эквивалентности, следовательно, и меньшее количество ФЕ.

Вследствие проведенного статистического анализа ФЕ с компонентом „делать” дана следующая количественная характеристика ФЕ с десемантизированным компонентом „делать”. Общее количество проанализированных ФЕ — 300. Из них абсолютных трехъязычных эквивалентов — 34 (11,3%), абсолютных двухъязычных эквивалентов — 124 (41,3%), причем француско-испанских — 12, англо-испанских — 6 и француско-английских — 106. Безэквивалентных ФЕ — 142 (48%), из них в английском языке — 28, испанском — 34, француском — 80. Как видно из проведенного исследования, грамматическая десемантизация является продуктивным источником фразообразования в ряде европейских языков, ей могут подвергаться различные части речи. В результате грамматической десемантизации слова, утрачивая частично или полностью свое лексическое значение, приобретают более общие категориальные значения. Возникают многочисленные межъязыковые параллели. На основании данных, полученных в результате сравнительно-типологического анализа ФЕ с десемантизированным компонентом „человек” и „делать” в английском, француском и испанском языках, установлены следующие закономерности: 1) степень межъязыковой эквивалентности тем выше, чем больше языки взаимодействовали в процессе своего исторического развития; 2) грамматическая десемантизация представляет собой универсальное явление для фразеологии родственных и отдаленно-родственных языков; 3) на материале английского, француского и испанского языков был рассмотрен процесс фразообразования, являющийся результатом грамматической десемантизации одного из компонентов ФЕ; 4) сочетание двух десемантизированных компонентов в одной ФЕ является уникальным явлением, характерным для фразеологии француского языка; 5) были выявлены общие для трех языков структурно-семантические типы словосочетаний, степень межъязыковой эквивалентности и безэквивалентные ФЕ. Думается, что подобные явления и процессы можно обнаружить и в других языках.

ПРИМЕЧАНИЯ

К главе I

§ 1

¹ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, с. 11.

² О разграничении этих двух видов семантики см.: Слюсарев и Н. А. Проблемы лингвистической семантики.— ВЯ, 1973, № 3.

³ См.: Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977.

⁴ Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958, с. 101.

⁵ См.: Мухин А. М. Синтаксемный анализ и проблема уровней языка. Л., 1980.

⁶ См.: Мухин А. М. Указ. соч., с. 4.

⁷ См.: Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970, с. 78.

⁸ О месте понятия „смысл” в синтаксическом исследовании см.: Мухин А. М. Структура предложений и их модели. Л., 1968.

⁹ О вариантах качественной синтаксемы см.: Дорошенко В. А. Качественные элементы в предложениях современного английского языка. Автореф. дис. ... канд. филолог. наук.— Л., 1976; его же: О вариантах синтаксемы, выражающей качественную характеристику в современном английском языке.— В кн.: Лингвистические исследования. Вопросы строя индоевропейских языков. М., 1975, ч. 1; его же: О вариантах синтаксемы и синонимах.— В кн.: Единицы различных уровней в языке и речи. Ч. 3, Краснодар, 1976.

¹⁰ Кацнельсон С. Д. Указ. соч., с. 97.

¹¹ См., например: Золотова Г. А. Роль ремы в организации и типологии текста.— В кн.: Синтаксис текста. М., 1979.

¹² Priestly J. B. *Angel Pavement*. М., 1974, p. 128.

§ 2

¹ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление.— Л.: Наука, 1972, с. 10.

² Новое в лингвистике, т. 5. М., 1970, с. 15—17.

³ Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков.— Л.: Просвещение, 1979.

⁴ Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков.— Л.: Просвещение, 1977.

⁵ Ахунзянов Э. М. Общее языкознание. Казань, 1981.

⁶ Ковальчук Н. Г. Атрибутивно-субстантивные словосочетания с зависимым существительным в английском языке и их соответствия

§ 3

¹ Наиболее четко это разграничение впервые было сформулировано Г. Хельбигом и В. Шенкелем. См.: Helbig G., Schenkel W. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Verben. 3. Aufl., Leipzig, 1975, s. 31 ff.

² См. подробнее: Кибардина С. М. Основы теории валентности. Вологда, 1979.

³ См.: Кибардина С. М. Категории субъекта и объекта и теория валентности (на материале немецкого языка).— В кн.: Категория субъекта и объекта в языках различных типов. Л., 1982, с. 23—44.

⁴ См.: Хельбиг Г., Степанова М. Д. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке.— М.: Высшая школа, 1978, с. 138 и сл. См. также библиографию: Кибардина С. М. Основы теории валентности. См. также примечание 23.

⁵ Термин „процесс“ употребляется в широком смысле слова для обозначения содержания любого предиката, что соответствует употреблению этого термина в большинстве анализируемых работ.

⁶ Tesnière L. Elements de syntaxe structurale. Paris, 1959.

⁷ Хельбиг Г., Степанова М. Д. Указ. соч., с. 173 и сл.

⁸ Valence, Semantic Case and Grammatical Relations. Ed. by W. Abraham, 1978, Amsterdam (John Benjamins B. V. Studies in Language Companion Series (SLCS), vol. 1. Далее: VCR.

⁹ Vater H. On the Possibility of Distinguishing between Complements and Adjuncts. VCR, pp. 21—45.

¹⁰ Ibid., p. 24—25.

¹¹ Tarvainen K. Rezension zu: G. Helbig / W. Schenkel. Wörterbuch... 2. überarb und erw. Aufl. Neuphilologische Mitteilungen. 1973. Bd. 74, № 4, s. 760—763; ders. Zur Valenztheorie und ihrer praktischen Anwendung im Wörterbuch von H/S. Ebenda, Bd. 74, № 1, 1973.

¹² О статусе „свободного датива“ см. также: Rosengren I Die Beziehung zwischen semantischen Kasusrelationen und syntaktischen Satzgliedfunktionen: Der freie Dativ. VCR, pp. 377—398.

¹³ Vater H. Op. cit., p. 26—27.

¹⁴ Ibid., p. 28—29.

¹⁵ Ibid., p. 29—39.

¹⁶ Ibid., p. 40.

¹⁷ Bluhm H. Über kommunikative Notwendigkeit und Valenz. VCR, s. 9—20.

¹⁸ Hesse B. Valenzgrammatische Untersuchung zu fakultativen Spezialisierungen im Französischen. VCR, s. 55—83.

¹⁹ Günther H. Valence in Categorical Syntax. VCR, pp. 127—156.

²⁰ Fink St R. Case Grammar and Valence Theorie at a Stalemate. VCR, pp. 177—190.

²¹ Ср. также: Rothkegel A. Valence Frames in Standard Form and Corresponding Frames of Individual Languages. VCR, pp. 86—98. Имеются исключения из этого правила: Engel U., Schumacher H. Kleines Valenzlexikon deutscher Verben. Forschungsberichte des Instituts für deutsche Sprache Mannheim, Bd. 31, 2. durchges. Aufl., Günter Narr Verlag, Tübingen, 1978; H. Nikula. Verbvalenz. Unter-

suchungen am Beispiel des deutschen Verbs mit einer kontrastiven Analyse Deutsch-Schwedisch. Uppsala, 1976.

²² См., например: Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление.— Л.: Наука, 1972; Зоммерфельдт К. Э. К вопросу о минимуме предложения.— Иностранные языки в школе, 1975, № 1; Bondzio W. Abriß der semantischen Valenztheorie als Grundlage der Syntax. Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Bd. 29, H. 4, 1976; Bd. 30, H. 3, 1977; Bd. 31, H. 1, 1978; Sommerfeldt K. E., Schreiber H. Wörterbuch zur Valenz und Distribution deutscher Adjektive. Leipzig, 1974, s. 9—42.

²³ Ср.: Кибардина С. М. Методика валентностного анализа в лингвистике ГДР последних лет.— В кн.: Лингвистические исследования, 1981. Грамматическая и лексическая семантика. М., 1981, с. 107—119, особ. библиография.

²⁴ Bauer F. Grundzüge der Neuhochdeutschen Grammatik für höhere Bildungs-Anstalten, 10. berichtigte Aufl., Nördlingen, Druck und Verlag der C. H. Beck'schen Buchhandlung, 1865, S. 120 ff.

§ 5

¹ См.: материалы дискуссии по проблеме частей речи: Вопросы теории частей речи.— Л.: Наука, 1968.

² См. работы Н. Д. Арутюновой, Т. Б. Алисовой, А. В. Бондаренко, В. В. Богданова, С. Д. Кацнельсона, В. Г. Гака, А. А. Уфимцевой.

³ Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление.— Л.: Наука, 1972, с. 156.

⁴ Там же, с. 157—160.

⁵ См.: там же, с. 171.

⁶ Там же, с. 175.

⁷ См.: там же, с. 175.

⁸ См.: там же, с. 171.

⁹ См. подробнее: Кибардина С. М. Теория валентности и „событийные“ глаголы.— В кн.: Лингвистические исследования, 1976. Грамматические категории. М., 1976, с. 30—39.

¹⁰ Кацнельсон С. Д. Указ. соч., с. 142.

¹¹ См.: Кибардина С. М. Одновалентные глаголы и их семантические типы в современном немецком языке.— Автореф. дис. ... канд. филолог. наук.— М., 1977.

§ 6

¹ Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М., 1974, с. 1328133.

² Арнольд И. В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Л., 1966.

³ Там же, с. 18.

§ 7

¹ См.: Александров Ю. П. Семантические свойства немецких простых глаголов как компонентов системы глаголов с отделяемыми приставками.— В кн.: Вопросы германской филологии. Новосибирск, 1982.

² См.: Злобина Н. И. Семантика основных глаголов знания в современном немецком языке и их синтаксические и словообразовательные потенции.— Автореф. дис. ... канд. филолог. наук.— М., 1976.

³ См.: Сизова И. А. Становление германского глагольного словообразования. На материале готского языка. М., 1978, с. 169.

§ 8

¹ См.: Марков В. И., Еселевич И. Э. О языке Синодального Комиссионного списков первой Новгородской летописи.— В кн.: Вопросы истории, филологии и педагогики. Вып. 2. Казань, 1967, с. 129—136.

² Goethe I. W. Auswahl in drei Bänden. Leipzig, 1952, I. Band. Der junge Goethe.

³ См.: Василевская И. А. Лексические новшества в русской литературной речи XVIII века (иноязычно-русские однослова).— В кн.: Русская литературная речь в XVIII веке. М., 1968, с. 176—200.

§ 9

¹ Helbig G., Buscha J. Deutsche Grammatik.— Leipzig: Enzyklopädie, 1975.—629 S.

² Schröder J. Überlegungen zu zwei weiteren Untergruppen von Präpositionen im lokalen Bereich.— Deutsch als Fremdsprache, 1978, №6, S. 357.

³ Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография.— М.: Наука, 1976.—355 с. Филичева Н. И. Синтаксические поля.— М.: Высшая школа, 1977.—213 с. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике.— М.: Наука, 1974.—256 с. Лежава В. Г. Семантическая структура предлогов пространственного значения в современном немецком языке. Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Тбилиси, 1970.—20 с.

К главе II

§ 1

¹ См.: Береснев С. Д. Опыт типологии словообразовательной формы.— Филологические науки, 1975, №2.

² См.: Павлов В. М. К дискуссии о словосложении в немецком языке.— В кн.: Сб. научн. тр. МГПИИЯ им. Мориса Тореза, вып. 91, с. 66.

³ См.: Иванова И. П. О словореализующей функции аффиксальных морфем в английском языке.— В кн.: Вопросы структуры английского языка в синхронии и диахронии. Вып. 2, Л., 1969, с. 150—152.

⁴ См.: Виноградов В. В. О формах слова.— Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. 3, вып. 1, 1944.

⁵ Erben J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre. Berlin, Erich Schmidt Verlag, 1975, S. 21.

⁶ См.: Виленкин Н. Я. Комбинаторика.— М.: Наука, 1969.

⁷ Абызова Э. Б., Береснев С. Д. Терминологические существительные в немецком подязыке гидромеханики с точки зрения получателя сообщения.— В кн.: Вопросы научно-технической терминологии

гии и методики преподавания иностранных языков. Минск, 1980, с. 115—121.

⁸ Mackensen L. Die deutsche Sprache unserer Zeit. Zur Sprachgeschichte des 20. Jahrhunderts. Quelle & Meyer Verlag, Heidelberg, 1956; Павлов В. М. Субстантивное словосложение в немецком языке. Автореф. дис. ... докт. филолог. наук.— Л., 1973.

⁹ Fleischer W. Zur linguistischen Charakterisierung des Terminus in Natur — und Gesellschaftswissenschaften — „Deutsch als Fremdsprache“, 1973, 4, S. 193—203.

¹⁰ Ярцева В. Н. Развитие языка науки.— В кн.: Наука и человечество. М., 1975, с. 87—94.

¹¹ Скорнякова Р. И. Статистический анализ особенностей функционирования имен существительных в стиле публицистики современного немецкого языка.— В кн.: Сб. научн. тр. МГПИИЯ им. Мориса Тореза, вып. 73, М., 1972, с. 114—130.

§ 2

¹ Степанова М. Д. Методы синхронного анализа лексики. — М.: Высшая школа, 1968, с. 98.

² Бодуэн де Куртене. Замечания о русско-польском словаре. Лексикографический сборник, вып. 6. М., 1963, с. 130—147.

³ Блумфилд Л. Язык.— М.: ИЛ, 1968.

⁴ Liebich B. Die Wortfamilien der lebenden hochdeutschen Sprache als Grundlage für ein System der Bedeutungslehre /nach Heynes deutschem Wörterbuch der deutschen Sprache/ Breslau, 1905; Pinloche A. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Paris — Leipzig, 1922.

⁵ Angst G. Lexikon zur Wortbildung. Morpheminventar. Tübingen, TGL Verlag Günter Narr, 1975.

⁶ Абызова Э. Б. Опыт морфемного анализа немецких существительных (на материале субъязыка гидромеханики). Казань, 1981. Рукопись представлена Казанским ун-том, деп. в ИНИОН АН СССР 24 июля 1981, № 8165—803.22.

⁷ Кузнецова А. И., Лавреница О. А. О существовании корреляции между продуктивностью и употребительностью аффиксов в русском языке.— В кн.: Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М., с. 83—99.

⁸ Тихонов А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Курс лекций Самарканд, 1971, с. 224.

⁹ Омельчук О. С. Структурно-семантические особенности терминосистемы в отрасли радиоэлектроники.: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук.— Львов, 1978.

¹⁰ Drozd L. Grundfragen der Terminologie in der Landwirtschaft — „Muttersprache“ 74, 1964. S. 309—365.

¹¹ Schütze R. „Außenrund — Schnelleinstechschleifen“ — Bemerkungen zu einem Wortbildungstyp in der Fachsprache der Technik.— Deutsch als Fremdsprache, 1969, № 6. S. 421—426.

§ 3

¹ Андреев Н. Д. Структурно-вероятностная типология отношений между семантикой слова и его грамматическими категориями.— В кн.: Типология грамматических категорий. М., 1975, с. 77—90.

² Москальская О. И. Развитие артикля в древних германских языках.— Автореф. дис. ... докт. филолог. наук.— М., 1953.

³ Москальская О. И. Грамматика немецкого языка (теоретический курс): Морфология.— М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1958—394 с.

⁴ Москальская О. И. Grundzüge einer deutschen Grammatik. Unter der Leitung von Heidolph K. E., Flämig W. und Motsch W. Berlin, Akademie — Verlag, 1981, 1028 S. Рец.: Москальская О. И. Вopr. языкознания, 1982, № 4, с. 142—145.

⁵ Ревзин И. И. К вопросу о способе формулировки правил употребления артикля в современном немецком языке.— Иностран. яз. в школе, 1968, № 4, с. 16—27.

К главе III

§ 1

¹ Солодухо Э. М. Проблемы интернационализации фразеологии: На материале языков славянской, германской и романской групп.— Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982.—168 с.; его же. Интернациональные иноязычные выражения: Учебное пособие для слушателей факультетов повышения квалификации. Казань, 1982.—77 с.; его же. Сопоставительно-исторический и синхронно-сопоставительный анализ интернациональных оппозиций типа „слово — сверхсловный комплекс”: Методическое руководство для преподавателей и студентов. Казань, 1982.—47 с.; его же. Интернациональность фразеологической зашифровки отражаемой действительности: Методическое руководство для преподавателей и студентов. Казань, 1982.—40 с.

² Солодухо Э. М. Понятие фразеологической эквивалентности и классификация фразеологических интернационализмов.— В кн.: Исследования по семантике: Лексическая и фразеологическая семантика. Уфа, 1982, с. 140—147.

§ 2

¹ За последние десятилетия наиболее значительными работами по сопоставительному изучению фразеологии родственных и неродственных языков являются следующие: Рагимов А. С. Сравнительно-сопоставительный анализ английских и азербайджанских номинативных глагольных фразеологических единиц и способы перевода английских фразеологических единиц на азербайджанский язык: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук.— М., 1968; Свешникова Г. С. Типологический анализ фразеологических единиц с компонентами — прилагательными, обозначающими цвет (на материале английского, немецкого и шведского языков): Автореф. дис. ... канд. филолог. наук.— М., 1969; Орловская Л. Я. Сопоставительный анализ фразеологических единиц английского и латышского языков и некоторые принципы составления латышско-английского фразеологического словаря: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук.— М., 1969; Долгополов Ю. А. Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского и немецкого языков): Автореф. дис. ... канд. филолог. наук.— Казань, 1973; Солодухо Э. М. Вопросы сопоставительного

изучения заимствованной фразеологии.— Казань, 1977; Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии.— М., 1980; Вопросы фразеологии: Сб. статей. Самарканд. 1980; Копыленко М. М., Саина С. Т. Функционирование русского языка в различных словах казахского населения.— Алма-Ата: Наука, 1982: Сб. статей. Под ред. В. Д. Аракина, М., МГПИ, 1982.

² См. Лексикографические источники: Большой немецко-русский словарь. Под рук. О. М. Москальской. т. 1—2. М., 1969 (БНРС); Немецко-русский фразеологический словарь / Сост. Э. Ф. Билович, Н. Н. Гришин. М., 1975 (НРФС). Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Hrsg. von Dr. E. Agricola.— Lpz., 1970, Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Lpz., 1982; Русча-татарча фразеологик сүзлек. Казань, 1969; Ахунжанов Г. Х. Татар теленен идиомалары. Казань, 1972.

§ 3

¹ Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М., 1977, с. 234.

² См.: Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (Солодухо Э. М.)	3
-------------------------------------	---

Глава I. Системность в исследовании языковых структур

§ 1. О системности в типологических исследованиях текста (Дорошенков В. А.)	4
§ 2. Вопросы сопоставительной типологии (на материале модификаций в потоке речи в разносистемных языках (Ковальчук Н. Г.)	15
§ 3. Разграничение элементов предложения на основе валентности предиката (complement vs. adjunct) (Кибардина С. М.)	23
§ 4. Транспозиция синтаксических форм (Волкова Л. Б.)	29
§ 5. Некоторые особенности немецких событийных существительных (Маслова Н. А.)	34
§ 6. О семантической структуре имен прилагательных „мягкий” в русском языке и „soft” в английском (Колетвинова Т. Д.)	42
§ 7. О взаимосвязях между семантикой корневых глаголов и их способностью к префиксации (Байталова Г. К.)	48
§ 8. Изучение синонимических отношений имен на материале одновременных переводов одного и того же произведения (диахронический аспект) (Петров А. П.)	61
§ 9. Вторичные значения в некоторых предложно-падежных конструкциях (Медведев В. Б.)	70

Глава II. Статистическое исследование субъязыков

§ 1. Статистическое исследование структуры немецких существительных (на материале частотного словаря субъязыка гидромеханики) (Абызова Э. Б.)	76
§ 2. Каталогизация и статистическая характеристика корневых морфем (Абызова Э. Б.)	89
§ 3. Статистическое исследование категории определенности (неопределенности) немецких имен существительных (на материале публицистического, научного и художественного стилей) (Милич Г. В.)	97

Глава III. Вопросы сопоставительного изучения фразеологии

§ 1. Основы концепции фразеологической интернационализации (на материале языков славянской, германской и романской групп) (Солодухо Э. М.)	106
§ 2. Универсальные структурно-грамматические модели фразеологических единиц немецкого и татарского языков (Хафизова Д. А.)	128
§ 3. Грамматическая десемантизация глагола „делать” и существительного „человек” как источник фразообразования в английском, французском и испанском языках (Клоц А. П.)	134
Примечания	141

**СИСТЕМНОСТЬ ВНУТРИЯЗЫКОВЫХ
И МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Редактор *С. А. Ярмухаметова*
Техн. редактор *Л. И. Блашкова*
Корректор *Л. С. Губанова*
Обложка художника *Э. Я. Зарипова*

ИБ № 836

Сдано в набор 28.09.84 г.
Подписано к печати 5.06.85 г.
ПФ 08106
Формат бумаги 84×108¹/₃₂
Гарнитура литературная.
Печать офсетная.
Печ. л. 4,75 (7,98)
Уч.-изд. л. 8,1
Усл. кр. отт. 8,1.
Заказ Б-602
Тираж 850 экз.
Цена 1 р. 20 к.

Издательство
Казанского университета
420008. г. Казань, ул. Ленина, д. 18.

Полиграфический комбинат им. Камиля Якуба Государственного
комитета Татарской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. 420084. г. Казань, ул. Баумана, д. 19.